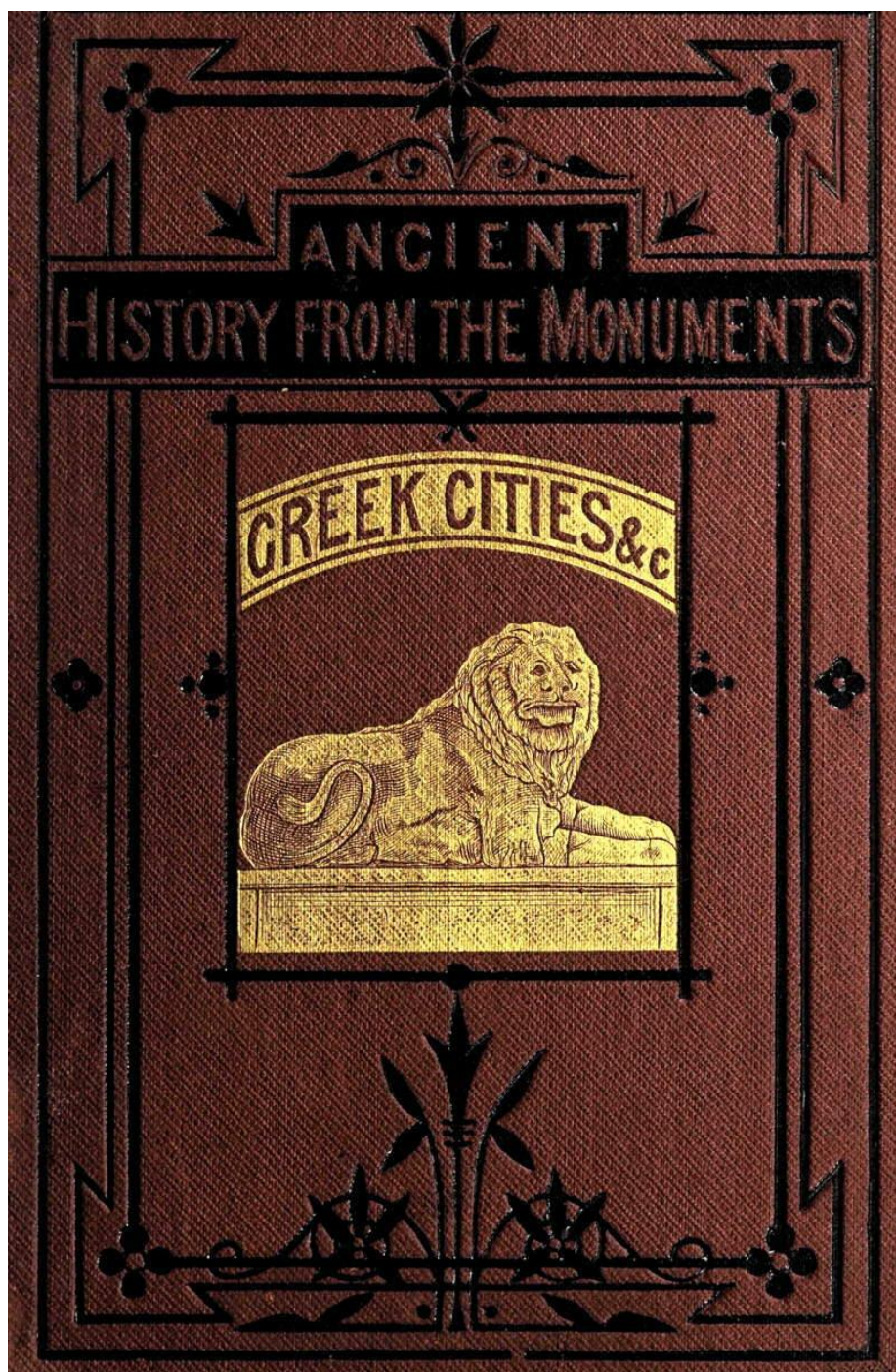

Древняя история в памятниках. Греческие города и острова Малой Азии

У. С. У. Вокс

Электронная книга проекта "Гутенберг" по древней истории из "Памятников: греческие города и острова Малой Азии"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Древняя история из памятников: греческие города и острова Малой Азии

Автор: У. С. У. Вокс

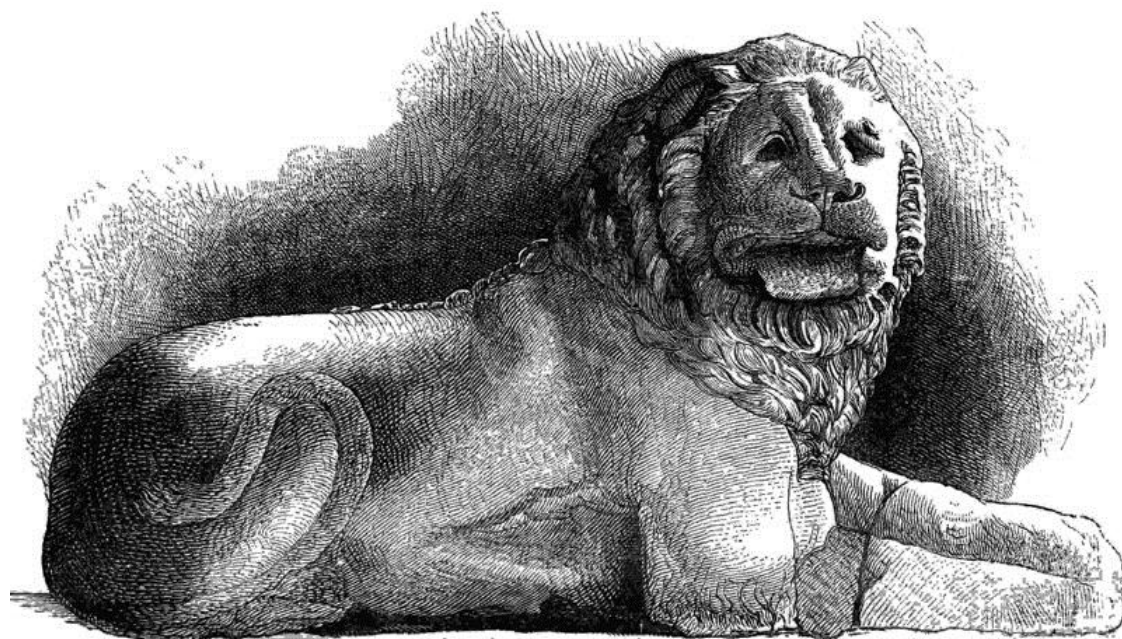
Дата выхода: 4 ноября 2021 г. [Электронная книга № 66663]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Авторские права: Тургут Динсер, Барри Абрахамсен и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ С ПАМЯТНИКОВ: ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА И ОСТРОВА МАЛОЙ АЗИИ" ***

ЛЕВ Из КНИДА.

Древняя история В памятниках греческих городов и островов Малой Азии

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ.

ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА И ОСТРОВА МАЛОЙ АЗИИ.

АВТОР У. С. У. ВОКС, М.А., F.R.S.

ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ КОМИТЕТА ПО ОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ОБРАЗОВАНИЮ ,
НАЗНАЧЕННОГО ОБЩЕСТВОМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ ЗНАНИЙ

ЛОНДОН:

Общество содействия распространению христианских знаний.

Продается в Хранилищах,

Грейт-куин-стрит, 77, линкольнс-Инн-Филдс;

4, Королевская биржа; 48, Пикадилли;

И всеми Книготорговцами.

1877.

Содержание.

ГЛАВА I.

Введение—Кизикус—Лампсакус—Абидус—Асс—Пале-Скепсис—Троя—Доктор Шлиман—Илион Новый—Александрия—Троада—Пергам или Пергам—Эолис.

Страница 1

ГЛАВА II.

Фокея—Смирна—Клазомены—Эритра—Теос—Колофон—Эфес—Мистер Вуд—Милет—Бранхида или Дидима—Священный Путь—Мистер Ньютон—Фиатейра—Магнезия и Сипилум—Филадельфия—Траллес—Сарды—Галикарнас—

Страница 34

Мавзолей—Книд—Деметра—Гробница Льва—Мистер Пуллан—Физкус—Каунус—
Стратоника—Афродизиады—Миласа и Лабранда.

ГЛАВА III.

Ксанф—Сэр Чарльз Феллоуз—Телмессус—Патара—Пинара—Мира—Тлос и
Антифелл—Атталия—Перге—Эвримедонт—Аспендус—Сиде—Термессус—
Кремна—Сагалассус—Сельге—Антиох Писидийский—Тарс—Корацезиум—
Лаэрт—Селинус—Анемуриум—Целендерис—Селевкия—Корикус—Соли—
Адана—Маллус—Мопсуэстия—Азарбус—Иссус.

Страница 86

ГЛАВА IV.

Изавра—Икония—Листра—Дербя—Апамея Чиботус—Эзани—Синнада—
Филомелия—Лаодикия Горящая—Иераполис—Лаодикия Ликумская—
Колоссы—Анкира—Пессин—Тавиум—Назианз—Кесария Аргейская—Тиана—
Комана—Трапезия—Амастрис—Синопа—Пруса Олимпийская—Никея—
Никомедия—Острова Греции—Лесбос—Самос—Хиос—Родус—Господа.
Билиотти и Зальцманн—Кипр—г—н Ланг-генерал Пальма ди Чезнола

Страница
124

ГЛАВА V.

Апостол Павел

Страница
172

Указатель

Страница
187

ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА И ОСТРОВА МАЛОЙ АЗИИ.

ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ.

Кизикус—Лампсакус—Абидус—Асс—Пале-Скепсис—Троя—Доктор Шлиман—Илион Новый—
Александрия—Троада—Пергам или Пергам—Эолис.

Прежде чем мы перейдем к довольно подробному описанию наиболее важных городов Малой Азии и островов, прилегающих к ее западному и южному берегам, мы можем упомянуть, что Малая Азия, как она изображена на карте, по своим очертаниям удивительно похожа на Испанию. Расширение между Н. и Лат. 36° и 42°, и Э. Лонг. 26° и 40°, она примерно такого же размера, как Франция, и несколько меньше, чем в Испании и Португалии вместе взятых. Внутренняя часть острова состоит из центрального плато, редко находящегося ниже 3000 футов над уровнем моря, часто гораздо выше; однако многие его участки, особенно на Северо-

востоке, представляют собой превосходные пастбища для овец и, следовательно, сейчас, как и на протяжении веков, являются естественным домом туркменских пастухов.

На юго-западном конце Малой Азии заканчивается также великий центральный горный хребет самой Азии, который, протянувшись от Брахмапутры на запад, соединяет Гималаи и Кавказ.

Многие ручьи, текущие с этих гор, сильно насыщены известью; отсюда замечательные залежи травертина и т. д., которые можно увидеть в Иераполисе и других местах. Действительно, геологическим особенностям страны мы обязаны тем фактом, что военные и торговые пути через Малую Азию всегда были почти одинаковыми, первые и последние завоеватели следовали одними и теми же дорогами.

Нынешние продукты Малой Азии почти незначительны, если рассматривать их применительно к ее географическому району и огромным богатствам, извлеченным из него римлянами (Cic. pro Leg. Манил. 2). Но все страны одинаково приходят в упадок под деспотичным и неразумным правлением константинопольских османли. Название "Малая Азия", мы можем добавить, сравнительно современное и встречается не ранее Орозия, в пятом веке нашей эры, в то время как название "Анатолия" (*Ἀνατολή*) впервые использовано Константином Багрянородным в десятом веке нашей эры.

Главными провинциями Малой Азии (исключая более мелкие подразделения Ионии, Эолиды и Троады, включенные, как эти последние обычно, в состав Мизии и Лидии) являются следующие: Мизия, Лидия, Кария на Юго—западе и перед Эгейским морем; Ликия, Памфилия и Киликия напротив Крита и Кипра; Вифиния, Пафлагония и Понт на Черном море; и, в центре, Писидия и Ликаония, Фригия, Галатия и Каппадокия.

Мы предлагаем отметить наиболее важные города в соответствии с только что перечисленным порядком расположения провинций; и, следуя этому порядку, мы возьмем сначала Мизию и ее главный город Кизик (эскиз средневековья), который был расположен на перешейке полуострова, вдающегося в Мраморное море. Мистер Гамильтон описывает его положение как "песчаный перешеек, у южного конца которого много больших каменных блоков", что маловероятно, а не как остатки "моста" Страбона. Среди его нынешних вишневых садов до сих пор можно проследить множество древних памятников, свидетельствующих о его первоначальном размахе и великолепии, большинство из видимых сейчас реликвий были римскими, а его разрушение, без сомнения, произошло главным образом из-за сильных землетрясений в правление Тиберия и Аврелия, которые разрушили и обезлюдели так много других прекраснейших городов Малой Азии.^[1]

1. Тацит, говоря о 17 году н.э., 4-м году правления Тиберия, говорит: "Eodem anno duodecim celebres Asiæ urbes collapsæ nocturno motu terræ" (Annal. ii. c. 47): а Цицерон говорит о Кизике как о "urbem Asiæ celeberrimam nobisque amicissimam". Сравните также Apoll. Род. i. 936-941, 983-987; Валерий. Макс. ii. 630; Овидий. Трист. i. 9.

Мистер Гамильтон, действительно, отмечая рыхлый и щебнистый характер его зданий, сомневается в архитектурной славе города; но вполне вероятно, что то, что мы сейчас видим, когда-то было облицовано мрамором, поскольку на прилегающих холмах найдено много прекрасного мрамора. Некоторые из его зданий также сделаны из гранита, который легко разрушается. Как бы то ни было, это место, где хорошо проведенные раскопки могли бы выявить множество любопытных реликвий прошлого. Кизик был отнесен Анаксименом Лампсакским к

колониям Милета, но не имел значения до завершения Пелопоннесской войны, когда по позорному Антальядасскому миру он был передан персам, а его конечное процветание было в значительной степени обусловлено его положением естественного перевалочного пункта между Черным и Эгейским морями. Во времена Римской империи это был, согласно Страбону, “*Libera civitas*” и, за исключением Никомедии и Никеи, самый важный город в этой части Малой Азии. Во времена Каракаллы он стал “Метрополией”, а еще позже - епископальной кафедрой.

Об огромном богатстве и, возможно, мы можем добавить, о популярности его граждан в пятом и четвертом веках до нашей эры свидетельствуют золотые монеты, называемые кизицинскими *мистатерами*; хотя можно усомниться в том, что *zeschino* (или блеска) означает *кизицин*, как считалось раньше. В авторитетной статье доктора (ныне сэра Патрика) Колкухуна (пер. Роя. Литер. том iv. стр. 35), ясно показано, что “*Сквиз*” Виль-Ардуэна - это древний Кизик, “старейшее торговое место в мире”, как утверждает этот автор, с некоторым преувеличением. Форма “*Esquisse*”, вероятно, как предполагает доктор Колкухун, является искажением $\epsilon\acute{\iota} \varsigma \text{ K}\acute{\upsilon}\zeta\text{ikov}$ (“к Кизику”).^[2] Статья доктора Колкухуна полна любопытной информации о раннесредневековом состоянии этой части Малой Азии. Его упадок был вызван главным образом вторжением готов в 262 году н.э., но он долгое время оставался столицей Геллеспонтской провинции (Hierocl. Synecd. стр. 661. Малала, Хроника. i. стр. 364). Окончательно он был разрушен землетрясением в 943 году н.э..

2. Подобные современные модификации можно заметить и в других местах Леванта. Таким образом, Stanchio (Кос) происходит от $\epsilon\acute{\iota} \varsigma \text{ τ}\acute{\eta}\nu \text{ K}\acute{\omega}\nu$; Стамбул - это не обязательно коррупция Constantinopolis, но, более вероятно, из $\tau\acute{\eta}\nu \epsilon\acute{\iota} \varsigma \text{ πόλιν}$ (“города”); так Stalimene (Лесбос) происходит от $\epsilon\acute{\iota} \varsigma \text{ τὸν λιμένα}$ (“порту”).

Другим примечательным городом Мизии был Лампсак, также колония Милета и Фокеи, о чем свидетельствуют его золотые и серебряные монеты и статуя распростертого льва, как говорят, работы Лисиппа, а впоследствии поставленная Агриппой на Марсовом поле в Риме. Город славился своим вином и по этой причине был пожалован Фемистоклу, который, как говорят, за год выучил здесь, или в Магнезии, персидский язык; окрестности были пожалованы ему его старым врагом, персидским царем. Как и большинство городов западной части Малой Азии, он часто переходил из рук в руки во время соперничества своих более могущественных соседей; но, поскольку римляне с мудрой предусмотрительностью отдали золотую корону, он был принят ими как союзник,^[3] и, следовательно, во времена Страбона был городом определенной величины. Небольшая деревня под названием Лампсаки, скорее всего, отмечена на наших современных картах на месте старого города.

3. Liv. xliii. 6. Скорее всего, его храброе сопротивление Антиоху благоприятно расположило к нему римлян (Liv. xxxiii. 38; xxxv. 42; Polyb. xxi. 10).

Немного южнее Лампсака находился Абид, в самой узкой части Геллеспонта, напротив города Сестус.^[4] Немного выше Абидуса Ксеркс построил свой знаменитый мост, 480 г. до н.э.; Но, за исключением доблестного сопротивления, оказанного Филиппу, сыну Деметрия, царю Македонии, Абидусу нет места в истории. Однако в легендарных преданиях это была сцена знаменитого плавания Леандра, чтобы навестить свою возлюбленную, жрицу Храма в Сестусе, на противоположном или европейском берегу, - подвиг подводника, однако, далеко превзойденный в последние дни. Хорошо известны строки лорда Байрона на эту тему:

Возможно, он мог бы перейти Геллеспонт,
Как когда-то (подвиг, которым мы гордились)
Линдер, мистер Экенхед и я так и сделали.

Дон Хуан, Песнь ii. 105.

4. Средняя ширина Геллеспонта составляла около трех миль — довольно узкий для гомеровского πλάτῡς, “широкого”. Однако он, вероятно, смотрел на нее скорее как на могучую реку, к которой, действительно, вполне применимы его эпитеты ὑγάρροος и ἀπείρων (“полноводный” и “безграничный”). Геродот называет ее δολερὸς и ὀμιρὸς ποταμός, “коварной и неприятной рекой” (vii. 35).

Труд Леандра, однако, был больше, чем труд поэта или его спутника, поскольку он плыл *против* течения, чтобы добраться до Сестуса, причем течение часто было настолько сильным, что хорошо управляемую лодку невозможно было протащить прямо через него.

Чуть дальше по побережью, лицом почти строго на юг, находится Ассус, место, которое посещали многие путешественники, такие как Уолпол, Шуазель-Гуффье, Рауль-Рошетт, Феллоуз и Пуллан. Оттуда были вывезены самые древние памятники греческого искусства из парижского Лувра. Расположение главных зданий очень величественное; действительно, во времена Страбона Ассус считался почти неприступной крепостью.^[5] Его руины все еще удивительно совершенны, по крайней мере, одни ворота треугольной конструкции, напоминающие ворота в Микенах и Арпине. Здесь также сохранились остатки шестистильного дорического храма, демонстрирующего некоторую аналогию с храмом в Пестуме. Семнадцать крупных фрагментов из метоп и двух фасадов храма были в конечном итоге вывезены во Францию капитаном. Шенью вместе с дорической капителью. Они были найдены разбросанными по склону холма и, должно быть, были когда-то убраны, вероятно, для строительных целей; действительно, фрагменты подобных предметов были также замечены в некоторых соседних домах. По характеру изготовления скульптуры напоминают эгинский мрамор, который сейчас находится в Британском музее. Но их исполнение не столь эффектно, поскольку материалом, из которого они сделаны, является грубый красный камень, растущий по соседству. По той же причине, возможно, объясняется и тот факт, что их не унесли давным-давно. Если бы они были из прекрасного мрамора, то стали бы ценной добычей. Сэр Чарльз Феллоуз, говоря об Ассусе, говорит: “После сдачи своего багажа я выбрал самого умного турка в этом заведении в качестве своего чичероне.... Сразу же вокруг меня простирались на многие мили руины, нетронутые ни одним живым существом, кроме коз и детенышей. Со всех сторон виднелись колонны, триглифы и фризy, прекрасные скульптуры, каждый предмет говорил о величии этого древнего города. В одном месте я видел тридцать дорических капителей, выстроенных в ряд для ограждения”. Сэр Чарльз Феллоуз рисует один из фризy, которые сейчас находятся в Париже, и добавляет: “Затем я вышел на Виа Сакра, или Улицу Гробниц, протянувшуюся на многие мили. Некоторые из этих гробниц все еще сохранили свои первоначальные прекрасные формы, но большинство из них были открыты, и крышки лежат у стен, которые они закрывали, поскольку любопытство или алчность были удовлетворены, сдвинув их.... Эти руины имеют значительно больший масштаб, чем руины римского города, и многие из них столь же совершенны. Некоторые из них богато украшены и имеют надписи;

другие размером с храм и имеют площадь от двадцати до тридцати квадратных футов; обычная высота саркофага составляет от десяти до двенадцати футов”.^[6]

5. Характер положения Асса привел к шутке музыканта Стратоника, который применил к нему строку Гомера (Ил. vii. 144), играя на значении слова Ἄσσον, а именно.

Ἄσσον ἴθ', ὡς κεν θᾶσσον ὀλέθρου πείραθ' ἴκηαι,

Приходите скорее (или приходите в Ассус), “чтобы вы быстрее пришли к полному уничтожению”. В Ассе святой Лука и другие спутники святого Павла присоединились к нему на своем корабле, поскольку апостол шел пешком из Александрии Троадской (Деяния XX. 13).

6. Популярная история о “Лазурите Ассиусе” с его предполагаемой способностью разрушать плоть погребенных в нем тел (отсюда название *саркофаг*, или “пожирающий плоть”) отмечена Диоскоридом и Плинием. Но это греческое слово редко используется для обозначения гробницы, более распространенным словом является σόρος (сорос). Однако римляне использовали его, как в Juv. x. 170. Полковник Лик замечает о руинах Ассоса: “Все это дает, пожалуй, самое совершенное представление о греческом городе, который где-либо существует” (Малая Азия, стр. 128). См. также Р. П. Пуллан, “Руины Малой Азии”, стр. 19.

Пале-Скепсис интересен с точки зрения местной традиции, поскольку когда-то он был столицей владений Эния. По—видимому, он располагался недалеко от истока Эсепа — высоко на горе Ида - более поздний Скепсис находился примерно в шестидесяти стадиях (7½ миль) ниже (Страбон, xiii. 607). Доктор Колкухун^[7] утверждает, что деревня по соседству до сих пор носит название *Эски Скиселье*, которая, поскольку Эски в переводе с турецкого означает “старый”, это соответствует палеоскепису; доктор Колкухун в то же время цитирует слова его первооткрывателя, выдающегося ученого-востоковеда доктора Мордтмана. “Я действительно обнаружил, ” говорит доктор Мордтманн, “ древнейший город с его акрополем, башнями и стенами, построенными из тесаного камня, и четырьмя воротами. Древность этого места проявлялась в том, что дуб вырос своими корнями в стену, а его ствол вырос до 530 сантиметров в обхвате (около 17 футов). Обратившись к Страбону, я впервые осознал, что обнаружил, вероятно, самые древние руины в Малой Азии, поскольку я считаю, что это не может быть ничем иным, как Палеоскеписом”. Свидетельства, приведенные докторами Мордтманном и Колкухуном, подтверждают точность Страбона. Более поздний город Скепсис знаменит тем, что во времена Суллы там были обнаружены труды Аристотеля и Теофраста, которые были похоронены неграмотными родственниками некоего Нелея (ученика Аристотеля и друга Теофраста), чтобы их не унес Аттал, основавший тогда свою библиотеку в Пергаме. Из Страбона явствует, что, хотя драгоценная рукопись и сохранилась от полного разорения, она они сильно пострадали от сырости и червей; но еще больше они пострадали из-за неразумных усилий их покупателя, Апелликона из Теоса, человека с благими намерениями, хотя и совершенно некомпетентного восполнить обнаруженные им пробелы.

7. См. доктора Колкхауна “На месте Палеоскеписиса Страбона” (Пер. R. S. Liter., том iv. 1852).

Но самым знаменитым местом в Мизии был древний город Троя. Здесь было бы неуместно, да и невозможно обсуждать какие-либо различные теории древних или современных времен, относящиеся к этому знаменитому городу и его не менее знаменитой войне. Здесь достаточно заявить о нашей твердой вере в существование обоих, и далее, что легенды, с тех пор сгруппированные вокруг них, никоим образом не требуют какого-либо такого несуществования.

Мы не сомневаемся, что выдающийся конический холм, ныне называемый Гиссарлык, действительно представляет собой место, где когда-то стояла древняя Троя.^[8] Совпадение различных рассказов о древней истории, существование в Гиссарлыке руин глубокой древности и исключительная пригодность местоположения (если, конечно, все, что приписывается Гомеру, не должно быть осуждено как чисто мифическое) приводят к, казалось бы, неизбежному выводу, что здесь, если вообще где-либо, когда-то стоял этот знаменитый город.

8. Как нам кажется, справедливо было отмечено (Quarterly Review, апрель 1874 г.), что “ни один из скептически настроенных критиков никогда не ставил под сомнение тот факт, что они (гомеровские поэмы) демонстрируют знакомство с топографией региона, который (и это немаловажно) со всей известной древности носил название Трояда.... Гомеровские Ида, Скамандр и Геллеспонт так же реальны на его страницах, как и в их существовании в наши дни”.

Жители Илиона представляли собой смешанное население, частично, вероятно, фракийского происхождения, и пока только греческое, что в обоих народах можно проследить пеласгийский элемент, хотя они, вероятно, также были ниже греков в цивилизации, с варварскими привычками и манерами, уже устаревшими среди их более утонченных врагов. Также, опять же, нет никакой необходимости утверждать, что взятие Трои подразумевает ее полное разрушение; действительно, более вероятно, что ее окончательное крушение произошло из-за вражды ее азиатских соседей, как предполагает Страбон, опираясь на авторитет древнего писателя Ксанфа. Ясно, что Илион стоял на возвышенности, между реками Скамандр и Симоис, и что здесь располагались дворцы Приама и его сыновей. Мы можем с полным основанием заключить, что все это место было окружено мощными стенами со множеством ворот, однако только одни из которых упоминаются у Гомера по имени. Такова была традиция, о долголети которой свидетельствует последующее жертвоприношение Ксеркса, зафиксированное Геродотом (vii. 43).

Новая Подвздошная кость более поздних времен, скорее всего, находилась на том же традиционном месте; теория Деметрия Скепсиса, принятая Страбоном, о двух Подвздошных косточках, отделенных одна от другой значительным промежутком земли, явно противоречит здравому смыслу в этом вопросе.^[9] Любопытно, естественно, ожидал бы, что те, кто построил *Новум Илион*, выберут для своего города то место, на которое наиболее отчетливо указывают легенды; в то время как явным возражением против точки зрения Деметрия является то, что она превращает Гомера из поэта в топографа и пытается привести природные особенности страны в соответствие с его поэтическими описаниями. Гораздо более вероятно, что Гомер или тот, кто собрал поэмы, вышедшие под его именем, имел лишь очень общее представление о местах, где происходили описываемые им сцены; в то время как среди тех авторов, которые в наше время более или менее приняли теорию Деметрия и Страбона, также нет общего согласия относительно истинного местоположения Трои. Действительно, если исходить из того, что Гомер писал свои стихи с картой местности на коленях, то просто невозможно зафиксировать какое-либо одно место, удовлетворяющее всем условиям его рассказа.

9. Место древнего Илиона, которое в последние годы пользуется наибольшей популярностью, называется *Бурнарбаши*, где Скамандр выходит из нижних хребтов горы Ида, и, следовательно, недалеко от “деревни илианцев”. Эта точка зрения, первоначально предложенная Шевалье в 1788 году и впоследствии принятая Реннеллом, Ликом, Велкхером, Форчхаммером, Шуазель-

Гуффье и другими, была, однако, полностью опровергнута Гроте, аргументы которого были полностью подтверждены новейшими исследованиями.

Теперь мы должны обратить внимание на недавние замечательные исследования доктора Шлимана, поскольку, хотя они мало что сделали для раскрытия гомеровской Трои, они продемонстрировали, что на много футов ниже очень древних и все еще существующих стен когда-то находились огромные сооружения - сокровищница, крепость и королевская резиденция какого-то богатого правителя далекой древности. Таким образом, хотя мы и не верим, что доктор Шлиман нашел древнюю Трои, в том же смысле, в каком Лейард обнаружил дворцы Сарданапала, греческие надписи, которые он раскопал, несомненно, доказали идентичность современного Гиссарлыка с *Новым* Илионом. Какова же тогда история исследований Шлимана и что он сделал такого, чего не смог бы сделать любой другой человек, располагавший столь обширными средствами? Несомненно, есть и другие люди, которые могли бы сделать не меньше, чем он, особенно мистер Лейард. Поскольку на доктора Шлимана оказало большое влияние его раннее домашнее образование, и поскольку его карьера была очень неординарной, мы уверены, что нашим читателям хотелось бы узнать что-нибудь о землекопе, а также о том, что он раскопал. Поэтому мы намереваемся дать краткий очерк его личной истории, а затем, с такой же краткостью, добавить упоминание о том, чего он достиг.

Родившийся в 1822 году в маленькой деревне в Мекленбурге, он рассказывает нам, что “как только я научился говорить, мой отец рассказал мне о великих деяниях героев Гомера”, и, хотя с десяти лет он был подмастерьем на складе,^[10] он всегда сохранял, как он добавляет, “ту же любовь к знаменитым людям”. о древности, которую я придумал для них в моем первом детстве”. Со временем Шлиман стал клерком, хотя и получал всего 32 фунта в год, но ему удавалось жить на половину, обходиться без огня и посвящать все свободные минуты изучению языков. Таким образом, он выучил сначала английский и французский, каждый за шесть месяцев, а затем другие современные языки, включая русский.

10. Не следует забывать, что на этом “складе” Шлиман работал с четырнадцати до двадцати лет, с 5 утра до 11 вечера, продавая селедку, масло, бренди, молоко и т.д.; и что только после того, как он потерял это занятие из-за травмы, полученной при подъеме бочки, он был *повышен* до должности клерка с жалованьем, указанным в тексте.

Голландскому, испанскому, итальянскому и португальскому языкам он дал только по шесть недель каждому. В течение восьми лет, с 1846 по 1854 год, он был так много занят бизнесом, что у него не оставалось времени на литературу; однако в конце второго года он нашел время выучить шведский и польский языки. Только в январе 1856 года он осмелился напасть на греческий, опасаясь, как он наивно замечает, что увлечение его изучением может помешать его коммерческим обязанностям. Однако с помощью двух друзей-греков он рассказывает нам, что выучил новогреческий за шесть недель, а еще через три месяца - достаточно классический греческий, чтобы понимать древних авторов, и особенно Гомера. В 1858 году доктор Шлиман смог совершить путешествие по Швеции, Дании, Германии, Италии и Египту, по пути немного изучив (мы предполагаем, разговорный) Арабский и возвращался оттуда через Сирию и Афины в Санкт-Петербург. Однако только в 1863 году благодаря своим энергичным коммерческим занятиям он получил средства провести остаток своей жизни так, как ему заблагорассудится.

Его первым планом в 1864 году было посетить родину Улисса, но это была всего лишь поспешная поездка, и вскоре после этого его побудили продлить свое путешествие в Индию,

Китай и Японию. По возвращении в Европу он провел некоторое время в Париже, но оттуда совершил также путешествия в Грецию и на равнины Трои, отчет о которых, написанный, по-видимому, около 1868 года, он привел в первом томе своей недавней работы. Этот том содержит, *среди прочего*, результаты его исследований среди “циклопических” сооружений в Арголиде, знания, имевшие для него огромную ценность, когда он приступил к своим более важным раскопкам. Он, по-видимому, также примерно в этот период тщательно исследовал Троаду и убедился, что Гиссарлык был тем местом, с которого можно было начать свои раскопки. Женившись на гречанке, во всех смыслах “помощнице” в работе, которую он намеревался выполнить, весной 1870 года он снова отправился в Троаду и, набрав достаточное количество рабочих, продолжал там свои раскопки в течение большей части периода с осени 1871 по лето 1873 года.

Не следует предполагать, что эта работа была легкой или приносила удовольствие: у него не было терпеливых “халдеев”, которые выполняли приказы Лейарда, и еще меньше у него было Хормузда Рассама, который разрешал бы, как может разрешать только местный житель, постоянно возникающие споры между греческими и мусульманскими “землекопами”. Действительно, чтобы уберечь одну мостовую от разрушения, ему пришлось сказать своим рабочим, что по этой дороге “Христос поднимался навестить царя Приама”! Затраты тоже были очень велики, поскольку у него часто работало 150 человек, и он израсходовал из своих собственных средств целых 8000 фунтов стерлингов. Можно ли слишком высоко оценивать такие усилия, направленные на установление реальности или ложности древней истории, и это тоже с помощью единственного полностью эффективного средства - раскопок мест, имеющих традиционное значение? Можем ли мы сдерживать наше восхищение этим работником, даже несмотря на то, что его энтузиазм, возможно, заставил его поверить, что все, что он нашел, было троянским, особенно золотые реликвии, принадлежавшие царю Приаму? и, в конце концов, какое значение имеет теория экскаватора, чтобы работа, которую он выполняет, была выполнена хорошо? С таким же успехом мы могли бы оспаривать труды мистера Паркера в Риме, потому что он подкрепил свои самые ценные раскопки собственной, несколько причудливой верой в личность Ромула. Все честные раскопки, такие как раскопки доктора Шлимана и мистера Паркера, представляют собой множество памятников, восстановленных после всеуничтожающего времени. Мы вполне можем позволить себе не обращать внимания на фантазии землекопов или улыбаться им, при условии, что будет вестись тщательный учет того, что действительно было обнаружено в ходе раскопок.

Отчет доктора Шлимана о его раскопках в период с осени 1871 года по 17 июня 1873 года был опубликован в виде двадцати трех писем или мемуаров; такой способ повествования тем приятнее, что он знакомит читателя *au courant* с повседневными идеями первооткрывателя, хотя и неизбежно требует некоторых повторений, а не нескольких исправлений. Однако его Введение дает достаточное представление о том, чего он достиг. Вместе с текстом он также предоставил атлас из 217 фотопластинок с планами и раскопками, проводившимися по всей равнине Трои, вместе с изображениями от трех до четырех тысяч обнаруженных отдельных объектов. Эти фотографии — к сожалению, сделанные не с оригиналов, а с их рисунков — совершенно неадекватны для того, чтобы дать сколько-нибудь удовлетворительное представление о красоте или характере самих объектов.

Доктор Шлиман, приняв, как мы уже говорили, решение^[11], что возвышенность, ныне называемая *Гиссарлык* (или крепость), была местом Древней Трои, начал свои раскопки там, на

плато примерно в 80 футах над уровнем равнины, с крутым спуском к Северо-западу. земли на 26 футов выше, примерно 925 футов в длину и 620 футов в ширину, которую он принял за Пергам Гомера, или цитадель Приама. Если это так, то под этим Акрополем и вокруг него, должно быть, находился как второй, так и более ранний город. Доктор Шлиман приступил к работе во многом так, как это делают шахтеры при “разведке”, только в большем масштабе: он проводил зондирование равнины, пока не достиг девственной породы на глубине не более 16 футов, сначала встретив только стены домов и фрагменты керамики греческого или даже более позднего периода. Поскольку он больше ничего не нашел до края Пергама,^[12] он пришел к выводу, что первоначальный Илион не распространялся на равнину, и что его площадь была точно определена великой стеной, которую он впоследствии обнаружил. Короче говоря, он пришел к выводу, что в городе не было особого Акрополя,^[12] как утверждал Гомер, и что любое расширение старого города было связано с *обломками*, которые постепенно сбрасывались или скапливались у основания небольшого центрального холма. Он довольно забавно добавляет: “Я осмеливаюсь надеяться, что цивилизованный мир не только не будет раздосадован тем, что город Приам оказался едва ли на двадцатую часть больше, чем можно было ожидать из утверждений “Илиады”, но, напротив, с восторгом и энтузиазмом примет уверенность в том, что Илион действительно существовал”.

11. Доктор Шлиман полностью изложил в “Аугсбургской газете”, 26 сентября 1873 г., свои причины для принятия Гиссарлыка за Трою и отказа от Бунарбаши и других мест; и его причины для *антикваравеские*: -1. В Бунарбаши не было найдено ничего более раннего, чем черепки шестого века до н.э. 2. Сэр Дж. Лаббок в так называемой гробнице Гектора не нашел ничего ранее третьего века до н.э. 3. Фон Хан не нашел ни черепков, ни кирпичей на северной стороне Балидага, между Акрополем (Герги) и источниками Бунарбаши. 4. На участках, исследованных Кларком и Баркером Уэббом, а также на участке Ульрихса, не обнаружено останков человека. 5. “Деревня илианцев” — κῶμη Ἰλιέων Деметрия Скепсисского — не дала ничего более раннего, чем черепки первого века до н.э. С другой стороны, под Гиссарлыком были найдены все или большая часть останков, включая сокровища, которые сохранил доктор Шлиман.

12. Это слово Пергам или Pergama, которое не раз встречается в Малой Азии, особенно в случае с великим городом с таким названием, вероятно, является лишь другой формой πύργος, *burg* или *berg*, которое встречается во многих языках индоевропейской семьи. Таким образом, санскр. *сперг*; гр. *пирү*, первоначально *сфирүс* или *фирүс*. Итак, готское *baigr-axeй*, горный; *fairg-uni*, гора. Сравните также с этим Берге во Фракии и Перге в Памфилии. Возможно, кельтское *briga* (*бриганты*, обитатели холмов) связано с тем же корнем. Арабы теперь переняли это слово (см. Ренан).

В небольших размерах “предполагаемой” Трои нет ничего особенно примечательного. Древним обычаем было строить город вокруг центрального Акрополя, где это было возможно. Так было с Афинами и Микенами, с Римом, Карфагеном и горой Сион; обычными жилищами населения на протяжении веков были хижины или небольшие коттеджи, подобные традиционному *Тугуриуму* Ромула, зданиям, которые, естественно, не оставили после себя никаких следов своего прежнего существования. Хорошо подмечено, что Гомера нельзя справедливо обвинить в том, что он *выдумал* этот Пергам, поскольку холм был естественным фактом: и что он действительно делал, так это тешил свое воображение великолепием города, который он расположил на нем или на равнине вокруг него.

Небольшой холм Гиссарлык стал, таким образом, центром трудов доктора Шлимана, самым продуктивным полем его раскопок и местом, где он вскрыл стены, гораздо более древние, чем греческий Илион, с прекрасными въездными воротами и мощеной дорогой через них, а также множеством остатков домов и чудесной коллекцией реликвий, некоторые из которых имеют огромную внутреннюю ценность. Но самым неожиданным открытием *было* расположение различных останков, доказывающее, что, по крайней мере, четыре разные группы людей занимали это место и покрывали его своими собственными зданиями, в полном неведении о том, что до них здесь были более древние расы, чьи останки на самом деле находились под ними. Тот же факт был замечен, но в небольшом масштабе, и в других местах. Таким образом, римский Лондон находится примерно в шестнадцати-семнадцати футах под Особняком или Банком Англии; точно так же Лейард обнаружил на кургане Нимруд последовательные следы арабской, римской и парфянской оккупации. Но такие следы - ничто по сравнению с тем, что было обнаружено в работах доктора Шлимана. Было ясно, что естественный холм Гиссарлык был сначала несколько выровнен, а также в некоторых местах укреплен подпорной стеной, и что над ним последовательные руины были нагромождены сплошной массой на высоте от 46 до 52 футов над естественной породой. На этом, наконец, *был* построен Новый Илион. Доктор Шлиман приводит фрагмент, из которого явствует, что, начиная с существующей поверхности, греческий Илион занимает около шести футов в глубину; что на 23 футах ниже находится "Троя Гомера" доктора Шлимана; и что под этой "Троей", опять же, находится третий слой толщиной 29 футов - все человеческие скопления. Самый скептически настроенный человек в отношении "Божественной Трои" не может подвергнуть сомнению точность измерений доктора Шлимана, что бы он ни думал о его теориях. Очевидно, что даже слой непосредственно под Новым Илионом по существу является доисторическим. Тогда к какому времени относятся еще более низкие слои? Действительно, на расчеты по этому вопросу можно полагаться так же мало, как на расчеты мистера Хорнера по *аллювию* Египетской дельты. Однако с ними связаны некоторые моменты, на которые следует обратить внимание, исходя из их особенностей. Таким образом, наложенные друг на друга слои свидетельствуют скорее о периодах оккупации, чем о периодах разрушения; в то время как теория об отдельных и четко определенных каменном, бронзовом и железном веках полностью опровергается, каменные орудия встречаются во всех слоях и даже там, где бронза в изобилии. Железо, с другой стороны, почти полностью отсутствует. Так, орудия труда из камня и меди встречаются с украшениями из золота, серебра и даже слоновой кости, свидетельствующими о прогрессе цивилизации и, как причина этого, о некотором торговом обмене с другими народами.

Поэтому, что бы еще ни думали об исследованиях доктора Шлимана, не подлежит сомнению, что раскопки в Гиссарлыке образуют новую главу в истории человека и как таковые (помимо какой-либо предполагаемой связи с Гомером) являются достаточной наградой за его труд и затраты капитала. Несомненно, было бы лучше (но кто сможет обуздать искренний энтузиазм?), если бы он был менее готов присваивать каждому своему открытию какое-нибудь гомеровское имя; мы могли бы обойтись без таких претенциозных отождествлений, как башня Илиона, скейские ворота, Царский дворец и Сокровище царя Приама; точно так же, как в аналогичном случае ценный вклад мистера Паркера в раннюю историю Рима не улучшается возрождением легенды о Ромуле и Реме и о вскармливании этих героев волчицей. Ничто, однако, с учетом этих незначительных недостатков, не может превзойти интерес повествования доктора Шлимана.

"Раскопки, - цитирую его собственные слова, - доказывают, что второй народ, построивший город на этом холме на *обломках* первых поселенцев (толщина которых составляет от двадцати

до тридцати футов), - это троянцы, о которых поет Гомер.... Слои этого троянского мусора, которые, без исключения, носят следы сильного жара, состоят в основном из красной древесной золы и возвышаются на пять-десять футов над великой стеной Илиона, двойными Скейскими воротами и великой окружающей стеной, возведение которой Гомер приписывает Посейдону и Аполлону, и они показывают, что город был уничтожен страшным пожаром. Насколько сильной, должно быть, была эта жара, видно также по большим каменным плитам дороги, ведущей от двойных Скейских ворот вниз, на равнину; ибо, когда несколько месяцев назад я прокладывал эту дорогу, все плиты казались такими же неповрежденными, как если бы их положили совсем недавно; но после того, как они несколько дней находились навоздухе, плиты верхней части дороги протяженностью около 10 футов, которые подверглись воздействию высокой температуры, начали крошиться и к настоящему времени почти исчезли, в то время как плиты нижней части дороги, которые не были затронуты огнем, остались невредимыми и кажутся неразрушимыми. Еще одним доказательством ужасной катастрофы является слой отложений расплавленного свинца и меди толщиной от $\frac{1}{8}$ дюйма до $1\frac{1}{8}$ дюйма, который простирается почти через весь холм на глубину от 27 до 29 футов”.

Именно здесь доктор Шлиман обнаружил потрясающее сооружение, которое он назвал “Башней Илиона”, толщиной не менее 40 футов. “Эта башня, ” добавляет он, “ пролежавшая в земле тридцать одно столетие и после того, как в течение тысячелетий один народ за другим возводил свои дома и дворцы высоко над ее вершиной, теперь снова была извлечена на свет, и с нее открывается вид если не на всю равнину, то, по крайней мере, на ее северные части и на Геллеспонт”. Немного дальше от этой башни находятся удивительно совершенные ворота, приспособленные для двух пар ворот, расположенных одна за другой, верхние крепления которых все еще сохранились в каменных столбах. Их доктор Шлиман принимает за “скейские ворота” Гомера. Затем он подошел к тому, что он называет “Дворцом Приама”, без сомнения, к какому-то дому на глубине от 22 до 26 футов, покоящемуся на большой башне и прямо под Храмом Минервы. Его стены были сложены из мелких камней, зацементированных землей, и, по-видимому, относятся к разным эпохам. Толщина стен варьируется от 4 футов до 1 фута 10 дюймов. Повсюду, как внутри, так и снаружи, видны многочисленные следы пожара, который, должно быть, горел с необычайной яростью. Доктор Шлиман говорит о многофутовом слое красной и желтой древесной золы. Здесь, как и в Ниневии и в Карфагене, первыми разрушениями, по-видимому, были пожары, причем в большинстве случаев они, вероятно, были вызваны деревянной конструкцией верхних частей этих домов. Разумно предполагалось, что в Ниневии только фундамент стен был каменным или кирпичным, а верхняя часть, как и во многих современных восточных домах, была полностью деревянной, которая легко воспламенялась и наполняла комнаты внизу горящими углями. В нескольких комнатах одного из таких домов доктор Шлиман обнаружил красные кувшины высотой от 7 до 8 футов, а к востоку от дома то, что, как он предполагает, было жертвенным алтарем, - гранитную плиту длиной 5 футов 4 дюйма и шириной 5 футов 5 дюймов. Такой пожар, вероятно, запомнился бы надолго; и был задан острый вопрос, не существовало ли, в конце концов, азиатской “Илиады”, передаваемой из уст в уста, которой Гомер, возможно, воспользовался, как и средневековые миннезингеры.

Следующее и величайшее из открытий Шлимана было также одним из его последних: мы приводим его собственными словами. “В ходе раскопок на Троянской стене в непосредственной близости от дома Приама я наткнулся на большой медный предмет замечательной формы, который привлек мое внимание еще больше, поскольку мне показалось, что я вижу за ним золото. На этом медном предмете лежала толстая корка красного пепла и

обожженных руин, на которой снова возвышалась стена толщиной почти 6 футов и высотой 18 футов, построенная из больших камней и земли и, должно быть, относящаяся к периоду, следующему за разрушением Трои. Чтобы спасти это сокровище от жадности моих рабочих и сохранить его для науки, необходимо было действовать с величайшей поспешностью, и поэтому, хотя еще не было времени завтрака, я сразу же приказал подать “paidos”, или время отдыха. Пока мои рабочие ели и отдыхали, я вырезал сокровище большим ножом, не без величайших усилий и самого страшного риска в моей жизни, потому что огромная стена крепости, которую я должен был подорвать, ежеминутно грозила обрушиться на меня. Но вид стольких предметов, каждый из которых по отдельности представляет неоценимую ценность для науки, сделал меня безрассудно смелым, и я не думал ни о какой опасности. Однако вынос сокровищ был бы невозможен без помощи моей дорогой жены, которая стояла рядом, готовая завернуть предметы в свою шаль, пока я их вырезал, и унести их”.

Мы можем добавить, что вся находка лежала четырехугольной массой, сохраняя форму шкатулки, в которую она была помещена, и что рядом находился большой ключ, предположительно тот, которым когда-то ее запирали. Сокровище, вероятно, было поспешно упаковано, и эта идея полностью подтверждается его разнообразным характером. Действительно, то же самое, по-видимому, произошло и с бронзовыми пластинами, найденными мистером Лейардом в Ниневии. Масса найденного драгоценного металла просто поражает: одна чаша весила 40 унций золота, а кроме того, было найдено бесчисленное множество предметов из бронзы, серебра и золота, копья и топоры, и обоюдоострые кинжалы, а также большой бронзовый щит с выступом в центре и приподнятым краем, как будто для того, чтобы принять края бычьих шкур или другого покрытия. К счастью, золотые сосуды устояли перед действием огня; некоторые из них были отлиты, другие откованы молотком; в некоторых случаях также использовалась пайка. Одну любопытную часть коллекции доктор Шлиман описывает следующим образом: “О том, что это сокровище было упаковано, - говорит он, - в величайшей спешке, свидетельствует содержимое большой серебряной вазы, в которой я нашел, почти на самом дне, две великолепные золотые диадемы, обруч для головы и четыре великолепнейших и художественных подвески для серег. На них лежали пятьдесят шесть золотых сережек и 4750 маленьких золотых колец, перфорированные призмы и игральные кости, а также золотые пуговицы и другие драгоценные вещи, принадлежавшие к другим украшениям. За ними последовали шесть золотых браслетов, а на самом верху, в серебряной вазе, стояли две маленькие золотые чашечки”.

Помимо этих более ценных предметов, доктор Шлиман встретился с множеством того, что за неимением лучшего названия можно назвать идолами, состоящими из плоских кусков камня, мрамора и терракоты [и, в одном случае, позвонка какого-то допотопного животного], содержащих на одной стороне “попытку смоделировать лицо, будь то человеческое или совиное”. Такие объекты не редкость. В Британском музее есть множество плоских кусков обожженной глины с нанесенной на них лепниной самого грубого вида, не совсем непохожей на ту, что нашел доктор Шлиман. Доктор Шлиман видит в них оригинальный тип священной совы Минервы, — мягко говоря, - очень смелое предположение. Действительно, если бы не место, где они были найдены, в их отдаленной древности можно было бы усомниться, поскольку, в конце концов, они могли бы быть всего лишь деградировавшими образцами искусства хорошего периода. Доктор Шлиман, однако, утверждает, что многие из этих странных глиняных предметов с совиными головами являются представителями Афины — фактически, первоначального типа *ὑλαυκῶπις θεᾶ*, “богини с яркими или сверкающими глазами”, а также, что

этот эпитет теперь следовало бы перевести как “богиня с совиным лицом”! Но хотя доктор Шлиман может настаивать в пользу своих взглядов на то, что, поскольку поклонение Афине имело восточное происхождение, нет причин, почему бы ей не изображаться с совиным лицом, подобно тому, как мы находим Нисроха с головой орла, Ра с головой ястреба и Амона с головой барана, на самом деле нет никаких доказательств в пользу его теории. Мистер Ньютон охватил все в своем замечании о том, что “концепция человеческой формы как органического целого, концепция, с которой мы встречаемся на самой заре греческого искусства, нигде не встречается” в коллекциях доктора Шлимана, существует вероятность того, что эти предметы относятся к древности, задолго предшествующей чему-либо греческому, и являются работой народа, никоим образом не связанного с греками. В греческом искусстве обычным дополнением к большинству изображений Афины на монетах является сова, в то время как у Гомера (Одиссея, iii, 372) Афина покидает Нестора в образе скопы. Следовательно, возможно, что эти метаморфозы символизируют еще более раннюю веру.

Уже изложив нашу веру в то, что не только Илион или Троя действительно существовали, но также и в то, что существовал реальный живой Гомер, нам не нужно обращать внимания на возражения, выдвигаемые против мнений доктора Шлимана, на том основании, что “поскольку “Илиада” - мифическая поэма, абсурдно ожидать в ней какого-либо исторического ядра”, метод рассуждений, мягко говоря, неудовлетворительный, если не ошибочный. Нет никакой мыслимой причины, по которой самая мифическая поэма не могла бы вместить искаженные образы реальных событий; трудность в каждом случае, и единственная реальная трудность, заключается в распутывании запутанных историй, которые мешают нам разобраться в запутанном клубке истории. Никто не предполагает, что ранние легенды о Зендавесте являются историей, однако некоторые пункты миграции из Северной Европы в Южную могут быть разумно идентифицированы: точно так же никто не считает историю Гигеса у Геродота исторической, хотя анналы Ассур-бани-пала доказывают реальность “Гугу, царя Людима”. Доисторическая теория может зайти слишком далеко.

О характере произведений искусства доктора Шлимана или о датировке его замечательных коллекций в настоящее время нет никаких свидетельств, на которых можно было бы основывать разумное суждение. Одно, однако, кажется несомненным: они не греческие и никоим образом не связаны с греческим искусством. Если среди огромного количества найденных предметов могут быть какие-то предметы, похожие на другие, встречавшиеся в Греции, естественным выводом было бы то, что поскольку большая часть греческого искусства в конечном счете прослеживается до Азии, то и эти предметы тоже. Мы также не должны полностью игнорировать возможные последствия торговли. Доктор Шлиман определенно доказал существование богатого населения, жившего на том месте, которое традиция и история в равной степени приписывают Трои; и мы не можем сомневаться, что владельцы этих останков были доэллинскими. Не так давно Семирамида была таким же мифическим именем, как и царь Приам; и кто может сказать, что будущий Роулинсон не сможет доказать истинность троянского имени Приам так же ясно, как то, что “Саммурамит” правил в Ниневии? Обитатели Илионской скалы явно были “не доисторическими дикарями”, а обитателями настоящего города с его крепостью и дворцом. Любопытно, что выше “Троянцев” доктора Шлимана, на расстоянии от 23 до 33 футов, проживало население, которое строило свои дома из мелких камней и земли, а иногда и из высушенных на солнце кирпичей. Художественные находки этого народа уступают тем, что были ниже их; тем не менее, они изготавливали грубую керамику, боевые топоры, ножи, гвозди и т. Д. С небольшим использованием меди или бронзы, но с большим количеством

каменных орудий. Это место, в свою очередь, было разрушено, и курган заселила другая группа людей, раса, уступавшая в цивилизации всем, кто был до них. Предполагалось, что эти люди были киммерийцами, возможно, частью кочевых племен, которые, как мы знаем из Геродота и Страбона, постоянно совершали извержения в Малую Азию.

Мы должны добавить, что среди различных предметов, найденных доктором Шлиманом, были несколько грубейших царапин на честном камне, которые с самого начала предполагались буквами какого-то алфавита. Истинность этой гипотезы была недавно доказана настойчивым исследованием профессора Гомперца из Вены, который говорит, что в сравнениях, которые он проводил между кипрским алфавитом и надписями гиссарлыка, “я ничего не схематизировал, я ничего не увеличивал и не сокращал. Каждая точка, каждый изгиб скопированы с рабской точностью из лучших кипрских документов. Я также не позволял себе быть эклектичным и смешивать буквы разных периодов и местностей”. Профессор Макс Мюллер добавляет: “Принимая эти заявления профессора Гомперца, я могу только повторить свое убеждение в том, что его расшифровка первой надписи *Тагой Диой* кажется мне почти не вызывающей разумных сомнений”. Интерпретация других предполагаемых надписей более подвержена сомнению.

Примечательным фактом, как ясно показали исследования доктора Шлимана, является то, что обитатели всех этих слоев одинаково были земледельцами, в то время как огромные кувшины, найденные стоящими вертикально, вряд ли могли использоваться для каких-либо других целей, кроме хранения вина, масла или зерна. Количество найденной меди указывает на связь с Кипром — островом меди, — как и только что замеченные надписи; однако последующий анализ поставил под сомнение идею доктора Шлимана о том, что его сосуды были из чистой меди.^[13] Говорят, что прекрасная красная керамика также очень похожа на существующую на Кипре керамику. Однако вазы не расписаны, и никаких следов скульптуры пока обнаружено не было.

13. Римляне называли свою медь с Кипра *Cyprium*, но название острова, скорее всего, происходит от древнееврейского *Chopher*, кипарисовое дерево.

Завершая эти заметки о коллекции доктора Шлимана, которая из-за ограниченности нашего пространства оказалась более сжатой, чем мы могли бы пожелать, нам остается только добавить, что, помимо более крупных и богатых памятников, доктор Шлиман нашел тысячи терракотовых дисков или колесиков, каждое с отверстием посередине, назначение которых в значительной степени потрясло воображение ученых. Таким образом, сам доктор Шлиман назвал их веретенами, грузилами для опускания сетей или ткачества, а также *таблетками ex voto*. Разнообразие узоров на них настолько велико, что, если не считать бессмысленных орнаментов, невозможно предположить, что все они предназначены для одной и той же цели; а узоры на некоторых из них, несомненно, очень любопытны. Таким образом, мы имеем царапины, очень похожие на самые ранние китайские священные иероглифы; другие, явно астрономические; и, прежде всего, самый распространенный из буддийских символов, *свастику*, крест с изогнутыми или прямыми сторонами, согнутыми под прямым углом.

Что касается Нового Илиона, или Гиссарлыка, который, как мы уже говорили, по нашему мнению, находится на месте более древнего города, мы должны сказать, что какие бы сомнения на этот счет ни существовали до раскопок доктора Шлимана, теперь следует прекратить,

поскольку найденных им там греческих останков, несомненно, достаточно для этой идентификации. Как рано был основан Новум Илион, сейчас определить невозможно; но, поскольку это место было довольно укрепленным, разумно предположить, что оно могло быть занято очень скоро после падения Древней Трои, предполагая, что, впрочем, в этом нет необходимости, что Троя была полностью разрушена. Когда Ксеркс скончался, это было важное место, и сын Ксеркса признал его греческим городом. Александр тоже, как и Ксеркс, приносил там жертвы и оказывал множество милостей населению, особенно как жители предполагаемого места расположения древнего города; римляне делали то же самое, возможно, с дополнительной идеей защитить традиционное место, откуда они заявляли о своем происхождении (Liv. xxxvii. 37, xxxviii. 39). Силла и Лукулл были одинаково дружелюбны к нему, и Лукан утверждает, что после Фарсалии Юлий Цезарь (помня о своем предполагаемом предке Иуле) сам обследовал эти местности (ср. App. Bell. Mithr. c. 53; Plut. Vit. Сл.; Страб. xiii. 594; Лукан, ix. 967), в то же время вводя “Людей троянцев”, на которые обратили внимание Вергилий и другие авторы (Эн. v. 602; Suet. Caes. 39; Dio Cass. xliii. 23).^[14]

14. Знаменитая *сигейская* надпись (сейчас находится в Британском музее) была добыта лордом Элджином с крыльца деревенской церкви на мысе Сигеум, немного южнее Гиссарлыка. В течение многих лет предполагалось, что это древнейшая из греческих надписей; но она, вероятно, не такая древняя, как некоторые из надписей из Бранхиды, добытых мистером Ньютоном, или, как греческая надпись на колоссе Псамметиха в Абу-Симбеле, в Нубии. Его целью было зафиксировать передачу определенных сосудов для использования в Пританиуме в Сигее Фанодиком и Гермократом, уроженцами Проконнеса.

Александрия Троадская (в Деяниях Апостолов просто Троада) на самом деле не имеет ничего общего с троянской легендой, но была важным торговым центром во времена Римской империи и столицей прилегающего округа. Первоначально он был основан Антигоном,^[15] и в первую очередь запомнился замечательной щедростью частного лица Ирода Аттика, который построил огромный акведук, некоторые следы которого сохранились до сих пор. Светоний утверждает, что Юлий Цезарь когда-то думал перенести Александрию в Египте на это место, а Зосим добавляет, что Константин также в свое время задумал его как столицу своей Восточной империи (Suet. Caes. c. 79; Зосим, ii. 30); идея, возможно, сохранилась в его нынешнем названии *Эски Стамбул*. Именно оттуда святой Павел и святой Лука отплыли в Македонию (Деяния xvi. 11), и здесь, несколько позже, Апостол вернул к жизни мальчика Евтиха (Деяния xix. 9). Наконец, обогнув мыс Лектум, мы натываемся на глубокий и красивый залив, где стоял древний город *Адрамиттиум*, согласно Страбону, колония афинян (xiii. 6), но, что более вероятно, творение Адрамиса, брата Креза. Рано это было место значительной торговли, для чего ему хорошо подходило его замечательное положение (Ирод. vii. 42). Впоследствии римляне передали его царям Пергама, но Митрадат почти уничтожил его (Страбон, xiii, c. 614). Именно на корабле Адрамиттиума святой Павел начал свое путешествие из Кесарии в Италию, чтобы отстаивать свое дело перед Нероном (Деяния xxvii. 2).

15. Самые ранние монеты Александрии Троадской носят имя Антигонии (Сестини. Понедельник. Ветер. стр. 76).

Теперь мы подходим к городу, Пергаму или Pergamus (поскольку название употребляется безразлично, хотя последнее, или форма мужского рода, пожалуй, наиболее распространена), который, принимая во внимание тот факт, что, будучи большим городом, он не имел отдаленной

древности, стал в более поздние времена одним из самых знаменитых мест древности. Говорят, что это была колония Гераклидов из Аркадии (Павсан. i. 4, 5), и впервые она была упомянута Ксенофонтom как отдельный город (Anab. vii. 8, 4), сгруппированный, по всей вероятности, вокруг крепости значительной природной мощи, откуда, собственно, и произошло его название. Началом его величия стал выбор Лисимаха в качестве своего города-сокровищницы. Лисимаху наследовал Филетер, а впоследствии Эвмен, Аттал Филетер II. и др., семья, примечательная своими благородными деяниями, а также пресловутым богатством многих ее членов. Таким образом, Аттал I, который был провозглашен царем Пергама за его славную победу над галльскими захватчиками, был известен как своим военным искусством, так и своей политической дальновидностью (Polyb. xviii. 29; Liv. xxxiii. 21) в поддержке дела римлян. Эвмен II, не менее, чем его отец, верный друг римлян, достоин упоминания о большой библиотеке, которую он основал в своей столице, которая в древности уступала только библиотеке Александрии (Strab. xiii. c. 264; Афины. i. 3).^[16] Говорят, что в этой библиотеке кожа впервые использовалась для письма, и что из названия, данного этим листам — “Пергаменская карта” — мы получаем название “Пергамент” (Varr. ap. Plin. xiii. 11).^[17] Последний из Аттали, после пятилетнего правления, умер бездетным, завещав свое королевство римлянам (Strab. xiii. 624, xiv. 646). Мистер Аранделл дает живописный отчет о своем восхождении на цитадель и о великолепном виде, открывавшемся оттуда.

16. Эта библиотека была подарена Антонием Клеопатре.

17. Περύαρηνή ἤΑρτη, или пергамент, по-видимому, был введен в употребление Ящиками Маллоса, когда Птолемей прекратил поставки библиуса или папируса тростника.

Сразу за *Мизией* на С. находится великая провинция *Лидия*, часть ее, обращенная к Эгейскому морю, обычно носит название *Иония*, с небольшим районом на северо-западном углу, соприкасающимся с Мизией, под названием *Эолис*. Было распространено мнение, что эолийцы были первой большой группой греческих колонистов, поселившихся в Малой Азии, но, что любопытно, имя эолийцев не встречается у Гомера. Страбон делает их появление в Малой Азии на четыре поколения раньше ионийского переселения, и предполагалось, что это движение было современником возвращения Гераклидов и, что не маловероятно, могло быть в какой-то степени вызвано им. Как и другие греческие колонии, эолийцы перешли в подчинение Ксеркса и, после успеха Кира, были присоединены к персидской империи; следовательно, в греко-персидской войне они предоставили шестьдесят кораблей для вооружения Ксеркса. Главными городами Эолиса были Мирина, Кима, Неонтихос и Метимна. Однако они не настолько важны, чтобы задерживать нас здесь. Итак, перейдем к *Ионии*.

ГЛАВА II.

Фокея—Смирна—Клазомены—Эритра—Теос—Колофон—Эфес—Мистер Вуд—Милет—Бранхида или Дидима—Священный Путь—Мистер Ньютон—Фиатира—Магнезия и Сипилум—Филадельфия—Траллес—Сарды—Галикарнас—Мавзолей—Книд—Деметра—Гробница Льва—Мистер Пуллан—Физкус—Каунус—Стратоника—Афродизиады—Миласа и Лабранда.

Фокея — самый северный из ионических городов, основанный эмигрантами из *Фокиды* под предводительством двух афинских вождей, вскоре благодаря превосходству своей гавани занял видное место среди первых морских государств мира и был первым, кто основал колонии на Адриатическом море, побережьях Этрурии, Галлии и Испании. Сообщается, что Аргантоний, тогдашний царь Тартесса (вероятно, Фарсиша), сделал все возможное, чтобы убедить этих предприимчивых чужеземцев остаться на его земле; и что, когда это не удалось, он дал им большие суммы денег на строительство (или перестройку) стен их родного города. Впоследствии Фокея часто упоминается, хотя, по-видимому, она не совершала никаких особо запоминающихся действий. Это можно проследить по его монетам, а также по летописям и церковным писателям до последнего периода существования Византийской империи. Действительно, уже в 1421 году генуэзцы построили новый город недалеко от своего древнего места, которое до сих пор носит название *Палео-Фоджа*.

Немного дальше к С. мы подходим к Смирне, одному из самых знаменитых городов Малой Азии, хотя он сравнительно поздно достиг этого возвышения. Он был расположен в бухте непревзойденной красоты и коммерческого совершенства; и почти единственный из крупных городов или портов Западной Азии сохранил свое величие до наших дней, являясь сейчас, как и долгое время, главным торговым центром Леванта. В далекие времена Смирна успешно сопротивлялась нападениям Гигеса, царя Лидии, и, как следствие, была взята и разрушена его преемником Алиаттом. Говорят, что после этого удара он был почти заброшен на 400 лет, но, в конце концов, был восстановлен Антигоном и Лисимахом, хотя и не совсем на том же месте. С этим восстановлением началось его великое процветание. И претензии на отличие, выдвинутые сами по себе, не уступали его реальному величию. Изобилуют надписи (одни из лучших, несомненно, среди мрамора Оксфорда), где, как и на его монетах, он называет себя ΠΡΩΤΗ ΑΣΙΑС, “первым городом Азии”; и так, действительно, продолжалось долгое время, хотя временами он серьезно страдал от гражданских войн и землетрясений, и больше всего от безжалостного обращения Тимура. Смирна, в частности, утверждала, что является местом рождения Гомера, и посвятила ему храм. Там также была показана пещера, в которой, как говорили, поэт сочинял свои стихи (Павсан. Ach. 5). Смирна, однако, не упоминается Гомером. В правление Тиберия Смирна боролась с десятью другими городами за честь (?) воздвигнуть храм этому никчемному правителю и выиграла приз; и здесь, немногим позже, христианская церковь процветала при Поликарпе, ее первом епископе, который, как полагают, принял мученическую смерть на стадионе около 166 года нашей эры.

Рядом со Смирной мы можем взять Клазомены, город, датируемый, вероятно, не ранее ионической миграции. Он был известен как место рождения Анаксагора, философа, чей ученик Архелай учил Сократа и Еврипида; а также как одно из государств, которые присоединились к фокейцам в основании военно-морской колонии Навкратис в Египте (Ирод. ii. 178). Он сохранил свое название и существование до конца византийского периода (Plin. v. 31; Ptol.; Hierocl. Synecd.), но к середине XI века был окончательно разрушен турками.

Эритра, известная как дом одной, если не двух Сивилл, и город, жизнь которого прослеживается по монетам и надписям до позднего периода Римской империи, а также, судя по актам Соборов и другим церковным документам, явно какое-то время была епископальной кафедрой. На его земле производили хорошее вино [так называется в сохранившемся у Афиней дистихе φερεστάφυλος Ἐρύθρα (Эритра, дающая гроздь винограда)],^[18] и пшеничную муку высшего сорта: — Теос (ныне Сигаджик), родина Анакреона и Гекатеи историк; известен также

своим храмом, посвященным Вакху, некоторые остатки которого были опубликованы Обществом дилетантов и недавно более подробно исследованы мистером Пулланом: — Колофон, раннее ионийское поселение, когда—то обладавшее процветающим флотом и кавалерией, считавшейся победоносной везде, где применялась;^[19] и прославленный своими его поэты Мимнерм, Феникс, и Гермезианакс, и, возможно, даже Гомер; пока, наконец, он не был разрушен Лисимахом: Прина, место рождения философа и государственного деятеля Биаса, которое до сих пор можно узнать по значительным руинам близ турецкой деревни Самсун, к юго-востоку от Микале, со знаменитым храмом Минервы Полиас, руины которого были выгравированы в “Ионических древностях”. Во времена Чандлера, около 100 лет назад, весь контур городских стен все еще стоял.

18. Эти строки —

ἐν δὲ φερεσταφύλοις Ἐρυθραῖς ἐκ κλιβάνου ἔλθῶν

λευκὸς ὄβραϊς θάλλων ὤραις τέρψει παρά δεῖ πνον.

Архестр. ап. Athen. iii. 112, В.

19. Благодаря этому постоянному успеху возникла пословица τὸν Κολοφῶνα ἐπέθηκεν "он довел работу до конца". И, следовательно, заключительные буквы или подпись в конце книги были названы **колофоном**.

Но из городов Западной Азии ни один не занимал более высокого места, чем Эфес, хотя и не был одним из самых древних и не был отмечен Гомером. Азия. Плиний приписывает его происхождение амазонкам, а Страбон дает превосходное описание его местоположения, главной особенностью которого был знаменитый порт Панормус с храмом Дианы, одним из Семи чудес света, на небольшом расстоянии от городских стен. Поклонение этой Диане (азиатского происхождения и символизируемой ее необычной статуей) возникло раньше, чем Андрокл основал ионическую колонию, как обоснованно подозревалось, на холме под названием Коресс, нижняя часть которого (в конечном счете, главная часть города) была лишь постепенно застроена. После его первой колонизации мы ничего не слышим об Эфесе до времен Креза, который, как говорят, не смог взять город из-за уловки некоего Пиндара, который привязал город к храму веревкой, таким образом сделав промежуточное пространство священным, или убежищем. По этому поводу история гласит, что Крез, из всех правивших тогда князей, любивший богов, действительно пощадил город, но проявил свой здравый смысл, изменив его конституцию и изгнав Пиндара. Далее выясняется, что Крез посвятил золотых быков в Эфесе и во многом помог в строительстве первого посвященного там храма. Известный нам теперь храм находился примерно в 1400 ярдах от города, чего, по-видимому, не ожидали первые современные исследователи его местонахождения.

Жители Эфеса, как правило, были служителями времени и были готовы заручиться поддержкой любого, кто в то время был их самыми могущественными соседями. Таким образом, сначала они присоединились к ионийскому восстанию; затем, после свержения Ксеркса, некоторое время были данниками Афин; а затем, снова, после побед Лисандра, позволили своему городу стать штаб-квартирой спартанских операций против Малой Азии; хотя он, однако, не смог убедить народ изменить название их города на название его жены Арсинои. После свержения Антиоха Эфес был присоединен римлянами к Пергамскому царству.

Опять же, когда Митрадат был всемогущ, мы видим, что жители Эфеса, чтобы угодить ему, присоединились к всеобщей резне римлян в своем городе; более того, они зашли так далеко, что не уважали убежище в собственном храме; естественным результатом стало суровое наказание этого непостоянного населения после окончательного успеха римлян. Однако на надписи, недавно обнаруженной, как мы полагаем, мистером Вудом, но ныне находящейся в Оксфорде, люди утверждают, что они были вынуждены действовать против своей воли и что, тем не менее, в глубине души они были преданными друзьями римлян. Как место, имеющее коммерческое значение, Эфес не пережил первые три столетия Римской империи, поскольку город был разграблен готами в 262 году нашей эры, а его знаменитый храм сожжен, некоторые следы чего были обнаружены во время недавних раскопок на его месте. Позже он перешел в руки сельджуков и турок, и Селим I построил там большую мечеть на возвышенности с видом на порт. Долгое заселение территории Эфеса смешанным населением подтверждается обнаружением там мистером Вудом клада монет, принадлежащих в основном западным государствам Европы и отчеканенных в тринадцатом и четырнадцатом веках. Среди них есть некоторые христианские подданные Саро-хана, эмира Магнезии в четырнадцатом веке.^[20] Считается, что нынешнее название этого места, Айосолук, является искажением имени Агиос Теологос (Святой Иоанн), которое носил Эфес в средние века.

20. Интересное описание этих монет (всего 2231) приведено в "Нумизматике". Хроника, том xii. Новая Сер., 1872, г-н Х. А. Грубер из Британского музея. Вся "находка" вместе с несколькими кусками металла весила более семнадцати фунтов серебра. Среди них были монеты Неаполя, Родоса, сельджукских эмиров, Венеции, Генуи и Папской области, датируемые периодом около восьмидесяти лет, начиная с 1285 года нашей эры.

Главной славой Эфеса был его храм. Согласно древнейшим сообщениям, в отдаленные времена существовало, по крайней мере, одно из самых грандиозных произведений, о которых Геродот говорит, наряду с "Юноной на Самосе", как об одном из величайших произведений греков. Говорят, что его архитектор был современником Феодора и Рекаса, строителей Самосского Хереума, в начале шестого века до нашей эры; и Ксенофонт особенно обращает на это внимание, поскольку он поместил туда вверенную ему десятую долю, полученную от продажи Десяти тысяч рабов в Церасе, которая была присвоена Аполлону и Артемиде.^[21] Здесь мы имеем пример обычая, замеченного в другом месте, а именно, что великие храмы эллинского мира часто использовались как депозитные банки, где собирались сокровища не только в виде *анафем* или посвященных предметов, но также в больших количествах слитков и т. Д., *Доверительно*. Многие надписи на Букхе ясно показывают, что администраторы храмов использовали эти сокровища в качестве ссуд. Артемиде была, по сути, царицей, приданым которой были богатства, накопленные в ее храме. Как хорошо известно, оригинал (или второй храм Артемиды, поскольку этот момент неясен) был сожжен Геростратом в 356 году до н.э., традиционно, в ту же ночь, когда родился Александр Великий, но вскоре он был восстановлен. Плиний говорит, что потребовалась бы целая книга, чтобы описать все его детали, и признается, что это был самый большой храм древности.

21. У Павсания, vii. 11, можно найти очень полный и интересный рассказ о поклонении эфесской Артемиде, но он слишком длинный, чтобы цитировать его здесь. Пиндар говорит, что поклонение было учреждено амазонками, Кресом или Коресом, автохтоном, и Эфесом, сыном речного бога Кайстера, которые были первыми строителями храма. Подробнее о старых храмах см. Strab. xiv. 641; Xen. Anab. v. 3; Plin. xvi. 79; и Vitruv. x. 6.

Среди других ценностей в храме хранилась знаменитая картина Апеллеса, изображающая Александра, а окружавший его круг был убежищем, где должники и еще худшие негодяи могли укрыться от правосудия - зла, которое, как показывает недавно найденная там надпись, Август счел необходимым сдерживать в разумных пределах. Эфес также был обычным портом, где высаживались римские проконсулы по пути в свои провинции. Таким образом, Цицерон прибыл в Эфес, направляясь к своему правительству в Киликии. Точно так же Метелл Сципион появился там до Фарсалии, а М. Антоний - после Филиппов. Там же был собран флот Антония и Клеопатры перед роковым днем Акции.^[22]

22. В книге Ле Кьена “Oriens Christianus” приводится список семидесяти христианских епископов Эфеса от Тимофея до 1721 года нашей эры. Очень многие из более поздних могли быть епископами только номинально.

Но самым интересным для нас в связи с Эфесом были раскопки там мистера Вуда, в ходе которых он обнаружил не только множество неожиданных памятников древнего города, но и несомненные реликвии самого знаменитого храма. Мистер Вуд, как инженер-строитель железной дороги Смирна-Айдин, естественно, был хорошо знаком с окрестностями Эфеса и, следовательно, еще в 1863 году провел за свой счет некоторые раскопки, расчистив таким образом Одеум и установив истинное положение Магнезианских и Коресийских ворот. В ходе этих исследований он наткнулся на несколько ценных надписей, одна из которых относится к некоему римлянину Публию Ведию Антонину, который в то время был *ὑπαρχμатеὺς* — Писцом или городским клерком - города.^[23] Постепенно стало ясно местоположение Театра, места беспорядков во время визита святого Павла; но где находился Храм? Продолжая свои раскопки, мистер Вуд, однако, познакомился со многими указами жителей Эфеса, касающимися Храма, — один из них содержал много любопытной информации о ритуале, используемом при Храмовом богослужении, со списками жертвоприношений по обету, которые в определенные дни должны быть пронесены процессией “через Магнезианские ворота к Большому театру, а оттуда обратно через Коресианские ворота в Храм”. Среди списка статуй Дианы, вероятно, есть несколько, подобных тем, которые “Деметрий и его мастера” изготовили во времена святого Павла.

23. Полковник Лик, по-видимому, в 1824 году высказал первое разумное предположение относительно того, где следует искать храм. Карта адмиралтейства 1836 года (основа карт Киперта 1841-1846 гг.) и Гуля (1843 г.) также позволила провести первую точную съемку залива Скала-Нова. В 1862 году мистер Фолкнер предложил в качестве наиболее вероятного места начало гавани к западу от города.

БАРАБАН КОЛОННЫ.

Наконец, в апреле 1869 года мистер Вуд наткнулся на несколько массивных стен, которые, как было доказано, принадлежали внутреннему двору, в котором когда-то стоял Храм, благодаря надписи на греческом и латыни, гласившей, что Август перестроил их; и, наконец, в 1870 году на глубине девятнадцати футов под аллювиальной почвой нынешней равнины была освещена мраморная мостовая вместе с барабанами колонн высотой около шести футов, одно основание которых все еще было прикреплено к цоколю. Было достигнуто местоположение Храма Дианы, и сразу стало видно, что его стиль был похож на стиль храмов Афины Полиас в Приене и Аполлона в Бранхиде. Вряд ли возможно слишком высоко отзываться о такте и проницательности мистера Вуда. Таким образом, учитывая, что рассказы древних авторов слишком расплывчаты в качестве руководства для раскопок, его первые раскопки были по существу предварительными и проводились с целью наткнуться на какие-нибудь иллюстративные надписи. В Большом Театре у него было больше шансов найти их, чем где-либо еще, и здесь он действительно обнаружил шесть больших камней, первоначально взятых из целлы Храма, и на каждом из них были написаны различные указы. Действительно, самые важные из них, на которые мы уже ссылались, дали реальный ключ к разгадке его местонахождения. Обнаружение этой надписи подтвердило первоначальную идею мистера Вуда нащупать путь к Храму от одних из городских ворот, в результате чего были обнаружены две дороги, одна из которых вела вокруг горы Прион или Пион, другая - к городу Магнезия. Он мудро решил отследить ту, которая демонстрировала наибольший износ или использование,

предполагая, что если какая-либо из них приведет к Храму, то она будет наиболее используемой. На одном из поворотов горы Прион он обнаружил четыре отчетливые колеи, глубоко врезаемые в мостовую из огромных мраморных блоков, в то время как другая дорога была почти не изношена. Затем он посвятил всю свою энергию, по его собственным словам, “исследованию дороги вокруг горы Пион,^[24] которая в конечном итоге привела к Храму”.

24. Написание названия этого небольшого возвышения, по-видимому, не совсем точно. Павсаний и Плиний называют его Пионом; Страбон, с другой стороны, Прионом. На острове Кос была гора с таким названием. Сост. *Приен*.

Таким образом, вскоре был достигнут перибол, или стена внутреннего двора Храма, и вскоре после этого, как уже говорилось, были эксгумированы барабаны нескольких колонн, лежавшие беспорядочной массой в том виде, в каком они упали шестнадцать или семнадцать веков назад. Самый большой и лучше всего сохранившийся из этих барабанов, эскиз которого приведен в качестве фронтисписа для этого тома, был найден 3 февраля 1871 года; он имеет чуть более 6 футов в высоту и 18½ футов в окружности и весит 11½ тонны. Судя по вырезанным на нем фигурам, одна из которых представляет Меркурия, можно справедливо предположить, что это была одна из тридцати шести “колонн целаты”, описанных Плинием. Мистер Вуд утверждает, что, хотя это великолепное здание было разрушено не только землетрясениями и злобой человека, более того, были унесены все камни, которые можно было использовать для строительных целей, но все же осталось достаточно, чтобы он мог нарисовать на бумаге точный план его первоначальной формы и *контуров*. Он добавляет, что в ходе своих раскопок он “обнаружил остатки трех различных храмов: предпоследнего, предпоследнего и последнего. Первый, должно быть, был построен за 500 лет до нашей эры, для которого были заложены прочные фундаменты, описанные Плинием и Витрувием.... На глубине 5-6 футов под тротуаром и под фундаментом стен целлы я обнаружил слой древесного угля толщиной 4 дюйма, описанный Плинием. Это было уложено между двумя слоями состава толщиной около 3 дюймов, похожего по консистенции на стекольную замазку”.

В заключение мы можем добавить, что мистер Вуд обнаружил множество примеров использования цвета, в основном киновари и синего, и один образец вставленного золота в виде скругления; вместе с несколькими кусками фриз, сильно разбитыми, но, очевидно, того же размера и художественного характера, что и рельефы на барабане. Сами рельефы не обладают какими-либо большими художественными достоинствами, хотя они вполне отражают характерный стиль македонского периода: их общий эффект, однако, должен был быть очень богатым и великолепным и вполне соответствовать тому, что мы знаем о богатом и роскошном Эфесе. В настоящее время у нас нет никаких свидетельств того, что колонны, как и барабаны, были покрыты скульптурой. Мистер Вуд, как мы полагаем, думает, что они были, но медальон в библиотеке в Париже, на котором изображен фасад Храма, скорее предполагает обратное.

Двигаясь дальше от Эфеса, мы попадаем в едва ли менее знаменитый город Милет, прародитель, согласно Плинию, более 80 колоний.^[25] Расположенный в устье и на левом берегу Меандра, Милет более строго принадлежит Карию; но он также был одним из самых заметных членов Ионической конфедерации. Считается, что первоначально он был основан колонией с Крита под руководством Сарпедона, брата Миноса; идея, в некоторой степени, подтверждается упоминанием у Гомера (Ил. ii. 867). Геродот (ix. 97) упоминает только о том, что Сарпедон обосновался в Ликий. Выгодное положение города с гаванью, способной вместить большой

флот, естественно, с древнейших времен обеспечивало ему лидерство в морских делах. Его наиболее важными колониями были Абид, Лампсак и Париум на Геллеспонте; Проконнес и Кизик на Пропонтиде; Синопа и Амисус на Эвксинском полуострове; еще несколько на побережье Фракии и Тавриды, а также на Борисфене. Период, однако, главного могущества Милета пришелся на период между его ионической колонизацией и завоеванием персами в 494 году до н.э. После этого периода он уже не сохранял прежнего лидерства среди морских портов азиатских греков; действительно, во времена его наибольшей славы мир был практически неизвестен его народу, который постоянно был отвлечен фракциями, аристократическими или демократическими.

25. Рамбах—Де—Милето-эжуске-колониис (Hal. Sax. 1790) - попытался, не без успеха, идентифицировать большее их количество.

Как и следовало ожидать, лидийские цари предпринимали множество попыток овладеть Милетом. Однако в правление Алиатта лидийская и милезийская ссора была на время улажена, поскольку считалось, что лидийский царь навлек на себя гнев богов, поскольку его войска сожгли храм, посвященный Минерве в Асессосе. Некоторые из правителей города были людьми, имевшими историческую известность, особенно Фрасибул, друг Периандра из Коринфа. Несколько позже милезийцы заключили мирный договор с Крезом и, что было для них более важным, обеспечили его соблюдение Киром; следовательно, их город был избавлен от большей части страданий, причиненных другим ионическим государствам в первой войне с персами (Ирод. i. 141, 143). Но если Милету и прежде сопутствовала удача, то эта удача покинула его во время великой греко-персидской войны; и она действительно не могла жаловаться, поскольку главным зачинщиком этого восстания был ее “тиран” Гистией. Как следует помнить, главным образом благодаря Гистиею и его родственнику Аристагору Иония восстала против персов; и, кроме того, по наущению последних произошло ненужное сожжение великой западной столицы персов, Сард. Немедленное нападение персидских сатрапов на Милет было естественным ответом на это предательство; и в конце концов город был взят штурмом со всеми вытекающими из этого ужасами.^[26] Можно усомниться в том, что после этого падения Милет когда-либо вновь обрел свою былую славу.

26. Геродот, vi. 18-21, утверждает, что афиняне были так сильно огорчены падением Милета, что оштрафовали поэта Фриниха на 1000 драхм за постановку на сцене драмы под названием “Взятие Милета”.

Впоследствии Милет предпринял множество судорожных попыток вернуть себе свободу, но безрезультатно, хотя он все еще существовал до упадка Византийской империи — его Церковь находилась под руководством епископов, которые считались митрополитами Кари (Иерокл.).^[27] Чумное болото теперь покрывает место рождения Фалеса, Анаксимандра, и Анаксимен.^[28]

27. В Милете святой Лука рассказывает нам, что святой Павел послал к своим главным ученикам в Эфес (расстояние около тридцати миль), чтобы они пришли повидаться с ним. Это была их последняя возможность, поскольку в то время он находился в своем последнем путешествии в Иерусалим (Деяния XX. 17).

28. Пословица, цитируемая Афинеем из Аристотеля, может относиться к состоянию милезийцев после захвата их города персами: — Πάλαί ποτ' ἦσαν ἄλκιμοι Μιλήσιοι.

В окрестностях Милета, в Бранхиде, или Дидиме, находился знаменитый храм Аполлона Дидимейского, место, как нам приятно сообщить, одного из самых ценных исследований мистера Ньютона. Он был известен в греческой истории с древнейших времен как место святилища и оракула, уступающего по святости и важности только дельфийскому; как место, где фараон Нехо посвятил доспехи, которые были на нем при взятии города Кадитис (Ирод, ii. 159), и как место, которое получало от Креза перед его войной с Киром золотые подношения, по весу равные тем, которые он подарил Дельфам. Он был разграблен и сожжен Дарием I, а во второй раз - Ксерксом, на этот раз его священная семья жрецов была изгнана победителем в Согдиану; но он возродился снова, в обновленном великолепии, к концу Пелопоннесской войны, когда был перестроен в таких масштабах, что, согласно Страбону, его нельзя было перекрыть крышей: он запомнился, в частности, чередой оракулов, восходящих к периоду до начала истории, но не полностью исчезнувших даже так поздно, как в дни Пелопоннесской войны. Джулиан. Было разумно ожидать, что такое место сохранит некоторые реликвии своего бывшего величия, и своего превосходства среди священных святынь древности. Действительно, многие путешественники до мистера Ньютона говорили о руинах Храма и о Священном Пути, ведущем к нему, и из заметок Уилера (1685), Гелла, Лика, "Ионических древностей" и Гамильтона можно почерпнуть много ценной информации.

Мистеру Ньютону было поручено завершить то, что на самом деле почти не делалось раньше, и доставить в Англию самые важные скульптуры, все еще находящиеся на месте. Храм Аполлона Дидимея^[29] первоначально к храму подходили со стороны моря по "Священному пути", по обе стороны которого когда-то были ряды сидящих статуй, надгробные саркофаги, гробницы и т. Д. На этом "Пути" мистер Ньютон обнаружил восемь сидящих статуй, обычно высотой около 4 футов 6 дюймов, шириной и глубиной 2 фута 9 дюймов; характер их изготовления, на первый взгляд, поразительно египетский, по крайней мере, в том отношении, что их драпировка, простирающаяся от плеч до ступней, состоит из одного плотно облегающего одеяния (*хитон*) и легкой шали (*пеплос*). Только у одной из фигур сохранилась голова, скульптурная обработка которой обычно признается самой архаичной греческой, поскольку волосы уложены длинными параллельными прядями, как на самых ранних монетах Сиракуз. За двумя исключениями, все эти статуи принадлежат к одному и тому же жепериоду искусства. М-р Ньютон говорит, что очевидно, что ни одна из них не занимала, когда он их обнаружил, точно своего первоначального положения, и что они, должно быть, в то или иное время были сброшены и частично убраны — мнение, подтвержденное несколько более поздним открытием примерно восьмидесяти футов первоначального мощения "Священного Пути" вместе с некоторыми основаниями, не исключено, теми, на которых эти статуи были первоначально установлены. "Священный путь" все еще можно проследить на протяжении примерно 580 ярдов.

29. Дидима - древнее название места, где стоял храм; поэтому здание иногда называли "Дидимеем". Страбон говорит о нем как *τοῦ ἐν δίδυμοις ναοῦ*. Под предлогом того, что жрецы Бранхиды добровольно вернулись с Ксерксом в Персию, их потомки были жестоко убиты Александром Македонским (Страбон, xiv. 634, xi. 517; Квинт. Курт., vii. 5).

30X9A3H301X13T301311X01M133H9AX
ATA - ATAPOT T M V O3

НАДПИСЬ ЧАРЕСА.

В стене, тянущейся вдоль нее, тут и там видны массивы многоугольной каменной кладки с отдельными камнями огромного размера, которые, вероятно, являются остатками первоначальной эллинской стены. На небольшом расстоянии от последней из сидящих статуй мистер Ньютон увидел два замечательных памятника — колоссального льва и женщину-сфинкса - оба, к сожалению, сильно пострадали. Сфинкс был полностью погребен под землей, и в его форме не было ничего, что напоминало бы о нем, но у льва на боку была очень древняя надпись, которую жившие по соседству греки-варвары сделали все, что могли, чтобы стереть. Важный вопрос заключается в том, на какой период должны быть отнесены эти работы? Прямых свидетельств у нас нет; ибо, хотя история говорит о двух храмах на этом месте, у нас нет сведений о самих статуях; вероятность того, что они были повреждены почти так же сильно, как и в настоящее время, до посещения этого места Геродотом, и, вероятно, персами. И все же, несмотря на молчание истории, у нас есть некоторые косвенные свидетельства от самих памятников; по крайней мере, их достаточно, чтобы определить их возраст в достаточно точных пределах. Во-первых, мы видим характер их искусства, который, несомненно, очень архаичен; во-вторых, на трех стульях есть надписи древнейшими греческими иероглифами; на самом важном из них написано *бустрофедон* (т.е. взад и вперед, как пашет бык); в-третьих, длинная надпись на лежащем льве и еще одна, не менее древняя, на отдельно стоящем блоке, возможно, основании ныне утраченной статуи. Чтобы можно было понять природу используемых символов, мы прилагаем гравюру на дереве с изображением легенды на одном из стульев с сидящими фигурами, перевод которой звучит так: “Я Чарес, сын Клесиса, правителя Тейчаозэсса, памятника [посвящения] Аполлону”.^[30] На блоке, найденном рядом с креслом, надпись гласит, что “сыновья Анаксимандра [посвятили статую?] Андромаху” и что “это сделал Терпсикл”: в то время как надпись на боку льва — самой любопытной из всех — гласит, что “сыновья Пифона, Архелай, Фалес, Пасиклес, Гегесандр и Лисий посвятили эти подношения, как десятую часть, Аполлону”. Несколько лет спустя появилась еще более совершенная сидящая фигура, на стуле которой была надпись, скопированная сэром У. Геллом и мистером Кокереллом и опубликованная Буком и Роузом.^[31]

30. Вероятно, эта надпись была прикреплена к портретной статуе. Тейхиозэсса, или Тейхиуса, как мы знаем из Фукидида (viii. 26, 28), была укрепленным местом недалеко от Милета. Афиней (viii. 351) произносит это как Тейчиус. Мистер Ньютон предполагает, что Чарес, вероятно, был одним из мелких правителей западного побережья Малой Азии в шестом и пятом веках до нашей эры, о которых Геродот упоминает более одного. *Бон-мот* о Стратонике музыканте записан Афинеем: “Поскольку Тейхиозэсса была населена смешанным населением, он заметил, что большинство гробниц принадлежали иностранцам, на что он сказал своему парню: ‘Пойдем, поскольку здесь, похоже, умирают чужаки, но ни один из местных жителей’” (viii. с. 351). Тейчоэсса также славилась превосходным качеством своей кефали (итал. *триглия*),

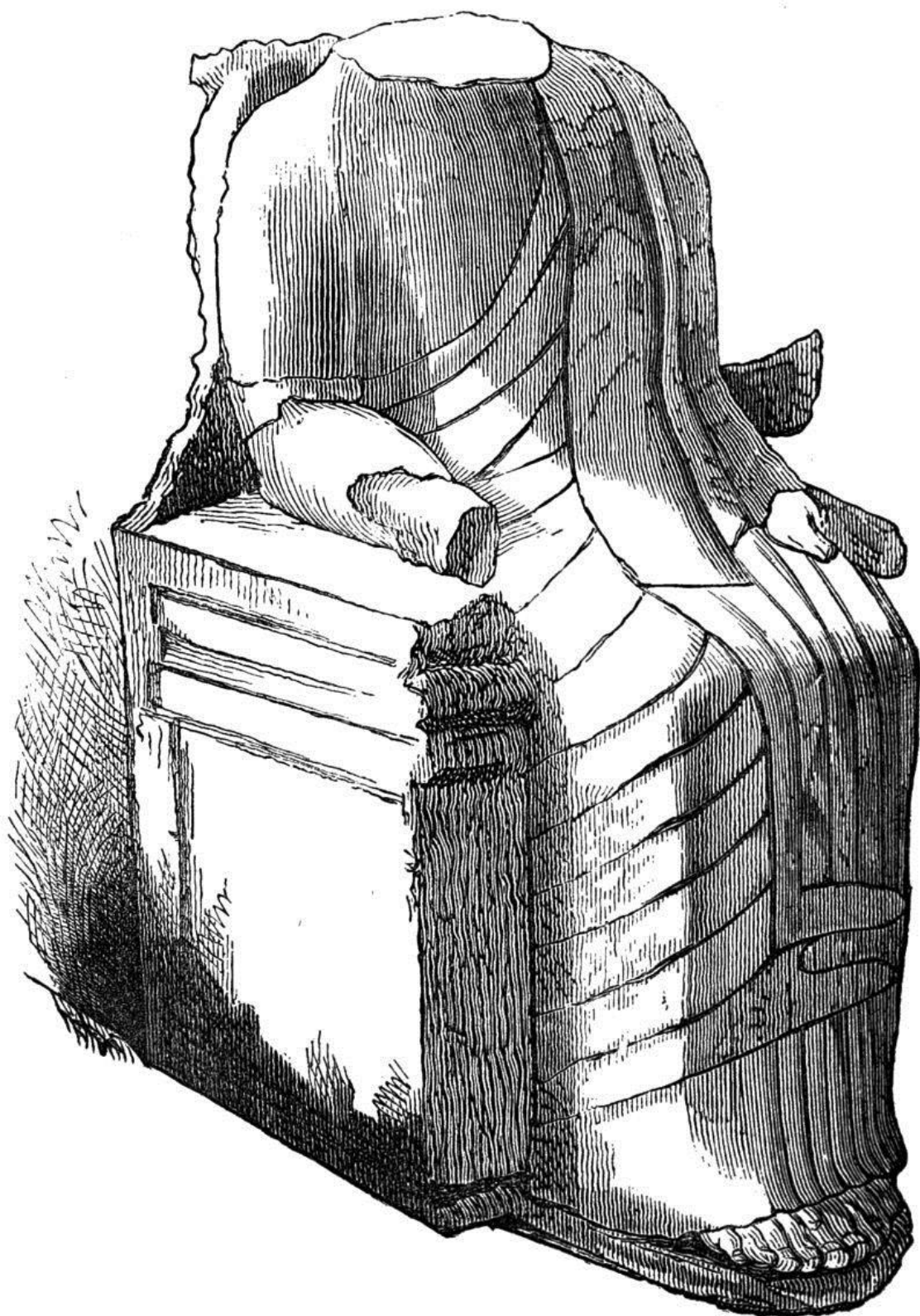
... χειρῶν δὲ τρίγλην

ἔσθι' ἐνὶ ψαφάρῃ ληφθεῖσαν Τειχιόεσση

Μιλήτου κώμη.—Архестр. ап. Athen. l. с.

31. Полковник Лик (“Дневник путешествия по Малой Азии”, Лондон, 1824, стр. 239) рассказал об этом кресле и предполагает, что расположение этих статуй аналогично расположению аллеи

храмов в Египте. В примечании к стр. 342 работы полковника Лика приведены краткие мемуары покойного К. Дж. Кокерелла, в которых он предполагает, что храм в Бранхиде так и не был достроен, поскольку не закончены флюгирования колонн (см. также стр. 347, 348). Гравюра с изображением этого кресла есть в “Ионических древностях”.

СТУЛ ИЗ БРАНЧИДЫ.

Мы не можем обсуждать здесь характер приведенных выше надписей, но все палеографы признают, что письменность относится к самому раннему греческому периоду, не исключено, предшествующему 520 году до н.э. Возможно, это было еще раньше, поскольку на надписи со львом мы находим имя Гегесандр и другое имя, которое, хотя первая буква была повреждена, мы согласны с мнением мистера Ньютона, должно читаться как Фалес, в то время как на отдельно стоящем блоке мы видим имя Анаксимандра. Несомненно, примечательно, что на двух соседних камнях, найденных недалеко от самого священного храма милезийцев, должны быть высечены имена двух самых знаменитых философов этого города. Если, таким образом, это действительно имена этих философов, можно предположить, что они присоединились к другим гражданам Милета в посвящении фигуры льва и предмета (будь то статуя или что-то иное), когда-то прикрепленного ко второй надписи; и, если это так, даты этих работ должны быть между 470 и 560 годами до н.э. Анаксимандр родился около 610 года до н.э., а Гегесандр, вероятно, был отцом Гекатея, который сам родился около 520 года до н.э.

Следует отметить, что, в отличие от многих других ранних греческих произведений, в этих скульптурах нет никаких следов азиатского или ассирийского происхождения. Единственный стиль, который они напоминают, - это египетский, в то время как единственный ассирийский памятник, на который они похожи, - полуегипетская сидящая фигура, привезенная мистером Лейардом из Калах-Шергхата. Мистер Ньютон справедливо указал, что сходство с египетской работой "просматривается не только в большой ширине плеч, но и в моделировании конечностей, в котором формы костей и мышц показаны с гораздо большей утонченностью и рассудительностью, чем кажется на первый взгляд... сдержанная трактовка анатомии способствует общей широте и покою, которыми так примечательны эти фигуры, и наводит на мысль, что они были выполнены художниками, которые учились в Египте." Мы знаем, что греки были тесно связаны с Псамметихом I, Амасисом и Неко; в то время как в гробницах в Камеире на Родосе ранние греческие художники почти наверняка скопировали работы с египетских прототипов. У нас также есть утверждение Диодора, что Феодор Самосский и его брат Телекл из Эфеса, сыновья Река, заимствовали канон своих скульптур из Египта. Однако общий характер орнамента, узора меандра, лотосов и каймы на одежде сидящих фигур, совпадающих с теми же узорами на ранних греческих вазах, как правило, показывает, что их настоящими художниками были греки. Таким образом, архаичная статуя Афины в Афинском Акрополе также по сути своей греческая, а не египетская. Плиний далее заметил, что два критских скульптора, Дипенос и Сциллис, были первыми известными художниками (около 580 г. до н.э.), работавшими с мрамором: следовательно, вполне возможно, что они могли быть настоящими художниками этих памятников.

Теперь мы скажем несколько слов о Фиатире, Магнезии и Сипилуме, Филадельфии и Траллесе с некоторыми более полными замечаниями о знаменитом городе Сардах, столице Лидии.

Фиатеира была местом значительной важности и, вероятно, древнего происхождения, но не занимала большого положения среди окружающих городов до времен македонян; ее наиболее известное название, согласно Стефу Византия., происходящая благодаря Селевку Никатору. Для нас его главный интерес представляет его связь с ранним христианством, как дома "Лидии, продавщицы пурпура" (Деяния xvi. 14) и как одной из Семи церквей Апокалипсиса. По словам сэра Чарльза Феллоуза, здесь до сих пор сохранились остатки значительного города; и это

также, под названием Ак-Хиссар, процветающий торговый город. Недалеко от озера Гигея, недалеко от Сард, находился могильный курган Алиатт, который Геродот считал одним из чудес Лидии. Этот замечательный курган диаметром около 280 ярдов был недавно раскопан М. Шпигенталем, который обнаружил в его центре погребальную камеру из тщательно отполированных мраморных блоков примерно того же размера, что и гробница Кира. Такие курганы распространены в Малой Азии; действительно, вокруг того же озера находятся еще три или четыре, вероятно, как предположил Страбон, гробницы других ранних лидийских царей. Сэр Гарднер Уилкинсон отметил, что их структура — каменный фундамент с насыпью земли наверху — напоминает построенные гробницы Этрурии.

The *Лидийская* Магнезия, обычно называемая “*Сипилум*”, чтобы отличать ее от Магнезии Ионии, была ареной великой победы, одержанной двумя Сципионами в 190 году до н.э. над Антиохом Великим при поддержке галлов, которые передали Западную Азию римлянам. Следовательно, в Митридатовой войне магнезианцы твердо стояли на стороне Рима. На монете этого места изображена голова Цицерона, и она интересна как единственный портрет (хороший или плохой) этого великого оратора, который у нас есть. В легендарной истории гора Сипилус, нависающая над Магнезией на С., была известна как резиденция Тантала и Ниобы; и здесь также был город с тем же названием, что и гора, который, как говорят, был превращен в озеро в результате вулканического воздействия^[32] (Пауз.). Гомер ссылается на гору в разговоре о превращении Ниобы (Il. xxiv. 614), как и Софокл (Antig. v. 822) и Овидий (Metam. vi. 310). История о плачущей Ниобее, вероятно, была оптической иллюзией (Paus. Attic. c. 21), и, что любопытно, его происхождение было ясно показано Чандлером, который говорит: “Призрак Ниобы можно определить как воздействие определенной доли света и тени на часть Сипила, воспринимаемую с определенной точки зрения. Путешественника, который посетит Магнезию после этой информации, просят внимательно осмотреть крутой и примечательный утес примерно в миле от города; варьируя расстояние, пока солнце и тень, которые постепенно надвигаются, проходят над ним, у меня есть основания полагать, что он увидит Ниобу” (Путешествия, стр. 331). Магнитное влияние на компас подтверждается Аранделлом, но название “Магнит” произошло от других городов с таким же названием.

32. Гамильтон (том i, стр. 49) подтверждает отождествление Сипила и его окрестностей с легендой о Тантале, обнаружив своим другом мистером Стриклендом (однако ранее это было замечено Чисаллом) замечательную статую, высеченную в скалистом основании горы. “Эта статуя, — заявляет мистер Стрикленд, “грубо высечена из цельного камня. Он представляет собой сидящую фигуру, находящуюся в нише, и его высота от основания до макушки головы может составлять около двадцати футов”. “Не может быть никаких сомнений в том, что это древняя статуя Кибелы, упомянутая Павсанием”, но вряд ли это Ниоба, как предполагали некоторые другие путешественники.

Филадельфия, названная так в честь Аттала Филадельфа, больше любого другого лидийского города пострадала от землетрясений, так что после этого в правление Тиберия она была практически заброшена. Однако он продолжал держаться в течение многих лет и запомнился долгим и доблестным сопротивлением, которое оказал туркам. В конце концов, в 1390 году нашей эры он подчинился Баязиду и до сих пор является местом некоторого размера под своим новым названием Аллах-Шехр. Филадельфия упоминается в Откровении (iii. 7) как одна из Семи Церквей. Долгое время ходила легенда о стене, сделанной из костей горожан, убитых Баязидом; и Рико замечает, что “эти кости настолько цельные, что я привез оттуда их кусок”. Чандлер,

однако, нашел простое решение для этого чуда в виде окаменевшего ручья, подобного тому, что был в Лаодикии. “Это, - говорит он, - покрыло коркой некоторые растительные субстанции, которые погибли и оставили после себя, так сказать, свою плесень”. Гиббон особо отмечает доблесть филадельфийцев: “На расстоянии, — говорит он, - от моря, забытые императором, окруженные со всех сторон турками, ее доблестные граждане защищали свою религию и свободу более восьмидесяти лет и, наконец, капитулировали перед гордейшими из османов в 1390 году. Среди греческих колоний и церквей Азии Филадельфия все еще стоит, как колонна среди руин”.

Траллес во времена Страбона был одним из самых процветающих городов Малой Азии; действительно, расположенный на большой дороге из Эфеса через Лидию и Фригию, он вряд ли мог не стать местом оживленного движения (Cic. Ep. ad Att. v. 14; Артемид. ap. Strab. xiv. стр. 663). Следовательно, его граждан обычно отбирали для заполнения дорогостоящих должностей азиархов или президентов игр, отмечаемых в провинции. Хотя по всему участку древнего города можно увидеть множество руин, они были настолько разрушены землетрясениями, что сейчас их едва можно узнать.

Теперь мы подходим к Сардам, безусловно, самому важному городу Лидии. Дата его основания не зафиксирована, но, должно быть, это было известное место, поскольку Геродот утверждает, что он был разграблен киммерийцами, хотя они и не смогли захватить его цитадель.^[33] Однако его реальное значение, очевидно, проявилось, когда он стал столицей лидийских монархов, людей, чье необычайное богатство было полностью засвидетельствовано Геродотом, который сам видел дары Креза в сокровищнице в Дельфах. История о способе, которым цитадель Сард была взята Киром, скорее всего, правдива; более того, в какой-то степени подтверждается более поздним захватом при схожих обстоятельствах Лагорасом, полководцем Антиоха Великого (Polyb. vii. 4-7).

33. Сарды, от *σάρδεις*; но часто пишется Сардис.

При правлении Креза Сарды, несомненно, были великим и процветающим городом, пристанищем образованных и способных людей, которых, как сообщает нам Геродот, привлекли туда слава и гостеприимство царя (i. 29): после успеха Кира они просто перешли от местной династии правителей к персам-завоевателям, став, таким образом, не только столицей персидской Малой Азии, но и временной резиденцией самого монарха. Таким образом, Ксеркс провел там зиму, готовя свое неразумное вторжение в Грецию (Ирод. vii. 32-37); и здесь же Кир Младший собрал армию, которую так легко разгромил в роковой день Кунаксы. Ксенофонт отмечает, что красота его садов вызвала восхищение даже спартанца Лисандра, которого позабавил рассказ о том, что сам Кир часто играл там роль садовника (Ceccon. p. 880; ср. Cic. de Senect. c. 17). Сам город, по-видимому, состоял в основном из домов с соломенными крышами, и поэтому был легко сожжен ионийцами во время их восстания. Сожжение Сард было воспринято персидским монархом как грубое оскорбление, тем более что его правление было печально известно мягкостью и справедливостью. Сарды не оказали сопротивления Александру Македонскому; следовательно, этот монарх разрешил их народу сохранить свои древние законы и обычаи (Арриан, i. 17). Во время войн Селевкидов он в разное время подчинялся главенствующему правителю этого дома и, следовательно, перешел к римлянам после поражения Антиоха при Магнезии.^[34] Полковник Лик в своей книге "Малая Азия" привел несколько интересных заметок мистера Кокерелла о древностях этого города, уделив особое

внимание знаменитому храму Кибелы, или Земли, который стоял на берегу Пактола и от которого в то время стояли три огромные колонны.^[35] Этот храм был сожжен ионийцами в 503 году до н.э. и никогда полностью не реконструировался.^[36] Наиболее интересными для христиан являются остатки двух церквей, одна из которых предположительно является церковью Панагии, а другая, перед ней, предположительно, церкви святого Иоанна. Первая почти полностью построена из великолепных фрагментов более ранних зданий и, возможно, является, как считал полковник Лик, “единственной из Семицерквей, от которых сохранились какие-либо различимые остатки”. Принимая также во внимание трехлетнее пребывание святого Павла в соседнем городе Эфесе, мы должны предположить, что столица Лидии была включена в заявление святого Луки о том, что “все, живущие в Азии (*т.е.* Римский проконсул Азии) слышали слово Господа Иисуса, как иудеи, так и греки” (Деяния xix. 10; сравните также 1 Кор. xvi. 19 и Откр. iii. 1-5). В более поздние дни здесь проводился не один Собор. Действительно, этот знаменитый город можно проследить на протяжении длительного периода византийской истории (Eunap. стр. 154; Hierocl. стр. 669). Император Юлиан назначил Хрисанфа из Сард понтификом Лидии, но его попытка восстановить языческое богослужение потерпела неудачу. Около 400 г. н.э. он был разграблен готами под командованием Трибигильда и Каинаса, офицеров, находившихся на жаловании у Рима; в одиннадцатом веке он был захвачен турками, а два столетия спустя почти разрушен Тимом. Теперь на его месте находится жалкая деревушка под названием Сарт; и она настолько исчезла, что мы могли бы спросить у Горация: “Quid CrœSi regia Sardes?” - если бы не могли добавить начало следующей строки: “Смирна квид?” (Горат. Послание. I. i. 2). От его древнего величия сейчас не осталось и следа, и “принцы” Лидии, ее мудрецы, ее военачальники, “ее правители и ее могучие люди” давно уснули в бесчисленных курганах, разбросанных по всей равнинной местности вокруг.

34. Часть укреплений Сард носила то же название, Прион, которое мы находим в Эфесе (Полиб. vii. 4-7). Связано ли это название каким-либо образом с Прином? Как греческое слово, πρίων означает пилу; отсюда, возможно, зубчатая гряда холмов — испанское *сьерра*.

35. Сейчас их только двое (Аранделл).

36. Полковник Лик в 1824 году предположил, что Эфесский храм был самым большим храмом древности. Теперь известно, что на самом деле он был шестым по размеру — Агриджентум на Сицилии был самым большим.

Теперь мы переходим к рассмотрению некоторых наиболее важных городов Карики и в первую очередь обращаем внимание на Галикарнас (ныне Будрум), который приобрел наибольшую известность как место расположения Мавзолея или Гробницы Мавсола, некогда одного из Семи Чудес Света. Первоначально Галикарнас, колония из Трзены в Арголиде, рано перенял азиатские вкусы и привычки; следовательно, твердо придерживаясь персов, его царица Артемисия I., вдова Лигдамиса, сражалась за Ксеркса при Саламине. Замечательная ваза из египетского алебаstra с выгравированными на ней тремя формами клинописи именем и титулами Ксеркса, обнаруженная мистером Ньютоном в Мавзолее, была, возможно, наградным подарком персидского монарха за эту услугу. Ее тезке, второй Артемизии, мы обязаны строительством Мавзолея спустя 130 лет.

Что касается истории этого замечательного памятника, то хорошо известно, что после смерти Мавсола в 353 году до н.э. Артемизия, его вдова и сестра, решила почтить его память всеми почестями, которые могли оказать искусство и литература того периода, и нанять для этой цели четырех самых знаменитых скульпторов древности — Бриаксиса, Тимофея, Леохара, или Скопаса, и Проксителя.^[37] Говорят, что короткое правление этой королевы, всего два года, не позволило ей стать свидетелем завершения своего грандиозного замысла, но что эти великие скульпторы завершили работу после ее смерти для своей собственной чести и славы искусства. Многие из того, чего они достигли, несомненно, сохранилось до сравнительно нового времени. Таким образом, здание замечено сначала Страбоном, затем Плинием, затем Григорием Назианзинским в четвертом, Константином Багрянородным в десятом и Евдокией в одиннадцатом веках соответственно; все эти сообщения подразумевают, что оно все еще было видно. Опять же, Фронтан, историк осады Родоса, утверждает, что немецкий рыцарь Генрих фон Шлегельхольт построил цитадель в Будруме на месте Мавзолея. Тем не менее, даже тогда он был разрушен лишь частично, поскольку, когда Цепио посетил Будрум в 1472 году, он упоминает, что видел его остатки среди руин древнего города. Однако при более позднем ремонте цитадели каменная кладка основания мавзолея, должно быть, была полностью удалена; в результате посетители Будрума до того, как мистер Ньютон начал свои раскопки, не могли определить его местоположение.

37. Его архитекторами были Сатир и Фитей, а само здание представляло собой параллелограмм, окруженный тридцатью шестью колоннами, поддерживающими пирамиду из двадцати четырех ступеней, которая сужалась к вершине, как *мета*, или *цель*. Его высота составляла 140 футов. Марциал описывает его как “*Aere vacuo pendentia Mausolea*”. Павсаний утверждает, что римляне восхищались им настолько, что называли все подобные сооружения “Мавзолеями”; в то время как Евстафий в двенадцатом веке замечает об этом, ΘΑŪΜα καὶ ἴν καὶ ἔστι (“это было и остается чудом”), явно подразумевая его существование в той или иной форме уже тогда. В книге М. Гишара “Римские похороны” и др., Лион, 1581, отмечены скульптурные рельефы и “некоторые ступени из белого мрамора” (возможно, ступени пирамиды). Эту информацию, по его словам, он получил от М. Дейлчемпса — редактора “Плиния” — и он, опять же, от М. де ла Туретта, который присутствовал в 1522 году, когда были окончательно разобраны последние камни для строительства замка.

Примерно в середине прошлого века греческие скульптуры, встроенные в стены крепости, были опубликованы в книге Далтона “Виды Греции и Египта, 1751-81” и впоследствии описаны Шуазель-Гуффье, Мориттом, Прокешем фон Остеном, У. Дж. Гамильтоном, а также во втором томе “Ионических древностей”. Однако ничего не было сделано для более полного изучения их, пока в 1845 году сэр Стратфорд Каннинг (ныне лорд Стратфорд де Редклифф), тогдашний посол Его Величества в Константинополе, не смог извлечь их из этих стен и представить Британскому музею в феврале 1846 года. Главной темой этих скульптур является состязание между греками и амазонками, а их художественный стиль можно сравнить с плитами на хорагическом памятнике Лисикрата в Афинах, датированном 334 годом до н.э. Найденные таким образом фрагменты, очевидно, были лишь второстепенными частями гораздо более крупной конструкции.

С этого времени больше ничего не предпринималось, пока в начале 1856 года лорд Стратфорд де Редклифф не отправил мистера Ньютона в круиз к югу от архипелага; по этому случаю он высадился в Будруме и частично обследовал это место, но не обнаружил никаких видимых следов Мавзолея.^[38] Однако в октябре того же года мистер Ньютон поселился в Будруме с

несколькими саперами под командованием лейтенанта. Смит, Р.Э. Мистер Ньютон начал свои раскопки на том же месте, которое он ранее слегка обследовал, и в течение некоторого времени почти ничего не встречал, кроме обильных мозаик, остатков великолепной виллы, на некоторых из которых были написаны имена изображенных лиц, таких как Мелеагр и Аталанта, Дидона и Эней. Немного дальше мистер Ньютон нашел в развалинах несколько барабанов колонн с поздними и неглубокими дорическими вырезами, а в одном углу здания - колодец, в котором находилась небольшая головка из белого мрамора, бронзовая лампа и некоторые другие предметы; кроме того, во многих комнатах все еще сохранились плинтуса из белого мрамора. Но Мавзолей так и не появился.

38. Адмирал Спратт, Р.Н., опытный геодезист, предложил свое место для Мавзолея, потому что: 1. он думал, что оно совпадает с описанием Витрувия; 2. на восточной стороне все еще сохранились фрагменты эллинской стены; 3. на северной стороне было несколько фрагментов колонн большого диаметра; и, 4. можно предположить, что Мавзолей стоял на насыпи. Однако он не последовал примеру проф. Росс, написав статью против раннего рассказа мистера Ньютона о Мавзолее в “Классическом музее”, с насмешкой отметил возможность того, что какой-либо студент, который сам не осматривал это место, может составить представление о реальном положении великого здания. Отрадно знать, что личный опрос профессора. Личный опрос Росса оказался еще менее удовлетворительным, чем опрос капитана. Спратт.

Наконец, однако, мистер Ньютон начал раскопки на том месте, где почти шестьдесят лет назад профессор Дональдсон заметил остатки “великолепного ионического сооружения”, и вскоре наткнулся на множество мелких фрагментов фриза с высоким рельефом и на часть колоссального льва, напоминающего по исполнению львиные головы, встроенные в стены замка. Затем мистер Ньютон наткнулся на груды руин, лежащих прямо под поверхностью, одна колонна, действительно, стояла почти вертикально, но перевернутая, а на 10 футах ниже, чуть дальше, с краем тротуара или каменной кладки. ступенька, примерно на 6 дюймов ниже которой была выровнена местная порода для устройства пола. В земле на этом этаже было найдено тело колоссальной статуи от пояса до лодыжек и еще одна скульптурная масса — воин на коне в персидском или восточном костюме, сам по себе являющийся самым замечательным образцом древней скульптуры. Теперь не могло быть никаких сомнений в том, что это были реликвии Мавзолея, поскольку гладкий камень был основанием, на котором когда-то стояло здание. Работа, во всех случаях, была самой лучшей, фрагменты маленьких фигурок, как правило, сохранились лучше, чем те, что изображены на фризе, уже находящемся в Британском музее. Обнаружение только что упомянутой колонны имело ту особую ценность, что по ее размерам и порядку расположения можно было судить о размере здания, которому она принадлежала: в конечном счете эти измерения показали, что само здание, должно быть, имело большое сходство по стилю с храмом в Приене.

К весне следующего года (1857) мистер Ньютон определил базовые линии первоначального здания и доказал, что оно должно было представлять собой параллелограмм длиной 116 футов с западной и 126 футов с южной стороны, при этом вся его окружность составляла около 472 футов. Внутренняя часть этого четырехугольника была вымощена большими плитами из зеленовато-серого камня толщиной в 1 фут. Причина разрушения здания также была достаточно ясна; сначала значительная его часть была разрушена землетрясениями, а затем родосские рыцари, а вслед за ними и турки израсходовали все имеющиеся на поверхности камни для строительных целей. Однако, к счастью, грабители взяли только то, что было у них

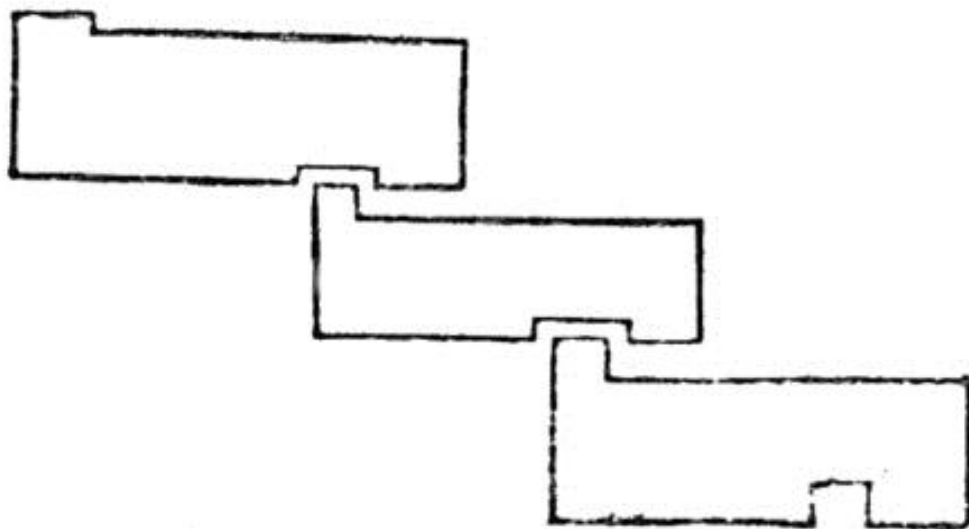
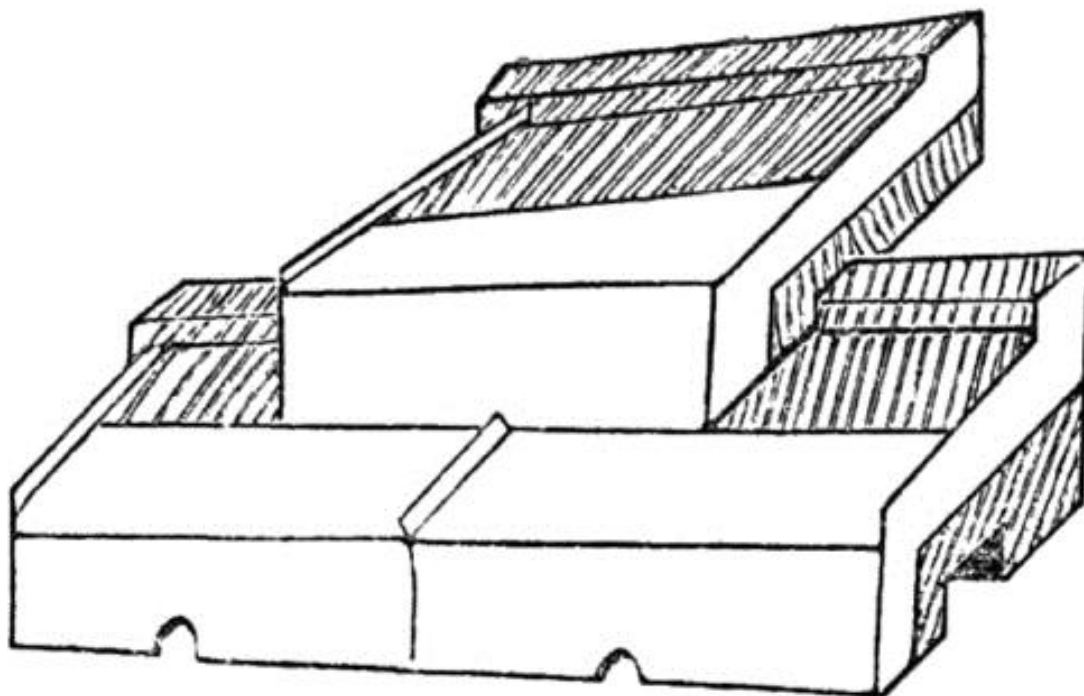
под рукой; поэтому массивные ряды камней фундамента были оставлены незамеченными. На западной стороне парадная лестница из двенадцати ступеней шириной 30 футов вела от подножия холма к западной стороне территории Мавзолея. Рядом с ними были найдены ваза Ксеркса и гигантский камень весом более десяти тонн, который, вероятно, когда-то закрывал вход в саму гробницу. Никаких остатков самой гробницы найдено не было, однако есть основания полагать, что какая-то ее часть, если не само тело короля, была видна во время сноса рыцарями. Затем с восточной стороны Мавзолея была обнаружена колоссальная сидящая мужская фигура величественного стиля, но, к сожалению, разрушенная; а затем, с северной стороны, такая же колоссальная женская фигура, которая первоначально, должно быть, была едва ли меньше 12 футов в высоту. Здесь же был найден очень красивый фрагмент одного из фриз, изображающий женскую фигуру, сажающуюся в колесницу, лицо которой, к счастью, слегка поврежденное, даже сейчас сохраняет оттенок камеи.

Следующий план мистера Ньютона по выяснению, по возможности, пограничной стены *теменоса* был удачным, поскольку он таким образом сразу обнаружил массу мраморных блоков, нагроможденных один на другой и перемешанных с фрагментами статуй; и таким образом раскопал: (1) колоссального коня, разделенного на две части, и часть головы другого коня, к которой все еще прилипла бронзовая уздечка; (2) льва в прекрасном состоянии и еще одного, разделенного на две части.; (3) разломанная пополам женская фигура в драпировке; (4) голова Аполлона. Все эти скульптуры были найдены сложенными вместе, и, очевидно, их никто не трогал с тех пор, как они упали.

Вывод был неизбежен, что теперь были найдены части колоссальных коней квадриги с вершины монумента; и что эта квадрига и большая часть пирамиды, ее опоры, были просто сброшены на стену *теменоса* и что мистер Ньютон, фактически, нашел их такими, какими они упали, возможно, 1700 лет назад.^[39] Рядом с головой лошади также было найдено лицо колоссальной мужской головы, предположительно, какого-то персонажа, связанного с квадригой, и, судя по общему стилю, аналогичное идеализированному портрету Александра Македонского на монетах Лисимаха, скорее всего, со статуи самого Мавсола. Лицо имеет благородное выражение, и по счастливой случайности очертания черт остались нетронутыми. Хотя у нас нет фактических свидетельств на этот счет, вполне вероятно, что статуя, которую мы называли Мавсолом, стояла в колеснице на вершине памятника. На южной стороне здания мистер Ньютон обнаружил несколько частей того, что, будучи сложенным вместе, явно было частями одного из его колес. Фрагменты состояли из части внешнего круга, половины ступицы и куса одной из спиц. Первоначально колесо имело шесть спиц, причем попеременные промежутки между каждой спицей были закрыты, чтобы обеспечить за счет ее прочности прочность всего колеса. Поскольку то, что было найдено, показывает, что колесо имело диаметр 7,7 дюйма; и поскольку лошади вряд ли могли быть меньше 10 футов в длину, мы можем справедливо предположить, что вершина пирамиды, на которой стояла квадрига, была по крайней мере 24 фута в длину. Из других расчетов можно показать, что пирамида имела высоту 23 с половиной фута, но за этими и другими подобными подробностями мы должны отсылать наших читателей к работе мистера Ньютона над Мавзолеем.

39. Разумно предположить, что первые разрушения Мавзолея произошли в результате землетрясений первого и второго веков нашей эры, на которые мы уже ссылались.

Мы должны, однако, добавить, что измерения высоты и ступени мраморных блоков, которые, как полагают, были ступенями пирамиды, составляли существенную особенность расчетов. Полученные результаты были получены в основном благодаря изобретательности и математическим знаниям лейтенанта. Смит, Р.Э., который также смог распределить 36 колонн Плиния по окружности в 412 футов, чтобы сохранить равномерное межколонное пространство с каждой стороны здания.

СТУПЕНИ ПИРАМИДЫ.

Сложность теории лейтенанта Смита заключается в том, что такое большое пространство от центров колонн до стен целлы оставлено без опоры; но предложенный им план опоры встречается и в других сооружениях, построенных почти одновременно, как, например, в гробнице в Миласе. Опять же, большая высота, 65 футов, между основаниями колонн и землей, согласуется с пропорциями других гробниц, как в Ликийи и в Суме в Алжире. По всей вероятности, этот высокий цокольный этаж был украшен одним или несколькими фризами, в то время как львы, которых мистер Ньютон обнаружил остатки не менее четырнадцати, могли стоять между колоннами или по углам, глядя на равнину. С момента их прибытия в Англию было продемонстрировано большое мастерство в соединении бесчисленных фрагментов, на которые были разбиты некоторые из плит и статуй; и посетители Британского музея теперь могут составить хорошее представление о величии и красоте конной фигуры или амазонки, костюм которой напоминает костюм персов из храма Бескрылой Победы в Афинах; и о двух великих статуях, которые было решено назвать Мавсолом и Артемизией. В той же комнате теперь также можно увидеть весь фриз, который был восстановлен; и интересно отметить, насколько менее повреждены участки, выкопанные мистером Ньютоном, чем те, которые, встроенные в стену замка, по крайней мере в течение четырех столетий подвергались разъедающему действию морских бризов.

Далее мы возьмем Книд, расположенный на юго-западном конце Малой Азии, и, после Галикарнаса, самый знаменитый город Карики. Описание его положения Страбоном и Павсанием в точности совпадает с наблюдениями современных путешественников. Так, Страбон говорит о двух его портах, один из которых может быть закрыт; и об острове (ныне мыс Криво) перед городом, высоком, в форме театра, соединенном дамбой с материком; оба эти утверждения полностью подтверждаются Бофортом и Гамильтоном. Павсаний добавляет, что остров был соединен мостом. Весь район покрыт руинами, северная стена, по словам Гамильтона, почти идеальна: он добавляет, что “на оконечности полуострова, недалеко от северной гавани, есть круглая башня необычайной красоты” (ii. 40). Некоторые из наиболее важных архитектурных особенностей города можно увидеть в “Ионических древностях”.

Книд упоминается сначала в гомеровских гимнах, а позже как лакедемонянская колония и как член дорийского Гексаполиса, или ассамблеи шести городов, местом собраний которой был храм Триопийского Аполлона на мысе Криво.^[40] Как население, книдийцы были великими торговцами, сочетая с этим любовь к искусству и высокое чувство юмора. Таким образом, мы находим их в отдаленный период в Египте (Ирод. ii. 178), и они владели сокровищницей в Дельфах, в то время как Липара, недалеко от Сицилии, была одной из их колоний. В различных войнах пятого и четвертого веков до нашей эры мы находим книдян иногда на одной стороне, иногда на другой. Таким образом, они подчинились Гарпагу, полководцу Кира;^[41] затем поддержал Афины, затем покинул ее после потерь на Сицилии,^[42] и затем, снова, на римском времени, как правило, были на стороне Рима.^[43] Книдианцы получили большую известность благодаря своему покровительству искусству. Таким образом, знаменитая картина Полигнота в Леше в Дельфах была их подарком;^[44] также были статуи Юпитера в Олимпии и одна в Дельфах, их основателя Триопа; с другими статуями Лето, Аполлона и Артемиды, пускающей стрелы в Титию. Самым известным произведением искусства Книда была обнаженная статуя Праксителя, так хорошо известная как Книдийская Венера,^[45] о которой сохранилось множество упоминаний, особенно у Лукиана. Он стоял в комнате с двумя дверями, так что его можно было видеть со всех сторон, и многие люди посещали Книд исключительно с этой целью. Книдийцы так гордились этой статуей, что, когда Никомед предложил выплатить весь общественный долг

Книда в обмен на статую, они предпочли сохранить свою статую и свои долги. Эта статуя, справедливо считавшаяся наиболее подходящим изображением “Папской области Книды”, долгое время оставалась невредимой и упоминается Филостратом в его “жизнеописании Аполлония Тианского”; но в правление Феодосия, будучи перевезенной в Константинополь, она была полностью уничтожена пожаром во дворце Лоза, около 475 года нашей эры. В Книде также сохранились две статуи работы Бриаксиса и Скопаса, двух скульпторов Мавзолея. Книда также была знаменита своей керамикой, хорошо известной в древние времена под названием “Κεράμια Κνίδια”.^[46]

40. Рядом с этим храмом в Cnidians провели свои собрания и игры (αγῶνες τοῦ Ἀπόλλωνος Τριτοπίου, Ирод. я. 144, или Ἀγῶν Δωρίος, Арист. АП. Schol. Теокр. Идиллия. xvii. 69). Офицера, ответственного за эти игры, звали δαμιουργός (Лик, стр. 227).

41. Книдяне хотели прорваться через узкую полосу суши между двумя своими гаванями; но дельфийский оракул ответил, что, если бы Юпитер хотел, чтобы мыс Кριο был островом, он бы так и сделал:

Ζεὺς γὰρ κ' ἔθηκε νῆρον εἴ κ' ἐβούλετο—Herod. i. 174.

42. Книд дорого заплатил за это дезертирство потерей всех своих кораблей (Фукид. viii. 35, 42).

43. Гамильтон (ii. 42) показывает, что не один из личных друзей Юлия Цезаря был связан с Книдом.

44. Смотрите статьи У. У. Ллойда в “Музее классических древностей”, том i, 1851.

45. Пракситель изготовил две статуи Венеры, одну обнаженную, другую в вуали. Коаны выбрали вторую, книдяне - первую.

46. Территория вокруг Книда была богата вином, кукурузой, маслом и различными овощами, на что обратили внимание Афиней (i, стр. 33, ii, стр. 66) и Плиний (xiii, 35, xix, 32 и др.). Плиний добавляет (xvi. 64), что из книдского тростника получались превосходные перья; отсюда соответствие линий Катутла —

“Quæque Ancona Cnidumque arundinosam

Колизей” (Карм. xxx. vi. 11).

Историк Ктесий, Евдокс, ученик Платона, и Агафарцидис были уроженцами Книда. Судя по Иероклу, Нотициям и Актам Соборов, оно существовало еще в седьмом и восьмом веках.

Отчет Общества дилетантов, на который мы ссылались, а также отчет капитана Бофорта и других, вызвавший большой интерес в Англии, заключался в том, что было сочтено целесообразным провести тщательные раскопки в месте, которое сулило столь много успешных результатов; поэтому мистер Ньютон по завершении своей работы в Галикарнасе решил сделать для Книда то же, что он сделал для другого карийского города.

ДЕМЕТРА ИЗ КНИДА.

Мистер Ньютон начал свои действия с изучения платформы, поддерживаемой многоугольной каменной кладкой и выступающей наподобие пирса из склона горы, и вскоре понял, что находится на месте *теменоса* Деметры, поскольку ниша в скале над ним все еще сохранила часть посвятельной надписи этой богине. Вскоре после этого он нашел небольшую *стелу*, а рядом с ней статую, замеченную дилетантской миссией, у которой отсутствовали голова, руки и ступни. Однако сохранилось достаточно, чтобы показать, что когда-то это было произведение “прекрасного стиля и исполнения”. Вскоре после этого на том же месте обнаружили надписи: одна из них повествует о посвящении здания (οἶκος) и статуи (ἑῷμα) Деметре и Персефоне, и, что представляло гораздо больший интерес, только что замеченная голова сидящей фигуры с лицом изысканной красоты, с самым нежным и утонченным выражением. Эта голова недавно была специально изучена профессором Брунном, и его статья о ней (переведенная мистером Мюрреем из Британского музея) опубликована в томе xi. часть 1 пер. член Королевского литературного общества. В этой статье профессор Брунн виртуозной рукой прослеживает пересекающиеся идеи, натолкнутые на смешанный характер Деметры как жены, матери и вдовы. “Образ матери, - говорит он, - пронизывает всю мифологию Деметры: мать,

которая, оставшись без мужа, жила только ради своего ребенка; которая должна была потерять свое дитя и быть наполненной тревогой за нее; чтобы ее тревога уменьшалась, но никогда не утихала и не устранялась случайными визитами дочери.... Глаз запал в глазницу, как будто физически устал; но беспокойство ума борется с усталостью и пока не сдается ей. Взгляд не запавший, а устремленный вверх, только чуть менее острый”. ... “Может ли быть, ” добавляет профессор, - только результатом случайности, что христианские художники также изобразили Мадонну в вуали? ... В центре христианской религии также находится фигура матери, которая живет только для своего Ребенка и в своем Ребенке, которая точно так же скорбит о потере своего Сына и находит блаженство в духовном созерцании Его. Предположим, христианский художник изобразил бы своей Мадонне голову нашей Деметры, его бы за это, конечно, не осудили”.

Примерно в то же время мистер Ньютон познакомился с двумя другими статуями, каждая из которых представляла значительный интерес: одна изображала женскую фигуру с модием на голове, частично прикрытым пеплосом, и гранатом в правой руке; другая - женскую статую высотой почти шесть футов, тело которой было задрапировано до пят. В целом она изображает пожилую женщину, измученную горем, в которой мало той матронной привлекательности, которая в древнем искусстве обычно характеризовала Деметру. Из гомеровского гимна Деметре мы узнаем, что богиня, странствуя в поисках своей дочери Персефоны, имела обыкновение надевать одеяние старухи и таким образом бродила по земле в течение нескольких дней, не пробуя пищи. Ее также сравнивают с престарелой медсестрой или экономкой в королевском доме, и это описание хорошо согласуется с этой статуей. Мы полагаем, что этот тип скорбящей Деметры ранее не был обнаружен ни в одном из дошедших до нас памятников древнего искусства. Однако отрывок из Климента Александрийского (Cohort. ad Gentes, i. 30, ed. Potter) предполагает, что иногда ее изображали в скульптуре в этом аспекте.

Рядом с первой статуей Деметры, сидящей фигурой, лежало несколько тонких, почти истлевших листов свинца, на которых, когда их развернули, оказалось, что они были исписаны проклятиями от имени Деметры, Персефоны и других адских богов. Такие надписи иногда встречались и раньше и известны под названием *Дире*.

Продолжая свои исследования в этом *теменосе*, мистер Ньютон наткнулся на вход в большую комнату, полную разнообразных древностей, включая множество оснований бывших статуй, некоторые с остатками стел, другие с углублениями для ног статуй. Большинство из них были посвящены Деметре на дорическом диалекте; а вместе с ними было много других предметов, связанных с ее поклонением, таких как три поросенка-вепря, калатус и множество мраморных женских грудей, предназначенных для обета. Датировка этих объектов, вероятно, как предполагает мистер Ньютон, примерно 370-320 гг. до н.э. Под ними, опять же, были слои ламп, амфор, сосудов из самийской посуды, костяных заколок для волос, кожаных ободков и стеклянных бутылок, все, вероятно, римские. Вполне вероятно, что эта комната раньше была сокровищницей, соединенной с одним из храмов; и то, что ее никогда не трогали с тех пор, как она превратилась в руины, несомненно из того факта, что края расколотых камней все еще чистые и острые. Любопытно, что, помимо мраморных поросят, были найдены также кости многих молодых поросят, свидетельствующие о жертвоприношениях Деметре.

Расчистка театров мало вознаградила труды мистера Ньютона; более того, вскоре стало совершенно ясно, что все или почти все лучшие работы давным-давно перевезены, вероятно,

как и "Венера", в Константинополь. Поэтому вскоре после этого он уделил свое главное внимание тщательному обследованию Некрополя, огромные масштабы которого, естественно, внушали надежды на важные открытия. Этот некрополь, общий характер которого очень хорошо показан на одной из табличек "Ионических древностей", должно быть, в прежние времена был одной из самых ярких достопримечательностей города. Одно из сооружений, все еще остававшееся *на месте*, как отмечает мистер Ньютон, по форме мало чем отличалось от раннехристианской церкви, с камерой, вестибюлем и апсидой или альковом в южном конце. По бокам располагались апсиды поменьше, а перед каждой из них - мраморный саркофаг. Саркофаги в целом демонстрируют хорошую римскую работу времен Домициана, но сильно пострадали при обрушении крыши; должно быть, когда-то они были великолепными образцами декоративного стиля своего времени, хотя они демонстрируют упадок хорошего вкуса в щедрой расточительности орнамента, которым они были покрыты. В земле вокруг было множество фрагментов греческих надписей, почти все из которых были указами сената и народа Книда. Мистер Ньютон считал, что одна из гробниц принадлежала некоему Ликету, поскольку надпись фиксирует постановления в его пользу, вынесенные поднятием рук (χειροτονία) на фестивале великой Дионисии, вместе с установлением ему статуи за государственный счет. Нет удовлетворительных доказательств того, когда жил этот Ликет, но его гробница, по-видимому, относится к раннему селевкидскому периоду, когда Книд был свободным городом.

Завершив обследование самого Книда, мистер Ньютон приступил к обследованию близлежащих деревень, результатом чего стало обнаружение колоссального льва. Сообщения о его существовании доходили до него и раньше, но мистеру Пуллану, руководителю экспедиции, было поручено совершить его фактическое открытие на расстоянии от трех до четырех миль к востоку от Книда, в месте, где, за исключением случайности, он мог оставаться незамеченным еще двадцать одно столетие. Точное место, где был найден лев, можно увидеть на карте адмиралтейства, на которой на вершине утеса, напротив мыса Крио, видны разбросанные повсюду руины древней гробницы. Ниже этого, примерно в 60 футах, лев отдыхал на выступе скалы, под которым, опять же, находится отвесный обрыв на 300 футов в море. Лев лежал на правом боку, и его верхняя часть сильно пострадала от воздействия непогоды. Он был вырезан, как и основание, на котором он стоит, из цельного куска паросского мрамора и имеет размеры почти 10 футов в длину и 6 футов в высоту. Этот благородный лев, вероятно, построен раньше мавзолея и отличается более суровым и величественным стилем, чем стиль мавзолея.^[47] Извлечение льва было делом большого труда и трудности; действительно, вряд ли могло быть выполнено, если бы мистеру Ньютону не помогли несколько матросов с английского военного корабля.

47. Смотрите Фронτισпис.

Сама гробница представляла собой почти равный квадрат площадью 39 футов 2½ дюйма с остатками пирамиды, похожей на мавзолей.^[48] Его нынешняя высота составляет около 17 футов; четыре нижних фута сложены из огромных мраморных блоков, поддерживающих одиннадцать слоев травертина. На западной, самой совершенной стороне все еще сохранилась часть нижней ступени стилобата. Не было получено никаких *данных* о точной высоте колонн вокруг памятника; но, поскольку при угловой ступени одна ступенька составляла 13½ дюйма, а другая всего 10½, ясно, что это сооружение, как и Мавзолей, было продолговатым. Хотя действие землетрясения, вероятно, было основной причиной разрушения этой монументальной гробницы, также не может быть сомнений в том, что она сильно пострадала от грабителей,

которые в поисках сокровищ разрушили столько внутреннего покрытия, сколько смогли сдвинуть с места. Косяки дверного проема сохранились до сих пор, а интерьер был выполнен в форме пчелиного улья. Верхняя часть была закрыта одним огромным блоком, и, поскольку его верхняя сторона была несколько шире нижней, этот блок, должно быть, опустили на свое место, подобно затычке гигантской бочки, после того, как остальная часть здания была закончена. Сама камера имеет по бокам ряд отверстий, расширяющихся наружу наподобие амбразур — без сомнения, как и мест упокоения тел: действительно, при уборке мусора было обнаружено несколько человеческих костей. Мистер Ньютон считает, что этот памятник вряд ли может быть датирован позднее 350 г. до н.э. и что он был построен как памятник многим гражданам, павшим в битве. К какому периоду тогда можно его отнести? Вероятно, либо к отражению нападения афинян книдянами в 412 году до н.э.; либо к поражению лакедемонян Кононом в 394 году до н.э.; и из двух более вероятно, что он был воздвигнут в память о первом событии, которое имело большое значение для города. К северу и дальше вглубь страны находятся две другие гробницы точно такой же конструкции, но меньших размеров.

48. Мистер Фолкнер нашел в Уране, во Фригии, памятник, который он восстановил как аналогичный этой гробнице Льва. Хотелось бы, чтобы он также сделал набросок руин в том виде, в каком он их нашел. (Музейный урок. *Antiq. i.* стр. 174.)

Посвятив теперь значительное место Галикарнасу и Книду, поскольку, согласно недавним исследованиям, они имеют такое большое значение, мы должны очень кратко остановиться на других городах Карии. Небольшой городок Физкус представляет интерес главным образом из-за своей великолепной бухты и гавани, так хорошо известной современным мореплавателям (под названием Марморис) как одна из лучших в мире для судов самого большого размера. Возможно, именно этот характер привел к тому, что в древности его так мало замечали, поскольку древние галеры не придавали значения глубине. Вместимость Мраморного залива будет лучше всего понята, если мы напомним нашим читателям, что Нельсон бросил в нем якорь со всем своим флотом как раз перед битвой на Ниле. Недалеко от этого находился Каун, древняя столица народа, который, по мнению Геродота, не был карийцами; действительно, их монеты и архитектура, кажется, доказывают, что они были ликийцами. Было определено местонахождение Каунуса, где до сих пор сохранились значительные монументальные остатки и стены так называемой циклопической каменной кладки. Кавнийцы были активной и энергичной расой и оказали доблестное сопротивление персам, несколько лет спустя с таким же энтузиазмом присоединившись к великому ионийскому восстанию (Ирод. ст. 103). Ближе к концу Пелопоннесской войны мы находим постоянное упоминание о Конусе. Получив отказ римлян в петиции против Родоса, они возымели против них самую ожесточенную ненависть и поэтому с большой жестокостью осуществили резню римлян, запланированную Митрадатом (Аппиан, Митр. ок. 23). Летом в Кауне было настолько нездорово, что “бледнолицые каунийцы” вошли в пословицу.

Стратоника (ныне Эски-гиссар), один из главных внутренних городов Карии, построенный в основном Антиохом Сотером, получила свое название в честь его жены Стратоники. Великий Митрадат женился там на своей жене Мониме. Недалеко от города находился знаменитый храм Юпитера Хризаория, центр политического союза карийских государств. Стратоника была широко исследована путешественниками; и еще в 1709 году мистер консул Шерард подарил графу Оксфорду книгу греческих надписей, скопированную им в различных местах Малой Азии. Этот том сейчас находится в *Harleian collection*. Самым важным памятником города является

знаменитый эдикт Диоклетиана — на греческом и латыни, — первый экземпляр которого, сделанный Шерардом, находится в только что упомянутом томе. Покойный полковник Лик^[49] показал, что его дата относится примерно к 303 году н.э., и его цель - дать указание тем, кто занимается торговлей провизией, не превышать определенные фиксированные цены во времена дефицита. Феллоуз утверждает, что названия многих продуктов питания, перечисленных в нем, все еще используются крестьянством Малой Азии. Среди прочего, мы узнаем, что шелковые одежды были в обычном употреблении, как указал семьдесят лет спустя Аммиан^[50]; также как грубое пальто или *биррус*, *каракаллис*, или плащ с капюшоном (впоследствии принятый монахами), галльские бриджи и носки. На позднюю дату надписи указывает ее варварская латиница, прежде всего, уменьшенная стоимость *драхмы* или *денария*. Таким образом, динарий является эквивалентом одной устрицы или сотой части нежирного гуся! Записанные названия продуктов указывают не только на обычную пищу народа, но и на дорогостоящие деликатесы эпикурейцев. Так, отмечены несколько видов меда, ветчины, сосисок,^[51] соленой и пресноводной рыбы, спаржи и фасоли. Гиббон не преминул заметить эту надпись, хотя в его время она была скопирована очень несовершенно.

49. См. Пер. Roy. Soc. of Literature, 1-я серия, 4-й том, i. стр. 181. 1826.

50. Аммиан не был знаком с истинным происхождением шелка. Он до сих пор описывает его, как это делали Вергилий и Плиний, как своего рода шерстяную субстанцию (*лануго*), срезанную с дерева в Китае.

51. Происхождение слова “колбаса” может быть общеизвестным. “*İcicium*” означает “мясной фарш”; “*salsum icicium*” - то же самое, что соленое. Из последнего получают итальянское *сальсиччо*, французский *соус* и английскую колбасу. Итак, *jecur ficatum* (греч. σικώτων), печень свиньи, получаемая при откорме гусей инжиром (“*pinguibus et ficis pastum jecur anseris albi*”, горат. Satir. ii. 8, 88) сохранилось в итальянском *fegato* и новогреческом σικώτι, используемом для обозначения печени в целом. Любопытно встретить указ на стенах храма в Карию с *пернами Менапиками*, вестфальскими окороками.

Афродизиас был значительным городом и в очень поздний период, как явствует из Иерокла, столицей Карию. Он мало упоминается в древней истории, но Тацит записывает, что, излагая указы Цезаря и Августа в его пользу,^[52] он ходатайствовал перед Сенатом о праве убежища при его храмах, когда Тиберий мудро пытался ограничить эти вредные иммунитеты. Афродизиас был известен главным образом своим великолепным ионическим храмом Венеры, многие колонны которого сохранились до сих пор. Их можно увидеть в третьем томе “Ионических древностей”, 1840,^[53] и в работе мистера Пуллана.

52. “*Dictatoris Cæsaris ob vetusta in partes merita et recens Divi Augusti decretum*” (Tacit. Ann. iii. 62). Надпись, опубликованная Чисуллом в его *Antiq. Asiat.* (стр. 152), но, как мы полагаем, впервые скопированная Шерардом, подтверждает утверждение Тацита.

53. Название “Афродизиас” неоднократно менялось. Таким образом, когда христианство начало преобладать, первым изменением стал Таврополис (как показано на надписи, скопированной Феллоузом), и, опять же, Ставрополис (или город Креста). Однако, когда ближе к концу пятого века александрийский Асклепиодот возродил праздники Венеры, возродилось и древнее название.

Сэр Чарльз Феллоуз дал превосходное описание (Ликия, стр. 32) состояния, в котором он обнаружил руины, с прекрасным рисунком Ионического храма. “Я никогда, - говорит он, - не видел в одном месте столько совершенных руин, хотя и отнюдь не свидетельствующих о хорошем возрасте искусств”: он также думает, что древний город, должно быть, был в значительной степени разрушен. “Эти (более поздние) стены, - добавляет он, - состоят из остатков храмов, гробниц и театров, которые были сняты, хотя и не пострадали. Перевернутые надписи и барельефы свидетельствуют об этом изменении”. Сэр Чарльз Феллоуз цитирует одну надпись, которая показывает, насколько тщательно владельцы этих гробниц стремились обеспечить их сохранность и единоличное использование. “Но если, - говорится в легенде, - вопреки этим указаниям, кто-нибудь похоронит другого (в этом памятнике), пусть он будет проклят и, кроме того, заплатит в святейшую казну 5000 динариев, из которых одна треть достанется тому, кто возбudit дело”. Надписи с подобными проклятиями, действительно, встречаются достаточно часто.

Миласу и Лабранду можно рассматривать вместе, поскольку от первой Священный Путь вел к Лабранде. Первый, без сомнения, в древности был одним из главных мест в Карию, до того, как Галикарнас был принят в качестве царской резиденции; действительно, мы находим доказательство этого в том факте, что там был храм, в который одинаково допускались как лидийцы, так и мизийцы (Ирод, i. 171). Его портом считался Физкус, на который мы уже ссылались. Миласа, в древние времена, как утверждает Страбон, город необычайной красоты, во многом был обязан тому, что был построен рядом с горой из тончайшего белого мрамора. Это было действительно так близко, что один из губернаторов провинции заметил, что основателю города следовало бы устыдиться своей ошибки, если не испугаться.^[54] Кроме того, он был так полон священных зданий, что, когда Стратоник пришел туда, думая, что храмов больше, чем людей, он воскликнул посреди форума: “Слушайте, о вы, храмы!” (Athen. viii. c. 348).

54. Strabo's words are: Ταύτην γὰρ, ἔφη, τὴν πόλιν ὁ κτίσας εἰ μὴ ἐφοβεῖτο, ἄρ' οὐδ' ἡσχύνετο; (xiv. 659).

Жители Миласы, оказавшие успешное сопротивление нападениям Филиппа, сына Деметрия, были вознаграждены тем, что римляне сделали их “свободными”. Современные путешественники, от Покока до Чандлера, полностью подтверждают заявления древних об изобилии мраморных памятников; и полковник Лик добавляет, что с тех пор, как они были там, турки разрушили лучшие руины - Храм Ромула и Августа. Сэр Чарльз Феллоуз во время своего второго путешествия заметил на ключевом камне ворот двуглавый топор (bipennis), указывающий на то, что здание, которому он принадлежал, когда-то было посвящено Юпитеру Лабранскому, название, как говорят, произошло от λαβρὺς, карийского слова, обозначающего топор;^[55] и преуспел, также, в идентификации этого (стр. 66-67). Он говорит об этом так: “Единственное заметное здание в этом месте - прекрасный храм коринфского ордена, но, по моему, не самого прекрасного возраста.... Он стоит в нише среди холмов, и, следовательно, его нельзя увидеть, не приблизившись к нему вплотную”.^[56]

55. Страбон называет храм νεῦς ἀρχαῖος, и Геродот добавляет, что был священной рощи платанов близ него, ἄγιον ἄλσος πλατανίστων (ст. 119). Плутарх (ii. стр. 302 A) утверждает, что λαβρὺς было лидийским и карийским словом, обозначающим топор (которое мы находим представленным также на монетах Мавсола и Пиксодача). На одном из оксфордских мраморов (ii. 12), вероятно, алтаре, встречаются слова διὸς ΛαβραύΝδου.

56. После визита сэра Чарльза это место было тщательно обследовано мистером Пулланом, который утверждает, что здание (пятнадцать колонн которого все еще стоят) действительно римских времен и работы, хотя в “Ионических древностях”, т. i, оно выгравировано (под руководством доктора Чандлера) как греческий храм (Pullan, “Ruins of Asia Minor”, стр. 26).

ГЛАВА III.

Ксанф—Сэр Чарльз Феллоуз—Телмессус—Патара—Пинара—Мира-Тлос и Антифелл—Атталия—Перге—Эвримедонт—Аспендус-Сиде—Термессус—Кремна-Сагалассус—Сельге-Антиохия Pisidia—Tarsus—Coracesium—Laertes—Selinus—Anemurium—Celenderis—Seleuceia—Corycus—Soli—Adana—Mallus—Mopsuestia—Anazarbus—Issus.

Теперь мы переходим к *Ликийи*, многие из наиболее важных памятников которой сейчас находятся в ликийском зале Британского музея — по большей части летописи ее главного города Ксанфа - и все они приобретены сэром Чарльзом Феллоузом. В то же время несколько менее ценных останков были получены из других ликийских городов.

Главная ценность памятников из *Ликийи* заключается в том, что, хотя в них много хорошо выполненных скульптурных произведений, интересных как местное или провинциальное воспроизведение греческих работ середины четвертого века до нашей эры, они включают также несколько плит, как, например, плиты из гробницы Гарпий, подлинно архаического типа.

Ксанф, город, в котором была сохранена большая часть памятников, о которых пойдет речь ниже, претерпел замечательные превращения судьбы, некоторые из которых, как считалось, изображены на его скульптурах. Первоначально это была критская колония, обосновавшаяся в Ксанфе или недалеко от него; следовательно, в “Илиаде” мы читаем о Сарпедоне и Главке, как предводителях ликийцев в троянской армии, и о том, что тело первого было перенесено сном и Смертью в Ликийю, где его почили *стелой* и гробницей. Пандар, знаменитый лучник, тоже ликиец. После свержения Креза Гарпаг, военачальник Кира, был отправлен покорять Ликийю смешанными силами персов, дорийцев и ионийцев; Главкиды, или царская семья Ликийи, энергично поддерживали ионийцев в их сопротивлении Киру.

По этому случаю Ксанф выступил с запоминающейся защитой. Говорят, что, когда объединенные силы персов и армии конфедерации изгнали его с равнины, его жители укрылись в своей цитадели и, собрав там своих жен, детей и сокровища, сожгли их, в то же время пав жертвой мужчины в яростной вылазке на своих врагов (Ирод, i. 176). О том, что успех персов был полным, мы знаем из того факта, что шестьдесят лет спустя тогдашние ксантианцы послали пятьдесят кораблей на помощь Ксерксу и впоследствии продолжали платить ежегодный налог персидским монархам.^[57] Однако их мужество не было подавлено; ибо, когда Александр после своей победы над персами при Гранейке спустился в Ликийю, в Ксанф, и там один, он встретил упорное сопротивление.

57. Было высказано предположение (см. "Геродот" Роулинсона, i, стр. 312), что семья Гарпага продолжала править Ликией и что Ксантианский обелиск (к которому мы сейчас обратимся) был воздвигнут вскоре после битвы при Эвримедонте, в 466 году до н.э. Но "сын Гарпага" на этом памятнике вполне может означать не что иное, как его потомка, точно так же, как Ииуя называли "сыном Омри".

В последующей войне ксантианцы поддержали Антигона; отсюда штурм и захват города Птолемеем; а во время войны между Брутом и триумвирами первый вошел в Ликию, и естественным результатом стала кровавая атака и осада Ксанфа. Нам говорят, что в этом случае жители города поступили так же, как они поступали раньше, когда на них напал Гарпагус, уничтожив себя, своих жен и детей в подобном холокосте. Впоследствии мы мало что слышали о Ксанфе, за исключением того, что он сильно пострадал от двух сильных землетрясений во времена Тиберия и Антонина Пия. Город Ксанф был расположен на левом берегу Сирбес^[58] или Сирбус, греки называли Ксанф или Желтый; на расстоянии от 6 до 7 миль от моря. На самой высокой точке находился Акрополь, римское сооружение, построенное в основном из руин старого города. На вершине холма стояло то, что было названо гробницей Гарпий.

58. Дионисий Периегет свидетельствует об обоих именах:

Σίβρῳ ἔπ' ἄργυρέω ποταμῷ...

и

Ξάνθου ἐπὶ προχοῇσιν ... κ. τ. λ. (v. 847.)

ПЕРСИДСКИЙ САТРАП СИДИТ.

Памятники, найденные в Ксанфе, могут быть расположены под заголовком (1) так называемого памятника ионическим трофеям,^[59] (2) Разные рельефы, (3) Гробницы. Первый стоит в восточной части города и был построен из белого мрамора на цоколе из серого ликийского камня. Когда-то его окружали два или более фриз, изображавших состязания между воинами, полностью вооруженными на греческий манер, или более легко одетыми в туники, или обнаженными, в шлемах. Сэр К. Феллоуз воображает, что в некоторых случаях он может узнать бородатых ликийцев в свободных одеждах, с их необычным оружием из *занавешенными* щитами,^[60] битва на

равнинах, описанная Геродотом.^[61] Азиаты, безусловно, изображены на некоторых плитах с остроконечной шапкой или сидарисом, в то время как на других плитах изображена атака на главные ворота сильно укрепленного города. На другом рельефе изображен сидящий персидский сатрап с зонтиком, или символом суверенитета, над головой, а на других плитах - указания на вылазку из города и ее отражение. Город может быть самим Ксанфом, а может и не быть, но в его стенах находятся хорошо известные памятники этого города, вертикальные квадратные колонны или *стелы*, четыре из которых представлены.^[62] “Трофейный памятник”, который был искусно восстановлен сэром Чарльзом Феллоузом в виде периферийного тетрастильного храма, можно увидеть в ликийском зале Британского музея. Однако, к сожалению, мы не можем согласиться с его точкой зрения, что темой этих скульптур является взятие Ксанфа Гарпагом, поскольку это событие произошло в 545 году до н.э.; в то время как ни один из этих рельефов не может быть датирован 400 годом до н.э.^[63]

59. В целом, мне кажется наиболее вероятным, что этот памятник был храм какого-то местного героя, возможно, первоначально основатель или лидер (οἱ κιοτήс или ὄρχηγέτης), как Theseum в Афинах. Следовательно, это мог быть Гарпагей, или мемориал Гарпага, или Гарпагов. Мистер Бенджамин Гибсон предположил, что “Трофейный монумент” предназначался в ознаменование “завоевания Ликии объединенными силами персов и ионийцев” (Муз. Antiq. vol. i. 132); и м—р Уоткисс Ллойд опубликовал об этом достойные воспоминания, озаглавленные “Ксантианский мрамор - памятник нереиде”.

60. Эта “занавеска” представляла собой своего рода придаток, прикрепленный к нижнему концу щита, и предназначалась для защиты ног от камней. Он назывался λαισθήιον и упоминается в Hom. Il. v. 453:

ἄσπίδας ἐκυύκλους λαισθήϊά τε πτερόεντα.

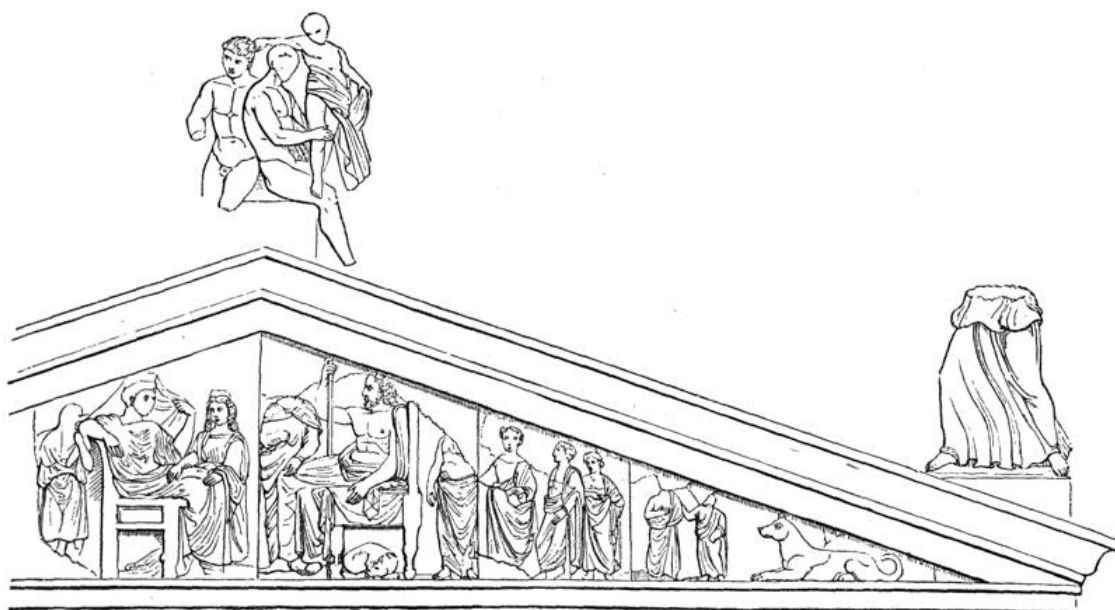
Ваза, опубликованная Ингирами, хорошо отражает обычный характер этого придатка. Миллинген предполагает, что предметом этой вазы является “Антиопа, ведущая Тесея к стенам Фемискиры”. (Ср. Мюллер, Arch. d. Kunst, § 342.)

61. Некоторые из этих сцен могут относиться к реальным событиям в истории Ксанфа; и восточному вождю на “Трофейном” памятнике, похоже, тоже помогали греческие наемники.

62. Было высказано предположение, что так называемая *трикетра* на ликийских монетах, состоящая из трех изогнутых предметов, похожих на серпы или подстрекатели для слонов, или *арфа* (ἄρπη) Персея, соединенных в центре, символизирует имя Гарпаг. Такая “наклонная геральдика” (как в случае с *Арпи* в Апулии и *Занкле* на Сицилии), однако, не принимается лучшими нумизматами в качестве одобренного греческого использования, хотя вполне возможна среди населения полу-Востока.

63. Табличку на противоположной странице следует рассматривать не более чем как возможное расположение некоторых из найденных скульптур.

2. Разнообразные рельефы, найденные в Акрополе и вокруг него, в основном являются остатками гораздо более старых зданий; как правило, они выполнены из грубого местного камня и имеют некоторое сходство с раннегреческими работами, особенно со скульптурами из Ассоса. Их главные сюжеты - лев, пожирающий оленя, и сатир в человеческий рост, бегущий по земле.

ПАМЯТНИК-ИОНИЧЕСКИЙ ТРОФЕЙ.

3. Гробницы. Система надгробий, так сказать, развитая в Ликий, является поразительной характеристикой этой провинции, и поэтому была тщательно изучена сэром Чарльзом Феллоузом, который классифицировал их, в соответствии с их формами, на обелисковые, готические и елизаветинские. Первый, как следует из названия, представляет собой просто квадратный блок, увенчанный колпаком и карнизом; второй и третий имеют стрельчатые верхушки или глубокие средниковидные углубления соответственно. Из двух первых в Британском музее есть превосходные образцы; третий использовался в основном для вырезания на поверхности твердых скал. Все они представляют собой имитацию деревянных конструкций с обшитыми панелями дверями, загнутыми гвоздями и молотками, торчащими из львиных пастей. Одну из этих гробниц, так называемую гробницу Гарпий, из-за ее большого любопытства мы должны рассмотреть несколько подробнее. Он состоит из квадратной колонны высотой около 17 с половиной футов, выполненной из цельного куска камня, увенчанной серией барельефов, образующих стены квадратной камеры, по семь футов в каждую сторону, и имеющей небольшую дверь на западной стороне. На этих стенах изображены гарпии, между которыми в каждом случае находится группа, состоящая из одной сидящей и одной стоящей фигуры. Есть основания предполагать, что сюжет этих рельефов - местный миф, и, поскольку, как говорят, дочери ликийского героя Пандара были унесены гарпиями, это не исключено, что здесь речь идет именно об этом. Гарпии обычно, как и здесь, изображаются лицами, грудями и руками женщин, а также телами и ногами стервятников. Вполне возможно, что эта *стела* могла быть гробницей какого-нибудь принца из царской семьи Ликии, который утверждал, что происходит от мифического героя Пандара. Точной даты этому событию установить невозможно, но, если бы оно было совершено в Аттике, а не в Ликии, 530 год до н.э. не был бы для него слишком ранним. В любом случае, его исполнение, должно быть, предшествовало персидскому завоеванию Ликии.

Одна из самых интересных готических гробниц - гробница человека, чье имя читается как Паиафа и который, вероятно, был сатрапом Ликии. Вершина этого сооружения очень напоминает перевернутую лодку с высоким гребнем, идущим вдоль нее, как киль. С каждой

стороны крыши изображена вооруженная фигура *вквадриге*,^[64] на северной стороне, под *тимпаном*, сатрап восседает в качестве судьи, его одежда и общий вид такие же, как у перса на Трофейном памятнике.

64. Геродот отмечает, что жители Вифинии носили два ликийских копья и были в медных шлемах, на верхушках которых были уши и рога быка. Ср. Также на монетах шлем Евкратида, царя Бактрианы.

Завершая эти заметки о Ксанфе, мы можем сослаться на некоторые слепки из гробницы в Пинаре, расположенной неподалеку, высеченные на поверхности цельной скалы. Сэр Чарльз Феллоуз утверждает, что в центре этого города возвышается круглый скалистый утес, сплошь усеянный гробницами, многие из которых представляют собой всего лишь продолговатые ямы и совершенно недоступны. Один слепок изображает город-крепость с гробницами, башнями, воротами и стенами; зубчатые стены в целом очень напоминают город, изображенный на "Трофейном памятнике". Другой слепок передает интерьер портика скальной гробницы в Тлосе, где Беллерофонт, один из героев Ликии, торжествует над Химерой.

Нам остается только обратить внимание на знаменитую *Стелу с надписью*, самую длинную из когда-либо встречавшихся надписей ликийским шрифтом, содержащую упоминание о сыне Гарпага и названия нескольких ликийских городов. На северной стороне, между строками ликийских символов, находится греческая надпись в двенадцать строк гекзаметром,^[65] первая из эпиграммы Симонида (556 г. до н.э.) и уведомление о достижениях этого сына Гарпага. Вся надпись состоит примерно из 250 строк.

65. Полковник Лик (пер. с англ. Soc. of Literature, том ii. 1844) дал перевод двенадцати строк на греческий, показывающий, что этот памятник был воздвигнут неким Датисом, называемым сыном Гарпага. В нем говорится, что он удостоился высших почестей на карийских играх и убил "за один день семерых тяжеловооруженных солдат, жителей Аркадии". Эпиграмма Симонида (Anthol. Brunck. т. i., стр. 134) посвящена битвам на Кипре и Эвримедонте, 470 г. до н.э. Другая гипотеза заключается в том, что сына Гарпага звали Спарсис (Лик, там же, стр. 32). Полковник Лик считает, что дата надписи не ранее 400 г. до н.э..

На других городах Ликии, Телмессе, Патаре, Пинаре, Майре, Тлосе и Антифелле, нам нет необходимости останавливаться сколь-нибудь подробно, тем более что исторически они не имели большого значения и интересны нам только из-за остатков искусства, все еще видимых на месте.

Телмессус находился на побережье, а сейчас представлен деревней Макри.^[66] В древние времена он славился мастерством своих авгуров. Геродот сообщает нам, что к ним часто обращались лидийские цари, и особенно Крез; а Арриан приписывает им отдаленную древность. Их репутация сохранилась надолго; ибо Цицерон говорит об этом городе так: "Телмесс в Карии существует как в городе превосходная гаруспическая дисциплина" (De Divin. i. 41). В раннехристианские времена у него был епископ. Телмессус был полностью описан доктором Кларком и сэром Чарльзом Феллоузом. Его монументальные остатки почти полностью представляют собой гробницы; но многие из них примечательны своей красотой, а также необычайным трудом, затраченным на их вырезание в скале. Сэр Чарльз Феллоуз делает любопытное замечание, что, хотя греческое население Ликии было в основном дорийцами, он не встретил никаких гробниц или других памятников, несомненно, дорического ордера.

66. Феллоуз замечает, что название “Maps” и “Modern Traveller” (которое Кремер также считает искажением слова “Telmessus”) неизвестно в стране.

Патара, расположенная на левом берегу реки Ксанф, в основном славилась своим поклонением ликийскому Аполлону и храмами, известными под названием Патарей.^[67] Согласно Геродоту (i. 182), жрицу, которая доставляла это, запирали в храме каждую ночь, но оракульские ответы были лишь эпизодическими. Патарейский оракул был очень древним и считался едва ли уступающим дельфийскому. Капитан Бофорт в своем отчете о Карамании помещает останки Патары^[68] недалеко от берега и замечает “глубокую круглую яму необычного вида, которая, возможно, была резиденцией оракула”. Феллоуз ссылается на “прекрасный маленький храм в центре разрушенного города” с дверным проемом “прекрасной греческой работы, украшенным в коринфском стиле, с прекрасными пропорциями и масштабом”. Порт Патара, который был слишком мал, чтобы вместить объединенный флот римлян и родосцев под командованием Регилла в войне с Антиохом (Liv. xxxvii. 17) теперь полностью зарос кустарником и т. Д. Надпись указывает на то, что театр был построен (скорее всего, перестроен) в четвертое консульство Антонина Пия, 145 г. н.э.....

67. Hor. Od. iii. 4, 62: Delius aut Patareus Apollo. Статистика. Библия. i. 696:

... Seu te Lyciæ Pataræa nivosis

Exercent dumeta jugis.

Virg. Æn. iv. 143:

Qualis ubi hibernam Lyciam Xanthique fluenta

Deserit, ac Delum maternam invisit Apollo.

По поводу этого отрывка Сервий замечает, что оракулы передавались попеременно — зимой в Патаре и летом на Делосе.

68. Цицерон использует этническую форму Pataranus (Orat. во Flacc. с. 32).

Пинара, у подножия горы Крэгус, была еще одним из шести ликийских городов, в которых воздавались божественные почести герою Пандару, знаменитому гомеровскому лучнику: говорят, что его название является ликийским словом, обозначающим круглый холм (v. Ἀρτύμνησος, ап. Птол.; Plin. v. 28; Hierocl. стр. 684); и такой холм, всюду изрытый для захоронений, Феллоуз нашел, как мы уже говорили, в самом его центре. Такая физическая особенность не осталась бы незамеченной ни одним греком. Он добавляет, что “весь город, по-видимому, относится к одной дате и одному народу”, поскольку надписи, как правило, выполнены ликийским шрифтом.^[69] Резьба на здешних скальных гробницах, судя по рисунку, который он приводит (стр. 141), представляет большой интерес и красоту.

69. Полковник Лик (Roy. Soc. Lit. i. стр. 267) придерживался мнения, что ликийские иероглифы были модификациями архаичного греческого.

Мира, иногда называемая Андриаче (откуда происходит современный *Андраки*), была, по словам Аппиана, довольно примечательным местом, и она до сих пор примечательна красотой и богатством своих высеченных в скале гробниц (Пуллан). Священный историк путешествий

святого Павла пишет, что, покинув Сидон и Кипр, “когда мы переплыли моря Киликии и Памфилии, мы прибыли в Миры, город Ликийский; и там сотник нашел александрийский корабль, плывущий в Италию, и посадил нас на него” (Деяния ххvii. 5, 6). Мира, по-видимому, в более поздний период была столицей провинции (Малала, Хроника XIV; Иерокл., стр. 684). Упоминается также некий Николай, епископ Мирликийский (Const. Porphyg. Фемист. 14). Полковник Лик отмечает, что на берегу реки, по которой Лукулл поднялся в Миру, находятся руины большого здания, которое, судя по надписи, было зернохранилищем, возведенным во времена Адриана;^[70] и Феллоуз добавляет, что “гробницы, как правило, очень большие, и все, по-видимому, предназначались для семей, у некоторых были небольшие комнаты, одна ведущая в другую, и некоторые из них весьма интересны по своим внутренним особенностям устройства.” Многие барельефы в портиках гробниц до сих пор сохраняют свой первоначальный цвет, что можно увидеть на их слепках в Британском музее.

70. Бофорт дает подробное описание этого здания и утверждает, что его длина составляет 200 футов, а высота стен - 20 футов. Надпись на нем: “Horrea Imp. Caesaris Divi Traiani Hadriani” и др., доказывает, что это было зернохранилище: оно было разделено на семь отдельных отсеков.

Тлос и Антифелл, хотя и изредка упоминались в древние времена, были почти забыты до тех пор, пока эти и другие места не стали усердно разыскиваться современными путешественниками. Лик говорит о последнем как о почти завершенном театре со множеством катакомб и саркофагов, некоторые из которых очень большие и великолепные; а Феллоуз считает, что здешние гробницы самые большие в Ликии. “Скалы на многие мили вокруг, - говорит он, - усеяны их обломками, и многие сотни все еще стоят, по-видимому, нераспечатанные”.

Город Тлос, о котором мы знаем немногим больше, чем то, что он находился на дороге в Сибир, впервые был точно определен сэром Чарльзом Феллоузом, который считал, что первоначальный город, должно быть, был разрушен в очень ранние времена, поскольку “сейчас видны фрагменты тонкой обработки, встроенные в мощные стены, которые укрепили город, возведенный на его руинах”. Театр был самым изысканно отделанным из всех, что он когда-либо видел, поскольку сиденья были не только из полированного мрамора, но и у каждого сиденья был нависающий карниз, часто поддерживаемый львиными лапами. Найденная там надпись содержит имя Сарпедона, показывая, что имя мифического героя Ликии все еще сохранялось в народе. Гробница в Тлосе всегда называлась Херум.

Поскольку провинции так тесно связаны, мы возьмем *Памфилию* и *Писидию* вместе, просто выбрав из них те места, которые представляются наиболее интересными. Поэтому мы сначала обратим внимание на Атталию (современную Адалию), хотя среди географов были некоторые споры о том, действительно ли Адалия находится на месте старого города: истинное течение ручья под названием Катарактес,^[71] из-за того, что он стремглав срывается с обрывов в море, пока еще не определено, что в основном привело к этой путанице. Вероятность состоит в том, что из-за землетрясений береговая линия сильно изменилась за последние 2000 лет; более того, полковник Лик и другие полагают, что известкового вещества, принесенного в этот период различными ручьями, было достаточно, чтобы вызвать прекращение любого такого каскада, поскольку основной поток также был сильно отклонен для удобрения садов вокруг города. Физические изменения на самом деле были настолько велики, что еще более замечательно, что все может быть определено на определенной и удовлетворительной основе. Капитан Бофор считал, что современный город расположен на месте Ольвии.^[72] С другой стороны, Лик считал

Адалию представительницей Атталии и что Ольвия, вероятно, находится в какой-то части равнины, которая простирается на семь миль от современной Адалии до подножия горы Солима. Атталия получила свое название от Аттала Филадельфа. Оттуда святой Павел и святой Варнава по возвращении отплыли в сирийскую Антиохию (Деяния xiv. 25). В более поздние времена это была резиденция епископства. Сейчас это главный южный турецкий порт Малой Азии, в котором сохранилось много древних руин. Лик отмечает “стены и другие укрепления, великолепные ворота или триумфальную арку с надписью в честь Адриана, акведук и многочисленные фрагменты скульптуры и архитектуры”. Феллоуз добавляет: “Адалию, которую турки называют *Аталией*, я предпочитаю любому турецкому городу, который я когда—либо посещал; у каждого дома есть свой сад, и, следовательно, город имеет вид леса, и какого?—апельсин, лимон, инжир, виноградная лоза, шелковица - все это выращено с искусственным уходом в городском саду и сейчас (3 апреля) в свежей весенней красоте”. Именно из Атталии или из ее окрестностей Марк “повернул назад”^[73] (Деяния xiii. 13).

71. Полковник Лик отмечает, что после сильных дождей река обильно разливается со скал недалеко от выступающей части побережья, немного к западу от Лаары.

72. “Восхитительное расположение этого места, - говорит он, - по-видимому, ясно обозначено в древнем названии Ольвия, происходящем от прилагательного ὀλβιος, благословенный или счастливый” (Карамания, стр. 137).

73. Мистер Дэвис замечает большие ворота, внутри его “потолком” в виде маленьких квадратов из прекрасного белого мрамора и подшипник загадочная надпись, τὸ ἔργον τῆς πύλης τῆς πλάκωσεως—Плákωσις не встречается в классической греческой литературе; но πλάξ представляет собой плоскую поверхность, и πλάκω является крышка с такими штуками. Следовательно, πλάκωτης μαρμάρου - это тот, кто облицовывается мрамором. В начале их путешествия Атталия не упоминается по имени, а только Перга (Деяния xiii. 13).

Почти на северо-востоке Атталии находился Перге, знаменитый в былые времена храмом Артемиды Пергеи и поклонением ей.^[74] Дата основания города неизвестна, но он просуществовал как церковный центр до конца византийских времен. Александр в своем походе на восток занял Перге, встретив, как и следовало ожидать, большие трудности в своем продвижении через соседние горы; святой Павел также и святой Варнава были здесь дважды: во-первых, по пути с Кипра; и, во-вторых, по возвращении в Сирию. Руины, замеченные генералом Келером в местечке под названием *Эски Калеси*, вероятно, принадлежали этому месту. Театр и стадион по-прежнему в полном порядке. На этих стенах и других зданиях постоянно вырезан греческий щит, напоминающий зрителю отрывок из книги Пророка Иезекииля, хvii. 11: “Они повесили свои щиты на стенах твоих со всех сторон”.

74. Перге упоминается в Гимне Каллимаха Диане, ст. 187:

Νήσων μὲν Δολίχη, πολίωνδὲ τοι εὐάδε Πέργη;

и у Дионисия Периегета, ст. 854:

Ἄλλαι δ' ἐξείης Παμφυλίδες εἰσὶ πόλεις

Κώρυκος, Πέργη τε, καὶ ἡνεμόεσσα Φάσηλις.

Двигаясь вдоль побережья на восток, мы подходим к Эвримедонту, физически небольшому ручью, но прославленному в истории двойным поражением персов в один и тот же день Кимоном. Персидские корабли были выстроены в устье реки, но при первой же атаке команды бежали на берег. Затем Кимон высадил своих людей, и после ожесточенной борьбы лагерь и обоз были взяты (Фукид. i. 100; Plut. Vit. Кимон.). Несколько лет спустя родосский флот бросил якорь у ее устья, прежде чем атаковать флот Антиоха, которым тогда командовал Ганнибал (Ливий, xxxvii.). Вход в этот ручей сейчас полностью перекрыт заграждением.^[75]

75. Доктор Арнольд показал, что на счете в Thucyd. я. 100 фраза διέφθειραν τὰς ἐς πάσας τὰς διακοσίας означает, что количество кораблей уничтожены афинянами был, в 200, не то что там были не более, как некоторые писатели полагали.

На Эвримедоне располагался старый аргивский город Аспенд, на некоторых монетах которого варварски написано: ΕΣΤΦΕΔΝΥΣ. Фукидид говорит о нем как о морском порту; но он, вероятно, имеет в виду, что это была лодочная станция в устье реки. Аспенд замечен Аррианом и был местом, где туземцы убили Фрасибула в его палатке; он также упоминается в кампании Манлия (Liv. xxxviii.; Polyb. xxii.).^[76] Мистер Пуллан дает прекрасный рисунок своего театра, который, безусловно, является самым совершенным в Малой Азии. Следует кратко отметить еще одно место, пользующееся значительной репутацией в Памфилии, а именно: Сиде, колония кумейцев в Эолиде, примечательная тем, что вскоре после прибытия туда они забыли свой родной греческий язык и говорили на варварском жаргоне. Именно у этого города разыгралось сражение, когда флот Антиоха под командованием Ганнибала был наголову разбит родосцами. Когда, несколько позже, пираты Киликии стали настолько грозными, Сиде стал одной из их главных гаваней и одним из рынков, где они сбывали свою нечестным путем добытую добычу. Сиде был во времена римской империи столицей *Примы Памфилии* все еще существовал, когда писал Иерокл. Капитан . Бофорт нашел его совершенно заброшенным; но его остатки, по-видимому, очень поразительны, особенно его внешние стены и театр, внешний диаметр которого составляет не менее 409 футов, а высота перпендикуляра от площади составляет 79 футов. Бофорт говорит, что здание из белого мрамора, и в нем могли бы с комфортом разместиться 13 370 человек; оно, добавляет он, “в очень идеальном состоянии; несколько сидений были сдвинуты, даже лестница, в целом, сносная”. Тот же наблюдатель предположил, что в какой-то более поздний период это огромное сооружение было преобразовано в крепость, поскольку стены с башнями и воротами, но более низкой работы, теперь простираются до берега моря.

76. От Диониса. Perieg. 852, похоже, что Венере там поклонялись своеобразно -vvθα σουοκτονίησι Διωναίην ἰ λάονται.

Наши знания о древней географии *Писидии* в основном почерпнуты из сообщения Арриана о походе Александра, из отчета Ливия об экспедиции К. Манлия Вульсо и из подробностей у Полибия о военных действиях, которые вел Гарсиерис, полководец Ахея, против жителей Термесса, одного из его главных городов. В то время, когда Манлий приближался к этому городу, термессийцы находились в открытой войне с жителями Исионды или Исинды и, захватив этот город, осаждали цитадель. Римский полководец не пожалел о том, что у него появился такой веский предлог для вмешательства; отсюда его поход на Исинду, освобождение этого города и наложение штрафа на термессийцев в пятьдесят талантов. Взглянув на карту, можно предположить, что он, должно быть, пришел через ущелья Мильяс, недалеко от места,

которое сейчас называется Аль-Малу. Предполагаемые руины Исинды были замечены М. Корансесом как простирающиеся почти на квадратную лигу и примечательные своей массивной структурой.

Сам Термесс, очевидно, находился у входа в ущелья, по которым Писидия сообщается с Памфилией и Ликией. Арриан говорит, что “жители Термесса занимают местность, очень высокую и обрывистую со всех сторон, дорога, проходящая близко к городу, очень трудна, так как гора спускается от города к дороге. Напротив этой горы есть другая, не менее крутая, и они образуют как бы ворота на дороге” и т. Д. Это заявление полностью подтверждается наблюдением генерала Келера (ар. Лик, Малая Азия, стр. 133-135): “Два больших хребта на западе и севере равнин Адалии, “ говорит он, - теперь приближаются друг к другу и, наконец, разделены только перевалами, через которые протекает река. Дорога, однако, выходит из этого ущелья направо и поднимается на гору по мощеной и извилистой дамбе, произведению большого труда и изобретательности”.^[77] Александр Македонский, похоже, отчаялся взять город; или, возможно, подумал, что осада задержит его слишком надолго; однако он форсировал ущелья, пройдя на север к Кормасе, Кремне и Сагалассу, курс, вероятно, которого впоследствии придерживался Манлий.^[78] Кремна, где благодаря своей огромной природной мощи римляне разместили колонию (Strab. xii. 569), была тщательно исследована мистером Дэвисом (“Анатолика”, стр. 182), который также приводит план, показывающий строительство этой замечательной крепости. Его описание выглядит следующим образом:^[79] “Это (Кремна) известняковое плато, которое с трех сторон ограничено пропастями, некоторые из которых чрезвычайно глубокие и обрывистые”.

77. Существует некоторая путаница между двумя Термессами, один из которых, по-видимому, находится слева от дороги, проходящей на запад и северо-запад от Адалии. Мы думаем, что это был *Termessus Minor* — Алмалу мистера Дэвиса. Более важное место, *Термесс Майор* (на его монетах $\mu\epsilon\iota\zeta\omega\nu$), находилось в начале описанного перевала. Эти взгляды подтверждаются Юстатом. и Дион. Периег. v. 858, Стефан. Византий., и Иерокл. В более поздний период Термесский престол объединил с собой церкви двух других мест — Ювии и Евдокии.

78. Кремер и некоторые другие географы относят Кремну к северной, а также восточной части Сагаласса, где ее не могло быть.

79. Описание в Arundell, vol. ii., стр. 59 и др., показывает, что он исследовал те же руины за сорок лет до мистера Дэвиса, полагая, что это руины Сельге, хотя на своей табличке он добавляет слова “Акрополь Джерме-Кремна”. Полковник Лик также предположил, что “Germe”, возможно, было искажением “Cremna”. Поразмыслил ли мистер Аранделл над надписью, которую он сам скопировал там... ΛΗΝ ... ΝΑΤΩΝ, он мог бы заметить, что последнее слово, естественно, можно было бы поставить как ΚΡΗΜΝΑΤΩΝ — “из народа Кремны”. Зосим говорит, что извилистая тропинка, ведущая к крепости, была названа местными жителями *Улиткой*.

“Начиная с этого места, ” добавляет он, “ местность в целом быстро наклонялась к долине Кеструса, которая, должно быть, находилась по меньшей мере в 5000 футах под нами.... Большинство зданий города располагалось к северо-западу от точки нашего подъема. На северо-востоке и Северо-западе было обширное открытое пространство, возделанное, но с большим количеством дубов и подлеска, разбросанных по нему” Зосима (425 г. н.э.) рассказывает историю блокады Кремны римской армией. Оно было занято Лидием, исаврийским вольноотпущенником, и, поскольку у него не хватало провизии, он приказал

засеять часть плато кукурузой. Большие двойные ворота - единственное сохранившееся сооружение, и, поскольку все колонны упали точно в одном направлении, мистер Дэвис обоснованно предполагает, что они были опрокинуты единым толчком землетрясения. Можно проследить несколько хорошо вымощенных улиц, одна шириной 18 футов, с гробницами и коридорами, идущими вдоль каждой стороны. Любопытно, что место, столь примечательное в физическом плане, почти не упоминается древними авторами. Таким образом, он не замечен в кампании Александра, который, должно быть, проходил под ним, но он был взят современником Страбона, галатийцем Аминтой (xii. 569),^[80] и еще позже, как мы уже указывали, был римской колонией с названием “Colonia Julia Augusta Cremna”. Его название, очевидно, происходит от κρημνός, нависающего над пропастью.^[81] Кремна была христианским епископством, но зарегистрирован только один из ее епископов, Теодорус.

80. Αμύντας ... πολλὰ χωρία ἐξεῖλεν, ἀπόρθητα πρότερον ὄντα, ὧν καὶ Κρήμνα (Strab. xii. 569).

81. Описание Зосимы точно соответствует действительности: —Κρήμναν ... ἐν ἀποκρήμνωτι κεκμῆνην καὶ κατὰ μέρος χαράδραις βαθυτάταις ὑχουμένην (i. c. 69).

Сагаласс был взят Александром после серьезного конфликта, в результате которого, как говорит Арриан, вся остальная Писидия покорила его оружию (i. 28). С другой стороны, Манлий удовлетворился опустошением прилегающей территории, тем самым вынудив сагалассианцев платить большую контрибуцию как деньгами, так и продуктами. И Арриан, и Ливий свидетельствуют о воинственном и независимом характере горцев этой части Малой Азии; в то время как Страбон добавляет, что он перешел к римлянам как один из городов Аминты, тетрарха Ликаонии. Сагаласс далее упоминается Плинием и Птолемеем, и в христианские времена он был епископством. Мистер Аранделл доказал, что некоторые великолепные руины, расположенные на большой высоте над равниной, принадлежат этому месту, поскольку он нашел там надпись, гласящую: ΣΑΓΑΛΑΣΣΕΩΝ ΠΟΛΙΣ ΤΗΣ ΠΙΣΙΔΙΑΣ “Город сагалассиан в Писидии”. Расположение старого города, как можно видеть на одной из гравюр из книги мистера Аранделла “Второе путешествие”, чрезвычайно живописно; и мы можем быть уверены, что Арриан прав, утверждая, что Александр столкнулся с жестким сопротивлением его жителей, прежде чем ворвался в город.

Существующие руины Сагаласса в основном римские, но есть одна очень старая стена многоугольной кладки. Одна из главных руин с портиком 300 футов в длину и 27 футов в ширину, вероятно, была христианской церковью: здесь также находится необычайно совершенный театр. Руины христианской церкви представляют собой здание огромных размеров, построенное из огромных мраморных блоков, с коринфскими колоннами диаметром в два фута. Большой крест глубоко врезан в один из блоков у главного входа. Мистер Гамильтон, который называет современную деревню Аллахсун, говорит, что “в Малой Азии нет другого разрушенного города, расположение и обширные руины которого были бы столь поразительными или интересными, или которые дают столь совершенное представление о великолепном сочетании храмов, дворцов, театров, спортивных залов, фонтанов и гробниц, которые украшали города древнего мира”.^[82]

82. Гамильтон добавляет—“на юг-высокий, утепленный, и конический холм, соглашаясь с описанием Арриан из Акрополя, λόφος πρὸ τῆς πόλεως—холме перед городом.”

Еще одно место в Писидии, которое мы еще не упомянули, - Сельге, древний один из ее главных городов, но, как ни странно, в настоящее время неопознанный или лишь весьма сомнительный. Первоначально колония из Лакедемона, Сельге на протяжении всей своей истории сохраняла характер своих основателей и, вероятно, благодаря лучшим законам и правительству, вскоре превзошла все соседние города по численности населения и мощи, Страбон полагал, что когда-то в нем проживало до 20 000 человек. Во многом его успех был обусловлен надежностью его положения высоко в горах и труднодоступностью. Таким образом, селгийцы сохранили свою личную свободу и, хотя не раз были вынуждены дорого и заслуженно расплачиваться за свою собственную агрессию, никогда не лишались своего города в результате фактического завоевания. Естественно, они постоянно конфликтовали со своими соседями, особенно с Телмессусом и Педнелиссусом.^[83] Однако у них хватило ума примирить Александра, когда он проезжал через их страну. В войне с Педнелиссом, по-видимому, с помощью самого могущественного в то время вождя соседней страны, Ахей вынудил селгийцев просить мира, выплатить 400 талантов, вернуть захваченных ими пленных и дать еще 300 талантов. Тем не менее, при фактической атаке на город он был отбит с большими потерями (Polyb. v. 72-77). Монеты Сельге доказывают его существование до позднего времени. Можно было бы подумать, что такое место оставило после себя останки, достаточные для его идентификации; однако все, что мы можем с уверенностью сказать о нем, это то, что оно не могло находиться далеко к востоку или юго-востоку от Сагалассуса. Исходя из Зосима, мы могли бы натолкнуть нас на мысль искать его между Цестием и Эвримедонтом, поскольку Трибигильд, пересекши последний, оказался зажатым между ним и Мелой: и, возможно, Феллоуз действительно обнаружил это. "На этом мысе, - говорит он, - стоял один из прекраснейших городов, которые, вероятно, когда-либо существовали, сейчас представляющий собой великолепные обломки величия. Я проехал по меньшей мере три мили по части города, которая представляла собой одно нагромождение храмов, театров и зданий, превосходящих друг друга в великолепии.... Материал руин, как и руин близ Алайсоона (Сагалассус), сильно пострадал от воздействия стихии ... но масштаб, простое величие и красота стиля указывали на то, что он был раннегреческим. На скульптурных карнизах часто изображены группы сражающихся фигур в шлемах и бронежилетах, со щитами и длинными копьями". К сожалению, Феллоуз не нашел ни одной разборчивой надписи, но останки, весьма вероятно, являются тем, о чем Бофорт слышал в Алае; а именно: "обширные остатки древнегреческого города со множеством храмов, примерно в пятнадцати часах езды (скажем, 35 милях) к северу".^[84] Наконец, мы должны рассказать о Писидийской, или, точнее, фригийской, Антиохии, городе, представляющем наибольший интерес для христианского читателя, в связи с его связью с ранними трудами святого Павла. Примечательно, что 50 лет назад его местонахождение не было известно, хотя тщательно изученные древние упоминания о нем, кажется, довольно ясно указывают, где его следовало найти. Мало что известно об этой Антиохии в ранние времена, но традиционно это была колония Магнезии на Меандре. Впоследствии, как почти все города Восточной и Центральной Малой Азии, он попал под власть Селевкидов, а после их свержения был передан римлянами Эвмену Пергамскому в качестве одной из наград за его верный союз. Впоследствии это было, на некоторое время, приАминте Ликаоняnine. В ранний период существования империи Антиохия была известна как Кесария, а несколько позже, согласно Ульпиану, ее граждане пользовались итальянским правом, то есть теми же привилегиями, что и коренные римляне. Во время визита святого Павла это был центр большой коммерческой деятельности. Согласно Страбону, Антиохия находилась на южной стороне горной границы Фригии и Писидии (стр. 577), Филомелия, фригийский город, находился точно к северу, причем последний стоял на

ровном месте, в то время как Антиохия стояла на небольшом возвышении.^[85] Это было зарезервировано для мистера Аранделла, чтобы показать, почти наверняка, его настоящий сайт,^[86] и его описание чрезвычайно интересно. Почти первым его открытием было “длинное и необъятное здание, построенное из огромных камней и стоящее на юго-западе”. Это была церковь, не исключено, построенная на месте синагоги, где проповедовал святой Павел. “Остатки акведука, - добавляет он, - из которых двадцать одна арка совершенна, являются самыми великолепными, которые я когда-либо видел, камни без цемента, тех же массивных размеров, что и стена”.

83. Здесь следует отметить, что находка золотых или серебряных монет в месте не сама по себе является достаточным доказательством в пользу его названия, хотя такое открытие является предположением в его пользу. Однако там, где найдено большое количество мелких *медных* монет, предположение становится очень убедительным. Очевидно, что золотые и серебряные монеты могут легко переходить из одного места в другое просто как предметы торговли.

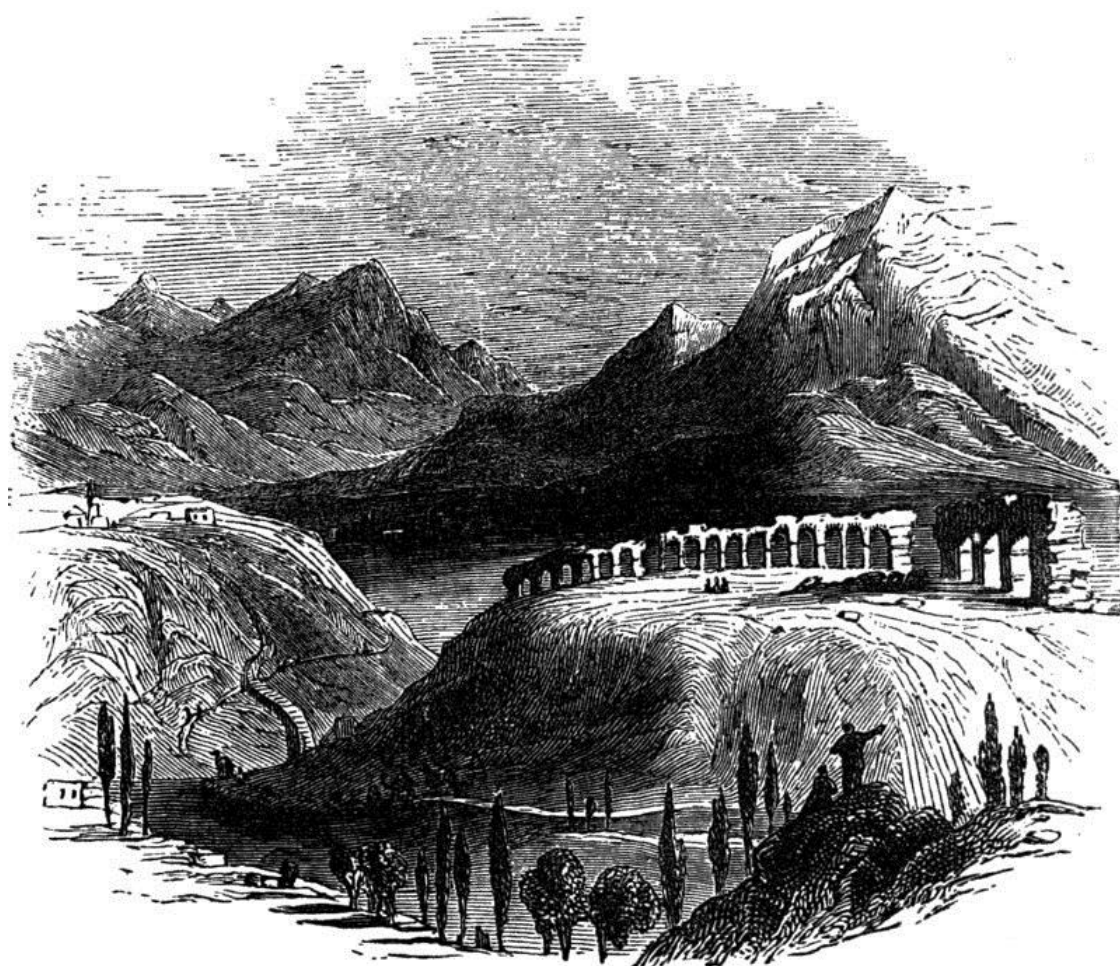
84. В окрестностях Сельге производились и производятся два полезных растительных вещества; первое - бальзам из стиракса или сторакса (восточная жидкая амбра), сок умбрильного дерева, подобного платану. Кринос (περί στίρακος, Афины, 1862—) показывает, что он был правильно описан Аэцием и Павлом Эгинетой в VI и VII веках. Это замечено также в Путешествиях русского тверского настоятеля в 1113-5 годах нашей эры. Автор “Перипла” утверждает, что в его время сторакс отправился, как и сейчас, через Красное море в Индию. В Индии его называют розой Малло (Rosa Mallas, Rosum Alloes, Rosmal), возможно, от малайского Rasamala. Эту камедь сейчас добывают туркоманы юрук, и она до сих пор используется в церквях и мечетях Южной Азии для благовоний. Одной из форм этого вещества является *Resina Benzoe*—*Камедь Бенджамина*, или *бензоин* (“Путешествия Ибн Батуты”, 1325-49 гг. н.э. — он говорит, что оно родом с Явы и называется Яванским ладаном или камфарой). Популярное название является искажением *Любан-Хави* в *Бан-джави* и т.д. Кроуферд считает, что это старый Малабатрум. Васко да Гама утверждает, что это продукт Ксарнуса (Сиам).

Другое вещество - *Rhizoma Iridis* (в народе корень ириса), издревле использовавшееся для придания сладкого запаха мазям (см. Теофраста, Diosкорида и Плиния). Древним гербом Флоренции была белая лилия или ирис на красном щите. Корень ириса использовался в качестве духов в Англии в 1480 году (Гардеробные счета Эдуарда IV) и, по словам Джерарда, выращивался здесь. В Тоскане его до сих пор выращивают под названием *Джаджоло*.

85. Все географы, даже полковник Лик, похоже, сбились здесь с пути в своей интерпретации Страбона. Таким образом, д'Анвиль поместил Антиохию в Ак-Шехре (12 или 13 миль к Северо-западу, на месте настоящего Филомелия), и, по-видимому, таково было мнение латинских историков крестовых походов и даже Анны Комнины. В таблицах Пейтингера отмечена великая дорога из Иконии в Сиде с ответвлением в Антиохию. Это хорошо объясняется, если нынешний *Ялобач* представляет Антиохию.

86. Мы не дискредитируем открытие мистера Аранделла, если скажем, что в самом тексте о его путешествиях он скорее предполагает высокую вероятность, чем доказывает свое открытие. Он не нашел никакой надписи с названием города. Однако его аргумент является убедительным

выводом о том, что ни в каком другом месте по соседству, кроме Антиохии, не могло быть таких обширных останков.

АНТИОХИЯ ПИСИДИЙСКАЯ.

Немного дальше он наткнулся на несомненные остатки Храма Вакха с тирсом, или вакхической эмблемой, и надписью, гласящей, что некто Кальпурний был “Пожизненным верховным жрецом славнейшего бога Вакха”. Другое здание, по мнению мистера Аранделла, судя по количеству рифленых колонн, должно было быть портиком, “или Храмом Лунуса, или Мена Аркея, поклонение которому было установлено в Антиохии”.^[87] Ле Кьен в своем “Христианском востоке” перечислил двадцать шесть епископов Антиохии. Один из них, Мефодий, и шесть других митрополитов подписали протест Восточной Церкви против ошибок Кальвина. Впоследствии Гамильтон нашел в Антиохии надпись с надписью ANTIOCHEAE CAESARE, которая доказывает истинность выводов Аранделла (i. стр. 474).

87. Страбон говорит о поклонении этому божеству (ἰερόσυνη τις μὴνὸς Ἀρκαίου) в Антиохии в древности. Похоже, что он был упразднен на некоторое время, но был возрожден во времена римской Империи, поскольку существуют монеты с изображением бога Лунуса, опирающегося на колонну, и легендой COL. MEN. АНТИОХИЯ, или МЕНСИС. COL. CAES. АНТИОХИ.; и существуют надписи с именем Л. Флавия Павла, которого называют CVRATORI ARCÆ SANCTVARII. Страбон, уроженец Амасии, утверждает, что в Кабире поклонялись богу по имени

Мен Фарнак. Из монет мы далее узнаем, что река в Антиохии называлась Антихос или Антос, с надписью ANTIOCH. COL. и изображением лежащей женщины.

В Киликии было всего несколько важных городов, и они располагались главным образом на побережье или недалеко от суши. Действительно, когда мы упомянули Тарс, Соли, Маллус и Мопсуэстию, мы обратили внимание на главные места в этой провинции. Из них только ГИПЕРССЫЛКА на Tarsus требует какого-либо удлиненного описания. О ранней истории этого города известно мало, но традиция, иллюстрируемая одной из его монет, утверждала, что здесь был похоронен Сарданапал.^[89] Однако его положение привело к тому, что он стал столицей Киликии, и это положение он сохранял долгое время. Тарс стоял на богатой и плодородной равнине по обе стороны реки Кидн. Исторически сложилось так, что впервые он был замечен Ксенофонтom как в свое время великий и богатый город, находившийся под властью персидского сатрапа по имени Сиеннесис, неразумного союзника Кира Младшего. Он оставался под властью персов до времен Александра Македонского, который чуть не лишился жизни, неосторожно искупавшись в слишком жарких водах Кидна (Curt. iii. 5; Арриан, ii. 4). В более поздние времена это было, как правило, при Селевкидах, хотя и на короткий период, подчинялось второму и третьему Птолемаем.

88. Мы не видим никаких оснований предполагать, что Тарсус - это библейский “Фарсис”. Он не экспортировал те продукты, которые были доверены “кораблям Фарсиса”, хотя упоминания об этом в Библии (Быт. х. 4; 1 Паралипоменон. i. 7; Псалом lxxiv.; Исаия lxxvi. 19) подразумевают город или территорию на дальнем западе, откуда, насколько нам известно, в то время можно было получить только некоторые из этих продуктов (например, олово). Поэтому мы находим финикийцев, плывущих туда на “длинных кораблях” (Иез. xxvii. 12, xxviii. 13; Иерем. х. 9); в то время как римские писатели, такие как Овидий (Met. xiv. 416), Силий Италик (iii. 399) и Клавдиан (Epist. iii. v. 14), очевидно, используют название Тартесс как синоним слова “Запад”. В целом, наиболее вероятно, что Тартесс в Испании (рассматриваемый скорее как район, чем как город) представляет библейский Фарсис, и что “корабли Фарсиша” - это термин, эквивалентный “Индии”.

89. Прекрасный образец этой монеты (с изображением Антиоха VIII, короля Сирии) находился в кабинете покойного генерала К. Р. Фокса. Он был найден в 1848 году в свинцовом ящике между Аданой и Тарсусом, примерно в двадцати футах под поверхностью земли. Он был выгравирован мистером Во в его книге “Ниневия и Персеполь”, 4-е изд. 1856, стр. 62. Поскольку его тип — так называемая гробница Сарданапала — встречается и на других монетах Тарса, начиная со времен Гордиана, несомненно, что этот миф долгое время удерживался в общественном сознании. История о зрелище Клеопатры (Plut. Vit. Antonii) показывает, что Кидн, должно быть, в те дни был судоходен вплоть до Тарса, примерно в восьми или девяти милях от моря.

Поддерживая дело цезаря, сам великий Юлий посетил Тарс, когда тарсийцы изменили название своего города на Юлиополь. Август провозгласил это “гражданской свободой”. Следовательно, святой Павел, ее самый прославленный сын, говорил правду, когда сказал, что это был “неплохой город”, и с такой же правдивостью и справедливостью утверждал, что он был “свободнорожденным”, в то время как его судья получил это право только “дорогой ценой”. Дело в том, что его положение на непосредственных границах Сирии и Месопотамии имело первостепенное значение для римлян в их конфликте с парфянами и персами. Он все еще

сохраняет свое старое название, слегка измененное на Тарсус, и по-прежнему является главным городом этой части Карамании.

Тарсус^[90] в древности был знаменит замечательным классом монет, известных как сатрапские деньги. Среди них монеты Тирибаза, Фарнабаза, Сиеннеса и других правителей, датированные между 410 и 370 годами до н.э. Описание монеты Фарнабаза покажет их общий характер. На лицевой стороне этой серебряной монеты изображена голова с бородой и шлемом, возможно, мифологический тип Беллерофонта или Персея, любой из которых соответствовал бы греко-азиатскому населению Киликии, и имя Фарнабаз, написанное финикийскими буквами. На реверсе изображен сидящий Юпитер из Тарса с легендой, *Баал-Тарз*, очевидно, *Зевс Терсиос* греков, записанный на другой монете как ΔΙΟΣ ΤΑΡΣΕΩΝ, “Юпитер тарсийцев”. Герцог де Люин приписывал эту монету знаменитому Фарнабазу (413-374 гг. до н.э.), который, будучи первоначально сатрапом Северо-западного региона Малой Азии, запомнился упорным сопротивлением, которое он оказывал грекам, в то время как правитель Лидии Тиссаферн, с другой стороны, принимал лакедемонянское золото. Если это так, то эта монета, должно быть, была отчеканена, когда Фарнабаз передал (397, 8 гг. до н.э.) командование персидским флотом афинянину Конону, поскольку Тарс был тогда центром операций против Кипра. Другая чрезвычайно редкая монета Фарнабаза с его именем на греческом языке была отчеканена в Лампсаке в Мизии, возможно, для оплаты греческих наемников Артаксеркса.

90. Страбон отмечал прилежание тарсийцев к учебе; ни один другой город, даже Афины и Александрия, не превосходил его по количеству и характеру своих школ. Более того, он добавляет, что образованные люди редко оставались в городе, но, подобно святому Павлу, мигрировали в другие места для завершения своих исследований.

Города вдоль побережья Киликии были очень тщательно изучены капитаном Бофортом, который идентифицировал многие из них. Первым из них, переходящим с Западной на восточную, был Корацесий, место, исторически интересное тем, что его долгое время удерживал Диодот Трифон, который, восстав против Антиоха, подал первый пример активного неповиновения Селевкидам; Корацесий был также последним местом, где пираты оказали объединенное сопротивление силам Помпея.^[91] Вся история этих флибустьеров очень интересна. Ясно, что их успехи были в основном обусловлены двумя причинами; во-первых, особой приспособленностью их портов вдоль морского побережья Киликии к длительному сопротивлению, с высоким хребтом Тавр, к которому можно было отступить в случае чрезмерного давления; и, во-вторых, междоусобными разборками царей Кипра, Египта и Сирии с самими собой и с римлянами, из-за которых каждая сторона время от времени была заинтересована в том, чтобы закрывать глаза на свои худшие деяния. Священный остров Делос был их главным перевалочным пунктом на западе; растущая роскошь римлян в то же время поощряла торговлю рабами.

91. *Анчиале*, который полковник Лик считал фортом Тарса, как и этот город, провозгласил Сарданапала своим основателем. Легенда гласила, что Сарданапал, сын Анакиндаракса, за один день воздвиг города Анхиале и Тарс. В наши дни никто не признает подлинными стихи Страбона, относящиеся к этому Сарданапалу и его деяниям, а Аристотель говорит, что содержащиеся в них чувства больше подходят для могилы быка, чем для гробницы царя (Cic. Tusc. Диспут. v. 35). Один из ранних авторов, Аминтас, записывает то, что, как показали

недавние исследования, вероятно, соответствует истине, а именно: что Сарданапал был похоронен в Ниневии.

Мыс Алайя, отождествляемый капитаном Бофортом с Корацесием, по его словам, резко поднимается “с низкого песчаного перешейка, который отделен от гор широкой равниной; две его стороны представляют собой утесы огромной высоты и абсолютно перпендикулярны, более того, восточная сторона, на которой расположен город, настолько крута, что дома, кажется, опираются друг на друга”. Другими местами вдоль этого побережья к востоку являются Лаэрт (место рождения Диогена Лаэртия), ἑπὶ λόφου μαστοειδοῦς, “на холме, по форме напоминающем женскую грудь”, и Селин, река и город (ныне Селинти), первый из которых упоминается Страбоном, а второй Ливием. Своим более поздним названием Траянополис он был обязан внезапной смерти там императора Траяна (117 г. н.э.), но в более поздний период старое название было возрождено в связи с епископальной церковью (Иерокл). Бофор говорит о его великолепных скалах— “На самой высокой точке из них, - говорит он, - находятся руины замка, который господствует над холмом во всех направлениях и смотрит перпендикулярно вниз, на море”. Он замечает также несколько других крупных сооружений, и среди них мавзолеев (возможно, Траяна), агору, театр и акведук. Предполагаемый мавзолей длиной 70 футов и шириной 50 футов построен из больших хорошо обтесанных каменных блоков и содержит только одно хранилище. С этого мыса хорошо виден Кипр, расположенный на расстоянии шестидесяти пяти миль.

Следующим важным морским портом был Анемуриум (ныне *Анамур*), по соседству с которым Бофор обнаружил настоящий город гробниц. “Эти гробницы, ” говорит он, - представляют собой небольшие здания, стоящие отдельно друг от друга и в основном одинакового размера, хотя и различающиеся по своим пропорциям; крыши имеют арочную форму, а внешняя сторона стен покрыта штукатуркой и мелкими частицами обожженного красного кирпича. Каждая гробница состоит из двух камер: внутренняя разделена на камеры или вместилища для тел, а внешнее помещение снабжено небольшими нишами и полками, как будто для хранения погребальных подношений или урн с прахом. Замок сильно напоминает некоторые из древних замков Великобритании. Его крепость расположена на небольшом скалистом возвышении и выходит на два открытых двора.... Крайние размеры - примерно 800 на 300 футов”.

Челендерис (ныне *Челиндре*) был отмечен в древней истории как место, которое пытался занять Пизон, враг Германика (Tacit. An. xi. 80), а также фигурирует в Церковных летописях как один из епископальных городов Исаурии. Как ближайший пункт сообщения с Кипром, он по-прежнему населен небольшой численностью населения. Здесь сохранились некоторые остатки крепости, которую Тацит описывает как очень мощную; в то время как на этом месте можно увидеть множество арочных сводов, гробниц и саркофагов. Присутствие крестоносцев на всем протяжении этой части побережья Киликии ясно прослеживается в названиях существующих мест, как, например, на *Кавальере* и *острове Провансаль*; действительно, Вертот записывает, что во время поселения христианских рыцарей на Родосе они завладели несколькими островами и замками вдоль берегов Малой Азии. Другое место, расположенное примерно в восьми или девяти милях вглубь страны, Селефке, древняя Селевкия и Каликаднум, также особо отмечено Де Жоуна в его “Истории Армении”, как подаренное королем Армении рыцарям Родоса за их заслуги. Этот город, обязанный своим реальным или предполагаемым происхождением Селевку Никатору, был знаменит своими литературными и философскими школами: там родились Афиней и Ксенарх, два хорошо известных перипатетика. Селевкия все

еще существовала во времена Аммиана, и церковные историки, Сократ и Созомен, говорят о том, что здесь проводились Соборы.

Бофорт сообщает о существовании в Селефке множества руин на западном берегу реки и, особенно, огромного резервуара, облицованного твердым цементом (*“opus Signinum”* или *“Coccio pesto”* римских акведуков). Это сооружение имеет 150 футов в длину, 75 футов в ширину и 35 футов в глубину и, следовательно, могло вместить почти 10 000 тонн воды. Чуть дальше находится место под названием *Коргхоз*, возможно, древний Корик, и место расположения пещеры Корисиан, в мифологии легендарной обители великана Тифона;^[92] но, более вероятно, кратер потухшего вулкана. Страбон говорит, что это была глубокая и широкая круглая долина, нижняя часть которой была неровной, но покрытой кустарниками и вечнозелеными растениями, и особенно шафраном, который здесь рос в изобилии. Из внутренней полости вытекал обильный поток, который, на некоторое время исчезнув, после короткого течения вновь появлялся у моря, в которое впадал. Это называлось “горькая вода”. Бофорт обнаружил два места, носящие название Коргхо Калалер (замки), по соседству с которыми было много признаков прежнего существования города значительных размеров: “Мол из огромных необработанных скал выступает под одним углом от крепости примерно в 100 ярдах через залив, заканчивающийся прочным зданием площадью двадцать квадратных футов”.^[93] Может ли это быть остатками крепости? древний *фарос* или маяк? Мы должны добавить, что места, описанные до сих пор, принадлежат к тому, что обычно называлось Киликия Трахея; те, которые мы сейчас заметим, принадлежат, с другой стороны, равнинной местности.

92. Пинд. Пит. i. 31, так говорит о нем и о его доме:—

Τυφὺς ἑκατὸν κάρανος· τὸν ποτὲ

Κιλίκιον θρέψεν πολυώνυμον

ἄντρον.

Его также зовут Пит. viii. 26,

Τυφὺς Κίλιξ ἑκατόγκρανος.

Эсхил также дает ему тот же эпитет “стоглавый”. —Пром. Победа. 350.

93. Помпоний Мела (i. 13) дает еще более полное описание этой знаменитой пещеры, вероятно, от того же автора, Каллисфена.

Из них мы возьмем сначала Соли, колонию (по словам Страбона) из Линда, отношения, о которых солийцы не забыли во время последующих переговоров с римлянами. Соли впервые упоминается в “Анабасисе” Ксенофонта и, должно быть, в последующие семьдесят лет быстро увеличивался, поскольку Александр Македонский оштрафовал народ на 200 талантов за его привязанность к персидской империи. После того, как город был разрушен Тиграном, Помпей разместил там нескольких киликийских пиратов, которых он пощадил; в то же время изменив название города на Помпейополь. Таким образом, большинство существующих останков принадлежат римлянам. “Первый объект, ” говорит Бофорт, - который представился при высадке, был красивой гаванью или бассейном с параллельными сторонами и круглыми концами; он полностью искусственный, образованный окружающими его молами или стенами пятидесяти футов в толщину и семи футов в высоту.... Напротив входа в гавань портик

возвышается над окружающей набережной и открывается к двойному ряду из двухсот колонн, который, пересекая город, сообщается с главными воротами, ведущими в сельскую местность; а снаружи от этих ворот мощеная дорога продолжается по той же линии к мосту через небольшую реку.... Даже в его нынешнем состоянии крушения впечатление от всего этого настолько впечатляющее, что самый неграмотный моряк на корабле не мог бы смотреть на это без волнения”. Фактическое исполнение этих колонн, однако, оставляет желать лучшего; и из первоначальных двухсот сейчас сохранились только сорок четыре.^[94] Соли был местом рождения Хрисиппа, Филимона и Арата.

94. Было сказано, что термин *σολοικισμός*—*solæcismus*—*солецизм* — означающий неграмматическую речь - произошел от народа Соли; но это обвинение не является достоверным (ср. Strab. xiv. 671; Eustath. ад Дион. Perieg. v. 875; Suidas in voce *Σόλοι*). На Кипре был еще один Соли, жителей которого обычно называли Солии (*Σόλιοι*), чтобы отличать их от жителей материка, которых называли *σολεῖς*. Оба, вероятно, говорили по-гречески, но безразлично.

Адана, на которую впервые обратил внимание в "Митридатовой войне" Аппиан, а впоследствии Плиний, Птолемей, Дион Кассий, Прокопий и византийские историки, такие как Тарс, приняли имя Адриана. Это все еще место некоторого размера и столица одноименного пашалыка.

Недалеко от устья реки *Пирам* (ныне *Гухун*) и выше по течению находятся три города, которые можно объединить. Первый - Маллус, совсем рядом с морем, на левом берегу реки, через которую Александр перекинул мост, в Маллотиде, названии Страбоном прилегающего района; или Мегарсус (возможно, более раннее название Маллуса), описанный у Ликофона как стоящий на "изъеденном морем холме" — выражение, которое, по словам Бофорта, точно применимо к месту, ныне называемому *Карадаш*.^[95] Маллус сохранил свое название, слегка измененное на Мало, до средневековых времен (санат. Секрет. Fid. li. стр. iv. с. 26): 2. наконец, над Маллусом, Мопсуестия, творение некоего мифического героя по имени Мопсус. Согласно Плинию, этот город был "свободным" городом, и Прокопий утверждает, что Юстиниан отремонтировал мост через него (Idif. v. 5). В византийский период название было изменено на *Менсис*. Еще выше по той же реке находилась Аназарба (иногда называемая *Кесарией Аназарбум*), столица в пятом веке Восточной Киликии, поскольку Тарс был столицей Западной — (Иерокл). Он был почти разрушен землетрясениями во времена правления Юстина и Юстиниана (Procop. Hist. Arcana, с. 18; Cedren., р. 299). Там родились Диоскорид и Оппиан. Последнее место в Киликии, на которое мы обратим внимание, - это Иссус, навсегда запомнившийся как место знаменитого конфликта между Александром и Дарием. Его современное название, Скандарон или Александретта, очевидно, происходит от Александрии. Город стоял у подножия главной цепи горы Аманус и на берегу залива, которому он дал свое название. Рано (как и следовало ожидать, учитывая его местоположение) это был значительный город, но во времена Страбона он перестал быть чем-то большим, чем небольшой порт. Цицерон в своей экспедиции против горцев по соседству пробыл там некоторое время (Послание к римлянам. Аттический период н.э., ст. 20). Знаменитое ущелье, ведущее из Киликии в Сирию, находилось к востоку от города.

95. Слова Ликофрона таковы:

Πυράμου πρὸς ἑκβολαῖς.

Αἰ πὺς δ' ἀλιβρὸς ὄχμος ἐν μεταίχμιῳ

μέγαρος.—(Κασσανδρ. στ. 439.)

По реке Пирам, согласно Скилаксу, можно было подняться на кораблях до Маллуса, но поэты утверждали, что ее ил со временем соединит Кипр с материком. Поэтические слова таковы:

Ἔσεται ἐσσομένοις ὅτε Πύραμος εὐρυοδίνης

Ἦὸνα προχέων ἰ ἐρῆν εἰς Κύπρον ἵ κεται.

Оспаривалось, действительно ли Мегарсус находился на реке, но легенда на его монетах — ΜΕΓΑΡΣΕΩΝ ΠΡΟΣ ΤΩ ΠΥΡΑΜΩ — снимает *этот* вопрос. Алейская равнина, лежавшая между Тарсом и Маллом, была традиционным местом катастрофы Беллерофонта (Ил. з. 200).

ГЛАВА IV.

Изавра—Икония—Листра—Дербя—Апамея Чиботус—Эзани—Синнада—Филомелия—Лаодикия Горящая—Иераполис—Лаодикия Ликумская—Колоссы—Анкира—Пессин—Тавиум—Назианз—Кесария Аргейская—Тиана—Комана—Трапезия—Амастрис—Синопа—Пруса Олимпийская—Никея—Никомедия—Острова Греции—Лесбос—Самос—Хиос—Родус—Господа. Билиотти и Зальцманн—Кипр — г—н Ланг-генерал Пальма ди Чезнола.

Теперь, когда мы рассказали о некоторых главных местах на западе и юге Малой Азии, мы думаем, будет удобно перейти к тем, которые расположены ближе к ее центру, в *Каппадокии*, *Фригии* и *Галатии*. Однако сначала мы должны обратить внимание на два небольших округа - *Ликаонию* и *Исаврию*, которые на самом деле представляют собой части, отрезанные от более крупных прилегающих провинций. Исаврия не задержит нас надолго, так как в ней мало что можно назвать греческим. Это был, как и всегда, дикий горный район с непокорным населением примерно до времен Константина; и даже после этого, если верить византийским авторам, целые армии константинопольских греков таяли как снег в борьбе с этими разбойничьими племенами. Древние авторы мало что знали об Исаврии, за исключением ее северной части, расположенной полностью на юге, со столицей Исавра, которая была для них практически *terra incognita*. Однако, как мародеры, исавры причиняли столько беспокойства своим соседям, что римский сенат направил против них значительные силы в 73 году до н.э. под командованием П. Сервилия, успех которого принес ему титул “Исаврик”. Однако это завоевание, если можно так выразиться, было лишь временным, и вскоре после этого Аминта из Ликаонии лишился жизни при попытке сокрушить одно из их племен. Позднее один из их вождей, Требеллиан, присвоил себе звание императора и чеканил монеты; исаврийцы также хвастались одним подлинным императором, Зеноном Исавриком, 474-491 гг. н.э.

О его главном городе, Исавре, у нас есть монеты времен Геты и Элагабала, носящие название ΜΝΤΡΟΠΟΛΕΩΣΣΑΥΡΩΝ. Г—н Гамильтон удовлетворительно определил его местоположение на

линии дороги между Иконией и Анемурием - определение, согласующееся с утверждением Плиния (ст. 27) о том, что провинция Исаврия простиралась до моря в этом направлении: он добавляет, что существующие крестьяне округа до сих пор помнят традицию их древних разбойничьих наклонностей. Хотя, учитывая, что претерпела эта страна за последние полторы тысячи лет, любая подобная традиция немногого стоит. Мистер Гамильтон обнаружил руины столицы на одном из самых высоких хребтов между Тавром и равнинами Конье (Икония) на высоте почти 5000 футов над уровнем моря, а дикая и недоступная местность вокруг, по его замечанию, “практически не представляет соблазна для алчности соседей”. Надпись, найденная на этом месте, полностью подтвердила его предыдущие предположения: она была на триумфальной арке в честь императора Адриана, а на земле рядом с ней находился мраморный шар, обычная эмблема императорской власти. “Впоследствии, - говорит он, - я нашел несколько других надписей в этой части города; из них № 432, расположенный недалеко отагоры, представляет большой интерес, поскольку намекает на несколько зданий, ранее возведенных по соседству”. Страбон заметил (xii. с. 569), что Аминта умер до того, как завершил городскую стену, и Гамильтон обнаружил, что это буквально соответствует действительности: все вокруг указывало на полностью перестроенный город, сама стена, ее восьмиугольные башни, храмы и триумфальные арки были построены в том же своеобразном стиле. “В самих его руинах, - говорит он, - чувствуется новизна, как будто они были разрушены еще до того, как были построены наполовину, хотя не следует забывать, что они процветали в течение многих столетий после смерти Августа”.

В Ликаонии было несколько важных городов, за исключением Иконии, Лаодикии, Дервии и Листры, поскольку геологические особенности страны были неблагоприятны для существования большого населения. Путешественники, которые видели и то, и другое, сравнивают Ликаонию с внутренними районами Австралии. Оба по своей природе были обширными пастбищами для овец (таким образом, у Аминтаса было до 300 отар овец); в то время как в обоих случаях большая часть засушливой и соленой пустыни была пригодна только для верблюдов. Центральная равнина Ликаонии, судя по карте Киперта, кажется самой большой в Малой Азии и напоминает степи Центральной Азии и юга России. Эйнсворт рассказывает, как его верблюды срывали верхушки *мезембриантемы* и *саликорнии*, напоминая им, как это, несомненно, и делали они, о равнинах, более знакомых им, чем равнины Малой Азии. Страбон сделал Исаврию частью Ликаонии.

Главный город Ликаонии, Икония, впервые упоминается Ксенофонтом, который считал его самым восточным городом Фригии, находящимся, согласно Цицерону, в одном дне пути от Филомелии (Ак-шехр). Его расположение, среди множества небольших ручьев, которые расходуются на орошение его садов, и как место пересечения нескольких важнейших римских дорог через Малую Азию, с самого начала сделало его важным *предприятием*; и, хотя Страбон называет его *πολίχμιον* (маленьким городком), отчет Плиния и повествование в Деяниях Апостолов доказывают, что в середине первого века нашей эры это было большое и густонаселенное место. Действительно, во времена Плиния его территория охватывала четырнадцать городов, раскинувшийся вокруг столицы (ст. 27). Цицерон был там за несколько дней до своего киликийского похода. Икония всегда будет вызывать большой интерес благодаря посещениям ее святым Павлом; первое из которых произошло сразу после его изгнания из Антиохии в Писидии, когда апостолы “отряхнули прах от ног своих”. Господа . Конибер и Хаусон хорошо заметили, что обширная равнина и далекие горы являются наиболее интересными чертами современного Конье; поскольку они, вероятно, остались такими, какими

были в первом веке христианства, в то время как город неоднократно разрушался и отстраивался заново. От греческой или римской Иконии действительно мало что осталось, за исключением надписей и фрагментов скульптур, встроенных в турецкие стены.

Иконий был известен в раннем средневековье как столица сельджукских султанов,^[96] но был взят императором Барбароссой во время второго крестового похода в его знаменитой, но тщетной попытке проложить себе путь через Малую Азию. Процитируем живописные слова Гиббона: “Сорок кампаний в Германии и Италии научили Барбароссу командовать; и его солдаты, даже принцы империи, при его правлении привыкли подчиняться. Как только он потерял из виду Филадельфию и Лаодикию, последние города на границе с Грецией, он углубился в соленую и бесплодную пустыню, страну (говорит историк) ужаса и скорби. В течение двадцати дней каждый шаг его изнуряющего марша осаждали неисчислимые орды туркмен, численность и ярость которых, казалось, после каждого поражения множились и разгорались. Император продолжал бороться и страдать; и такова была мера его бедствий, что, когда он достиг ворот Иконии, не более 1000 рыцарей были в состоянии служить верхом. Внезапным и решительным нападением он разгромил стражу и взял штурмом столицу султана, который просил прощения и мира. Теперь дорога была открыта, и Фредерик триумфально продвигался по карьерной лестнице, пока, к сожалению, не утонул в мелком потоке в Киликии”.^[97] Лик указывает, что его стены, все еще на расстоянии двух-трех миль в окружности, полны надписей и других древних останков, которые сельджуки, похоже, пытались сохранить.

96. Сельджуки сначала были в Никее; но когда крестоносцы взяли этот город в 1099 году н.э., они отступили к Иконии, которую удерживали, за исключением короткого периода ее захвата Барбароссой в 1189 году, до вторжения монголов под предводительством Чингисхана и его внука Хулагу, которые полностью сломили их власть. Коние был неотъемлемой частью турецкой империи еще со времен Баязида.

97. Было много сомнений в том, в каком “килийском потоке” утонул Барбаросса. Название в записи - “Салеф”, которое, возможно, является искажением Селефкеха (Селевкии), названия, которое иногда дают Каликадну, как главному городу на нем. Кажется, нет причин топить его в Киднусе или современном Кара-су.

Положение Листры и Дербе по-прежнему остается неопределенным. Из Дербя мы знаем, что это была резиденция вождя разбойников Ликаонии по имени Антипатр,^[98] который в конечном итоге был покорен Аминтой (Страбон, хii. с. 569), в то время как Страбон и Стефан Византинус поместили его на границах Исаврии по направлению к Каппадокии. Святой Лука, однако, и Иерокл поместили его так же ясно и в Ликаонии. Если бы Листра и Дервия стояли в порядке святого Луки, Листра была бы ближайшей к Иконии; но, хотя она упоминается у Плиния и Птолемея, у нас нет дальнейших намеков на ее действительное положение. Один из его епископов присутствовал на Халкидонском соборе. Интересный рассказ в Деяниях хiv. 6-21 о поведении жителей Листры, когда святой Павел доказал свою Божественную миссию исцелением калеки, должен быть свеж в памяти каждого. Что касается умозрительных определений стоянок Листра и Дербе, то, возможно, стоит заявить, что юго-восточная часть Конье представляет собой замечательный изолированный холм, Карадаг или Черную гору. Недалеко от этой горы Лик и Гамильтон разместили эти два города, первый в двадцати милях к юго-востоку от Икония, второй - у некоторых замечательных руин у ее подножия, называемых турками Бин-бир-калис-сех, или 1001 церковь. Г-н Гамильтон и г-н Эдвард Фолкнер оба

исследовали эту замечательную группу разрушенных церквей, отметив, что они явно делают, какое-то место, особенно почитаемое в раннехристианские времена. Замечания г-на Фолкенера об этих любопытных памятниках очень уместны. “Основная группа, ” говорит он, “бин-бир-Калиссех, лежит у подножия Карадага.... Заметив руины на склоне горы, я начал подниматься, и, добравшись до них, понял, что это церкви, и, посмотрев вверх, увидел другие еще выше меня, и, взбираясь от одной к другой, я, наконец, достиг вершины, где обнаружил две церкви. Посмотрев вниз, я увидел церкви по всем сторонам горы, разбросанные в разных местах.... Их около двух дюжин в сносной сохранности, и всего можно проследить остатки примерно сорока.... Гора, должно быть, считалась священной; все руины относятся к христианской эпохе, и, за исключением огромного дворца, каждое здание является церковью”. Из Деяний явствует, что, помимо греческого, все еще существовал местный ликаонский диалект, и это то, чего мы должны ожидать, исходя из того, что мы знаем о случаях Кари, Ликии и Фригии соответственно. Однако в настоящее время нет определенных средств определить, каков был его характер и было ли оно семитского или индоевропейского происхождения.

98. Цицерон (ad Fam. xiii. 73) говорит, что ликаонец Антипатр относился к нему с большой вежливостью — взгляд на вещи, не согласный с его корреспондентом Q. Филипп, который ранее был проконсулом Малой Азии. Стефан Византинус утверждает, что Дерб иногда называли “Дельбия”, слово на ликаонском диалекте, которое, как говорят, означает “можжевельник”. Возможно, что в рукописи были перепутаны два слова, имеющих большое сходство, а именно: λιμὴν - гавань или порт, и λίμνη - озеро или болото; и что город действительно находился на берегу одного из многих внутренних озер этой части Малой Азии. Расположение Дербе недалеко от озера *Ак Гуель* и его сходство с Дельбией с современным названием *Дивлех*, как предположил Гамильтон, склоняет к его отождествлению с Дивлехом.

Довольно подробно рассмотрев провинции и города Малой Азии на западе и юге, обратив некоторое внимание на Ликаонию, мы предлагаем теперь обратить внимание на главные из них во *Фригии* и *Галатии*, хотя у нас нет места, чтобы тщательно взвесить границы каждого из этих округов, которые действительно до римских времен находились в состоянии постоянных изменений. Рим, как мы знаем, счел нужным включить под названием Азия более одного куска, произвольно вырезанного из старых провинций; римская Азия была для остальной Малой Азии во многом тем же, чем Португалия на картах была для Испании.

Сами фригийцы, как и мизийцы, вероятно, были фракийского происхождения, поскольку имя *Bruges*, или *Бриджес*, встречается в Македонии и, вероятно, связано с кельтским словом “*briga*”, как в *Артобриге*. Мы находим также в соседней провинции *Вифиния* племя под названием *Бебриксы*. Предполагалось, что фригийцы также имели какую-то связь с Арменией — теория, однако, в основном основанная на их легенде о первобытном потопе и о стоянке ковчега в горах близ *Селены*.

Несомненно, что народы этой части Малой Азии были очень сильно перемешаны. Таким образом, троянцы и мисийцы почти наверняка были представителями великой фригийской расы, поскольку *Гекуба* была фригийской принцессой, а *Гектор* - распространенным фригийским именем. Следовательно, один поток иммигрантов, возможно, прибыл из Армении в Европу и оттуда несколько позже вернулся во Фригию, говорят, что фригийцы, как и македонцы, не могут произнести ф (ph) и говорят “*Билипп*” и “*Береника*” вместо “*Филипп*” и “*Ференика*”: армяне и фригийцы носят похожие доспехи и в армии *Ксеркса*. Недавние исследования барона

Тексы и мистера Гамильтона показали, что у фригийцев был своеобразный стиль архитектуры, первый обнаружил целый город, высеченный в цельной скале. Встречаются также гробницы, по конструкции напоминающие львиные ворота Микен; существует также легенда о фригийском Пелопсе в Арголиде. Фригийские религиозные обряды были широко приняты отдаленными районами древнего мира, богиня Кибела была строго фригийским божеством, а дикие “оргии”, связанные с ее поклонением, по сути своей были азиатскими.

Из городов Фригии мы возьмем в первую очередь Апамею, как, несомненно, один из самых важных благодаря своей разнообразной истории и множеству известных людей, связанных с ней. Его основанием обязан Антиоху Сотеру, который назвал его в честь своей матери Апамы. Согласно Страбону, он находился у истока реки Марсий, которая брала начало в центре города и впадала оттуда в Меандр; и, хотя это описание не совсем подтверждается недавними наблюдениями, идентичность его размеров современной деревне Денаре или Денаир была удовлетворительно показана надписью, найденной мистером Аранделлом, гласящей—QUI. АРАМЕАЕ. НЕГОЦИАНТВР. Х. К. (hoc. curaverunt). “Торговцы, часто посещающие Апамею, позаботились (о возведении этого памятника)”.^[99] Цицерон, который был назначен проконсулом Киликии в 51 году до н.э., оставил нам много интересных подробностей об этом в своих письмах к своим друзьям, поскольку он часто бывал там. В этом месте он также оставил одну из трех копий отчетов своего квестора, в то же время отказавшись принять что-либо для себя или позволить своим солдатам присвоить что-либо из добычи, отнятой у врага. В письме к Кану. Саллюстий, проквестор, добавляет: “Я оставлю деньги в Лаодикии ... чтобы избежать риска, как для себя, так и для содружества, передавать его в денежной форме”. Когда он управлял своей провинцией, один из его друзей попросил его раздобыть для него несколько пантер. Он сделал это за свой счет, отметив при этом, что “звери жаловались на него и решили покинуть страну, поскольку в его провинции не было расставлено силков ни для каких других существ, кроме них самих”.^[100]

99. Аранделл (i. стр. 192). Далее он замечает: “Теперь можно утверждать, что Апамея находилась в Денаре с такой же уверенностью, как и то, что Эфес или Сарды стояли на местах, которые до сих пор сохраняют свои названия. Мы должны добавить, что Апамея стояла почти, хотя и не совсем, на месте древней Целены. Он так сильно пострадал от землетрясений, что римская дань, причитающаяся с него, была отменена в 53 году н.э. на пять лет (Tacit. Ann. xii. 58).”

100. Мистер Аранделл отмечает, что пантеры все еще (1834 г.) время от времени встречаются в окрестностях Смирны.

МОНЕТА АПАМЕИ ЧИБОТУС.

Но, помимо классической истории Апамеи, которая достаточно хорошо известна, это место было связано с традицией, относящейся к Ковчегу, которая, хотя и является чисто легендарной, не может быть опущена здесь; тем более что история о Ковчеге, покаявшемся после Потопа на одной из высот близ Апамеи, как предполагают некоторые, дала этому городу название “Киботус”, или “Апамея Сундука”.^[101] Действительно, гора Арарат была расположена некоторыми на границах Фригии. Предполагается, что монета Александра Севера, копию которой мы приводим выше, относится к этой истории. На реверсе - название народа Апамеи, а вверху - квадратное сооружение, покоеющееся на скале и окруженное водой. В этой рамке изображены две фигуры, мужская и женская, а перед ними слово ΝΩΕ (Noe). Таким образом, справедливо предположить, что создатель медали действительно хотел изобразить Ноя с женой. Два других человека, тоже мужчина и женщина, стоят перед предполагаемым ковчегом. Если, как мы полагаем, библейский потоп произошел в Вавилонии, некоторые черты его истории могли легко попасть во Фригию; в то время как независимо от этого мы знаем, что даже во времена святого Павла во многих крупных городах Малой Азии были еврейские синагоги. Более того, за 150 лет, прошедших между апостолом Павлом и Александром Севером, по крайней мере, некоторые из наиболее ярких событий, описанных в Библии, должны были стать широко известными.

¹⁰¹. Следует добавить, что древнее название Апамеи, когда она была столицей Фригии, было Целена, и что во времена римской Империи, хотя Лаодикия Комбуста была резиденцией проконсула, в коммерческом отношении она считалась уступающей только Эфесу. Лаодикия была одним из городов, которым выпала честь чеканить эти любопытные серебряные монеты, известные под названием *Чистофори*. Хотя мы не принимаем историю о Ковчеге как

происхождение этого названия “Киботус”, мы не можем сказать, что придаем большое значение многим другим предложенным производным, если вообще придаем какое-либо значение.

Следующее место, на которое мы обращаем внимание, - Азани, или Аэзани (встречаются оба варианта написания), причем последнее, из монет данного места, является более предпочтительным. Несомненно, что нынешний лорд Эшбернхэм в 1824 году был первым, кто определил, где он находился, хотя это открытие с некоторой небрежностью часто ошибочно приписывалось. Сейчас он называется Чандур-Хиссар, и, по словам Кеппела, Гамильтона и Феллоуза, в нем, по-видимому, сохранилось несколько руин замечательной красоты и не один римский мост. Гамильтон (i. 101) утверждает, что его ионический храм (рисунки которого дают Феллоуз и Пуллан) является одним из самых совершенных в Малой Азии. Довольно любопытно, что никаких стен обнаружено не было; но это место сильно пострадало от грабителей, каждая гробница была разграблена.

В *Великой Фригии*, в отличие от *Фригии Эпиктета*, местом, о котором мы впервые слышим в связи со знаменитым походом кн. Манлия против галло-греков, была Синнада, место, заслуживающее раннего внимания и долгое время имевшее значение. Цицерон посетил его во время своего продвижения в Киликию. Во времена Плиния это был судебный центр по соседству. Он был знаменит главным образом прекрасным мрамором с пурпурными пятнами и прожилками, на который ссылается Статий (Сильв. i. 5, 56). Тексье был первым, кто обнаружил настоящие каменоломни, которые находились, как утверждали местные жители в древности, не в Синнаде, а в Доцимии; откуда сам мрамор иногда называли “*Docimites lapis*”. Павел Силенциарий в стихотворении о церкви Святой Софии хорошо описал ее характер. Сама Доцимия, вероятно, находилась в конце равнины, где находилась сама Синнада. Иерокл делает Синнаду епископством Спасительной Фригии. Его руины теперь называются *Эски Кара Гиссар*.

На главной дороге из Синнады в Иконию стоял Филомелий, “город соловьев”, который теперь, после открытия истинного местонахождения Писидийской Антиохии, отождествляется с Акшехром. Это было очень ценное место для первых турецких правителей, и до сих пор можно увидеть много красивых сарацинских зданий; следовательно, оно также часто упоминается в войнах между греческими императорами и султанами Иконии, как у Прокопия (История, Арк. 18) и Анны Комнины (стр. 473).^[102]

102. Филомелий, ныне называемый *Афиум Кара Хиссар* (“черный замок опиума”), представляет большой интерес как центр большой малоазиатской торговли этим наркотиком, лечебные свойства которого были известны Теофрасту в третьем веке до нашей эры под названием *μῆκωνιον*. Скрибоний Ларгус (40 г. н.э.) также знал, что наилучшую его форму получают из капсул, а не из листьев мака (Бертольд, Серебро, 1786, с. iii. s. 2). Тридцать лет спустя Диоскорид называет сок из этих капсул *πρόσ* (англ. Сок), и разрезание их *ὀπίζειν*. Отсюда и название - *Опиум*. Плиний (iv в. н.э. 65, XX в. н.э. 76) указывает на лекарственное применение “Опиона”, а Цельс называет извлеченный сок “*Lacryma papaveris*”. Очевидно, что от этого “Мнения” происходит арабское “Афьюм”, которое встречается во многих восточных языках и, возможно, получило еще большее распространение благодаря запрету Мухаммеда на употребление вина. В Индии на *опиум* впервые обращают внимание в “Путешествиях Барбозы”, 1511 г. н. э. (ок. Хаклуит), который нашел его в то время в Малабаре и Каликуте. Ни в китайском, ни в санскрите нет родного слова для обозначения этого наркотика. *Opium Thebaicum*

упоминается еще в 1288-96 годах н.э. Симоном Януэнсисом, врачом папы Николая IV. (Clavis Sanationis. Venet. 1510); и Кемпфер (1687) отмечает, что в его время, как и задолго до этого, соединения опиума, мускатный орех и т. Д. В основном продавались под названием “*Териака*”.

Но самым важным местом в окрестностях была Лаодикия, часто называемая “Комбуста”, “сожженная”, которую следует тщательно отличать от другого города с тем же названием, который мы сейчас опишем в связи с Иераполем, и который обычно называют “ад Ликум”, “на Ликусе”, в провинции Лидия. Современные географы, однако, относят оба этих города к Фригии. Laodicea Combusta находилась примерно в девяти часах езды к северо-западу от Иконии и под своими современными названиями Йорган Ладик или Ладик-эль-Чаус известна по всей Малой Азии производством ковров. В народе предполагалось, что он получил свое название из-за существования в нем каких-то замечательных вулканических образований. Однако, как ясно показал мистер Гамильтон, это не так. “По соседству нет, - говорит он, - ни крупницы вулканической или магматической породы; холмы состоят из голубого мрамора и глинистых и слюдяных сланцев, с которыми эта порода обычно ассоциируется”. Он думает, что, возможно, в то или иное время он был сожжен дотла и, будучи восстановлен, получил это отличительное название. Надписи, которые он нашел там, хотя и в большом изобилии, не представляют особого интереса, поскольку в основном носят погребальный характер: все они вырезаны из темно-синего известняка с прилегающих холмов.

Последние три места во Фригии, которые мы считаем необходимым отметить особо, мы возьмем вместе, поскольку они расположены недалеко друг от друга и исторически тесно связаны. Этими городами являются Иераполис, Лаодикия (ad Lycum) и Колоссы.

Иераполис примечателен главным образом тем, что воды настолько насыщены окаменелостями, что своими отложениями полностью изменили облик страны на протяжении веков; результат, отмеченный многими древними авторами, такими как Витрувий, Павсаний и др. Чандлер утверждает, что скала недалеко от города представляет собой сплошную корку, и описывает ее внешний вид как “огромный замерзший каскад, поверхность волнистая, как будто вода сразу застыла или в своем стремительном течении внезапно окаменела”.^[103] Превосходный вид этой любопытной сцены дан в “Анатолике” мистера Дэвиса, стр. 100. Помимо своей замечательной окаменяющей силы, Страбон утверждает также, что воды Иераполиса славятся тем, что они окрашивали; и любопытным подтверждением этого утверждения является то, что ранний английский путешественник (доктор Смит, в 1671 году) скопировал надпись, относящуюся к “компании красильщиков” (ἡ ἐργασία τῶν βαφέων). Положение Иераполиса, должно быть, было очень внушительным, поскольку он располагался на возвышенности, “200 шагов в ширину и милю в длину”. До сих пор сохранилось множество руин, состоящих из реликвий трех христианских церквей, одна длиной 300 футов, и спортивного зала, который, по мнению Лика, является одним из единственных трех, “которые находятся в состоянии сохранности, достаточном для того, чтобы дать какую-либо полезную информацию об этих зданиях”, вместе с огромным количеством упавших колонн, находящихся в диком замешательстве. Кажется досадным, что не было предпринято никаких эффективных шагов для тщательных раскопок в таком месте, как Иераполис, где можно было бы разумно ожидать появления памятников, представляющих большой исторический интерес, возможно, также превосходящих по совершенству скульптуру. Иераполис особо отмечен в послании святого Павла к Колоссянам (iv. 13), которое ясно показывает, что в то время было много обращенных в христианство, вероятно, благодаря усердию Епафраса, который долгое время был общим

работником с Апостолом. Несколько позже Иераполис появляется у Иерокла как метрополия Фригии; и Аранделл приводит список епископов этого престола, имена которых сохранились. Нынешние руины называются *Памбук Калесси*.

103. Мистер Гамильтон говорит, что смог отчетливо проследить шесть различных каскадов, каждый из которых оставил отдельный налет. Сам древний город был построен на террасе, полностью образованной этой или подобными инкрустациями. Он добавляет: “Но если внешний вид покрытого коркой утеса был любопытен, когда мы смотрели на него снизу, он стал бесконечно более любопытным, когда мы посмотрели на него с дороги, и детали его структуры стали более очевидными. Волнистые линии твердого вещества, простирающиеся по поверхности, выглядят так, как будто большая река внезапно остановилась в своем течении и превратилась в камень”.

Лаодикия “*ad Lycum*” была во времена Страбона одним из главных мест в этой провинции и центром римского могущества в этой части Азии. Говорят, что многие люди с большим состоянием внесли свой вклад в его раннее великолепие; Страбон обратил внимание на Гиерона, который, помимо того, что сильно приукрасил его при жизни, оставил ему по завещанию сумму в 2000 талантов вместе с оратором Зеноном и его сыном Полемоном, которого Август сделал царем части Понта. Существуют некоторые трудности в согласовании утверждений древних авторов о реках, протекавших рядом с этим городом, и даже недавние исследования не внесли в этот вопрос полной ясности. В связи с ним упоминаются четыре реки — Лик, Асопус, Капрус и Кадм. Из них первый, несомненно, самый важный, поскольку дал свое название городу. Вероятно, эти трудности усилились из-за землетрясений, замеченных Страбоном, который говорит, что Лаодикия больше, чем какой-либо другой город, была подвержена их пагубному влиянию. Его слова замечательно (εἰ γάρ τις καὶ ἡ ἄλλη Λαοδικεῖα εἴσοιστος, Strab. стр. 578). Такие землетрясения, естественно, изменили бы течение этих потоков.^[104] Кол. Лик обращает особое внимание на важность тщательного исследования руин всех этих великих городов: так много всего еще находится на поверхности, что, по его мнению, есть разумная надежда обнаружить многое из того, что еще похоронено. То же самое, в меньшей степени, вероятно, оказалось бы верным и для других городов долины Меандра; ибо Страбон считал, что Филадельфия, Сарды и Магнезия ад Сипилум были не меньше Лаодикии и все одинаково пострадали от разрушительных землетрясений; и эта точка зрения была полностью поддержана Аранделлом на основании его личных наблюдений в Лаодикии (Семь церквей, стр. 85).

104. Сравните то, что говорит Тацит, Annal. ii. 79, xiv. 97, и утверждение Геродота о том, что Лик исчез в Колоссах, неподалеку, утверждение, в некоторой степени подтвержденное Страбоном (xii. 578), и другие замечания, касающиеся истории этого важного города в Polyb. v. 57, 3; Cic. Verr. i. 3; Epist. ad Fam. iii. 5, 7; Тацит. Аннал. iv. 55; Филостр. стр. 543.

Лаодикия серьезно пострадала от рук Митридата, но с воцарением Августа ее настоящая слава и процветание возросли и продолжались долгое время. Около 1097 года нашей эры он был захвачен турками и впоследствии попеременно находился в их руках или в руках византийских императоров. В 1190 году император Барбаросса был встречен тогдашними жителями с большой добротой, но вскоре после этого он был полностью опустошен турками. Ревность святого Павла по отношению к Лаодикийской церкви наводит на мысль, что по соседству с ней должно было быть много обращенных в новую веру. Однако также ясно, что их преданность не

вызывала особого доверия и что они были очень склонны принять измененную форму христианства. Слова святого Павла в его Послании к Колоссянам (ii. 1) покажите это достаточно ясно — “Ибо я хотел бы, - говорит он, - чтобы вы знали, какую великую борьбу я имею за вас и за них в Лаодикии, и за всех тех, кто не видел Моего лица во плоти”. И снова: “Когда это послание будет прочитано среди вас, сделайте так, чтобы оно было прочитано также в Лаодикийской церкви” (iv. 16). Книга Откровение содержит также строгие критические замечания по поводу тепловатости лаодикийцев. “Я знаю твои дела, что ты ни холоден, ни горяч; я хотел бы, чтобы ты был холоден или горяч. Итак, поскольку ты тепл, а не холоден и не горяч, Я извергну тебя из уст моих” (Откр. iii. 15, 16). Лаодикия, хотя ее иногда называют Ладик, более известна как Эски-Хиссар, турецкая форма распространенного левантийского названия Палео-Кастро — “Старый замок”.

Колосс, последний из трех городов, был сильно перепутан с двумя другими из-за спешки и отсутствия точных наблюдений у разных путешественников. Действительно, требуется много времени для сопоставления кратких заметок древних авторов с существующими фактами. Точно неизвестно, когда были основаны Колоссы или каким обстоятельствам они обязаны своим названием, но они существовали за несколько столетий до христианской эры, поскольку Геродот упоминает их как большой и цветущий город Фригии, когда Ксеркс проезжал через них в 481 году до н. э. по пути из Каппадокии в Сарды (vii. 30); и, по-видимому, они совсем не пришли в упадок, когда их посетил Кир Младший, примерно восемьдесят лет спустя (Хен. Анаб. i. 2). Подобно жителям соседней Лаодикии, колоссяне были великими производителями шерсти. Оно было почти разрушено во времена Нерона, но, во всяком случае, сохранилось как название христианского епископства до времен *Синекдемы* Иерокла. Несколько позже там был построен новый город под названием Хонас, определенная идентификация его руин объясняется главным образом тем фактом, что там родился Летописец Никита. Святой Павел, как мы знаем, написал послание к Колоссянам, но его слова “С тех пор, как мы *услышали* о вашей вере во Христа Иисуса”, по-видимому, подразумевают, что сам он там никогда не был. С другой стороны, Епафрас, который был уроженцем Колосса, и Онисим особо отмечены как проповедовавшие там.

Колоссы неоднократно посещали путешественники, такие как доктор Смит, Пиченини, Покок и Аранделл; но мистеру Гамильтону мы обязаны самым ясным замечанием об этом и примирением многих моментов, которых не понимали те, кто был до него. Геродот, как мы уже отмечали, утверждал, что в Колоссах была *ἄβυσσος ὕψους* (глубокая пропасть) и что Лик протекал по подземному каналу на протяжении полумили. Эту пропасть проследил м-р Гамильтон, доказывая, что, как *говорили*, Ликус вполне мог протекать под землей из-за большого скопления окаменевшего вещества из ручья, который теперь называется Аксу, или “Белая вода”. М-р Гамильтон цитирует также отрывок из византийского писателя Куропалата, явно относящийся к тому же любопытному явлению. Плиний также делает интересное замечание относительно качества этой воды, где он говорит: “В Колоссах есть река, которая превращает кирпич в камень”. Гамильтон добавляет: “Аксу, который соединяется с Чоруком в центре города, вскоре покроет кирпич толстой коркой и даже заполнит пористую внутреннюю часть тем же веществом посредством инфильтрации”.

Единственными городами в Галатии, которые, по нашему мнению, заслуживают особого упоминания, являются Анкира, Пессин и Тавиум — фактически, Галатия, земля азиатских галлов, была немногим больше, чем расчленением древней Фригии, главным образом

вызванным вторжением части огромной орды галлов, которые, спустившись из Паннонии при втором Бренне, в 279 году до н.э., были, в конечном счете, вынуждены перейти Геллеспонт по приглашению Никомеда I Пергамского. Общая история Галатии настолько хорошо известна, что нам нет необходимости останавливаться на ней здесь. Достаточно сказать, что три главных племени этих захватчиков были известны как тектозаги, толистобои и трокми, и что после многих сражений, в которых их могущество значительно уменьшилось, они были поселены: первое в Анкире, второе в Пессине и третье в Тавиуме. Однако не мешало бы упомянуть некоторые исторические факты, связанные с ними, а именно, что Антиох получил имя Сотер за великое поражение, которое он им нанес; и что, разбитые Атталом I и Прусием, они были наиболее полностью покорены консулом Манлием в 189 году нашей эры. Галлы встречаются в качестве наемников во всех войнах того времени и часто сражаются друг против друга, будучи даже замеченными как таковые у Маккавеев (1. viii. 2). Еще в четвертом веке святой Иероним, долго живший в Треве, утверждает, что общий язык Галатии был таким же, как и в этом городе. Любопытно, что в Маршрутах сохранилось только одно название, несомненно кельтское, *Эккобрига*, между Тавиумом и Анцирой. Как народ, они очень напоминали галлов, которых описывает Цезарь — “*Natio est omnis Gallorum admodum dedita superstitionibus*”; следовательно, они сразу же приняли фригийское поклонение Кибеле как “*Mater Deorum*”, а “галлы” Пессина были ее особыми жрецами. Однако их лидеры вскоре разбогатели и быстро эллинизировались.

Самым важным местом в Галатии была Анкира на Сангарии; традиционно это место было заложено Мидасом, сыном Гордия. Якорь, который он нашел там, откуда, по словам Павсания, и пошло название города, в его время все еще хранился в Храме Юпитера. Территория вокруг этого города была официально объявлена римской провинцией Августом в 25 году до н.э., эпитет “Тектосагум” был добавлен к его названию “Себастиан”, чтобы отличать его от Пессина и Тавиума, которые также носили эпитеты Себастиан или Августа. На монетах Нерона Анкира также называется Метрополией; и, хотя она сильно пришла в упадок, это все еще значительное место с большим населением.^[105] На прилегающих равнинах произошел мощный конфликт между Баязидом и Тимуром (Тамерланом), в результате которого первый потерял свою корону и был взят в плен императором Великих Моголов, хотя популярная легенда о “клетке Баязида”, вероятно, так же мало достоверна, как и сожжение Александрийской библиотеки по приказу Омара.

105. В маршрутах Иерусалима и Антонина мы замечаем одно название, *Ипето-брогея*, последняя часть которого, вероятно, кельтская, как и *Алло-брогеси* др.

Но самым интересным в связи с Анцирой является знаменитая надпись Августа^[106] (иногда называемая его “Завещанием”), обычно известная ученым под названием “Мраморное дерево”. То, что тогда было видно из этой надписи, было впервые скопировано Бусбекиусом около 1555 г. н.э. и опубликовано в 1579 г. в Антверпене издательством Андреас Шоттус.^[107] Сначала была получена только латинская часть, но постепенно были восстановлены части греческого, важное дополнение было сделано мистером Гамильтоном.^[108] Очень полный отчет об этом был недавно опубликован Theod. Моммзен, под названием “*Res gestæ Divi Augusti*”, 1865 г., с очень точными копиями греческой легенды, выполненными специально для Наполеона III. М. Перро.

106. Весь город Анкира изобилует надписями. Мистер Гамильтон говорит: “Коллекция надписей, сделанных во время моего пребывания в Анкире, была очень многочисленной;

многие из них никогда ранее не публиковались. Их встречали во всех частях города — у ворот и во дворах частных домов, но, главным образом, на стенах цитадели”.

107. Оригинальная надпись была выгравирована в Риме на медных табличках перед его мавзолеем (Светон. Авг.), известный в средневековье под названием *L'Austa*. Из надписи в Бокхе, С. I. Gr. № 4039, мы узнаем, что надпись Ансуган была помещена в Σεβαστήιον (Августеум), а на одном из фасадов Храма есть слова—

Γαλατῶν [τ]ὸ [κοινὸν]

[ί ε] ρασάμενον

Θεῶ Σεβαστῶ

Καὶ Θεῶ Ῥώμῃ

Вероятно, это храм, упомянутый в указе Августа и упомянутый Иосифом Флавием (Antiq. xvi. 6).

108. Нельзя слишком хвалить мистера Гамильтона за его успешный труд по копированию большей части греческой версии, которая во многих случаях исправляет дефекты латинской версии. “Я вступил, ” говорит он, “ в переговоры с владельцем дома ... (упирается в Висок).... В течение двух дней я с удовлетворением обнаружил, что он согласился на мое предложение. Я едва осмеливался надеяться, что магометанин позволил бы гиауру снести стену своего дома для такой цели”.

Было бы невозможно привести здесь даже самое краткое изложение этой очень интересной и ценной надписи, которая полностью заслуживает самого внимательного прочтения; но мы можем упомянуть, что среди исторических событий, описанных Августом, — его разгром убийц Юлия Цезаря, когда ему было всего 21 год, — присвоенные ему титулы —перепись его народа— закрытие Храма Януса —его огромные щедроты народу, согласующиеся с волей Юлия Цезаря — с замечательным списком монументальных работ, начатых или завершенных им в Риме.^[109] — уведомление, имеющее наивысшую ценность для римских антикваров и, следовательно, очень правильно приведенное мистером Паркером в его недавней книге о “Римском форуме”. Затем он рассказывает о своем разгроме пиратов, отмечая также рабскую войну; влияние битвы при Акциуме на Италию; границы провинций, которые тогда подчинялись ему, и распространение римского оружия на Эфиопия и Аравия; покорность Тиридата и Фраата, царей Парфии; и Дубновелауна, короля бриттов. В заключение он говорит: “Когда я писал это, мне было семьдесят шесть лет”, и очень скоро после этого он умер.^[110]

109. Сохранилась интересная работа Юлия Фронтинана об акведуках, ведущих в город Рим, которая была замечательно проиллюстрирована недавними исследованиями мистера Дж. Х. Паркера, К.Б., на месте; смотрите также “Monumentum Ансуганум“ Дж. Х. Паркера “Римский форум и Сакральная улица”, стр. xxvii.-ix.; Lond. 8vo, 1876.

110. Мистер Пуллан показывает вид на вход в храм.

Следующий город Галатии, который мы заметили, Пессин, располагался недалеко от левого берега Сангария, на дороге в Ангору. Это была столица галльского племени толистобоев, прославившегося в древности поклонением богине Рее, или Кибеле. Ходила история, что первоначальное святилище этой богини было перенесено в Рим ближе к концу второй

Пунической войны, и, как говорили, от этого шага зависела безопасность Италии. Ясно, что жители Пессина не слишком заботились о своей самой священной святыне — возможно, однако, поскольку царь Аттал поддержал требование рима, они ничего не могли с собой поделаться. Стоит отметить, что вскоре после сноса этого святилища галлы стали главными жрецами культа Кибелы и, как таковые, вышли умиловать Манлия, когда собирались перекинуть мост через Сангарию (Ливий, xxxviii. 18). Полибий приводит имена этих священников (Polyb. Фрагмент. 4). Монеты Пессина свидетельствуют о поклонении Кибеле еще при Каракалле, и мы знаем, что Юлиан Отступник посещал ее храм (Аммиан. xxii. 9). Одно из названий, которое она носила, было Агдистис, поскольку сам Пессин находился под этой горой, которая также называлась Диндимус. М. Тексье, по-видимому, впервые узнал ее руины в месте, которое сейчас называется Севрихиссар, о чем превосходный отчет дает мистер Гамильтон (i. стр. 438). “Каждый наш шаг, - говорит он, - свидетельствовал о важности и великолепии общественных зданий, которыми, должно быть, когда-то было украшено это место”. Мы можем добавить, что дальнейшие исследования мистера Гамильтона позволили ему согласовать противоречивые рассказы о походе Манлия у Полибия и Ливия, и теперь весь ход римского полководца можно проследить.

Последний из этих галатийских городов, Тавиум, был обителью третьего галльского племени, трокми, о чем свидетельствует надпись на монете, гласящая ΤΑΟΥΙΑΝΩΝ ΤΡΟΙ. Местоположение этого города было определено мистером Гамильтоном как то, где месье Тексье нашел несколько очень замечательных скульптур, которые он ошибочно назвал Птериумом, местом одной из битв между Крезом и Киром. Более вероятно, что это место находилось гораздо ближе к берегам Черного моря. Если Гамильтон прав, Богаз-киеуи отмечает место расположения старого города, который был центром крупной торговли и знаменит колоссальной бронзовой статуей и храмом Юпитера. Тщательное измерение семи великих дорог, зафиксированное как сходящееся в Тавиуме, также согласуется с его точкой зрения. Барельефы, обнаруженные М. Тексье примерно в двух милях от этого храма, являются одними из самых любопытных в Малой Азии. М-р Гамильтон дает их представление (т. i., стр. 394), из чего мы склонны думать, что они должны быть персидского происхождения. Насколько мы можем судить по гравюре, работа во многом напоминает Бехистанскую; более того, две фигуры, по-видимому, стоят на львах или пантерах, как на рельефах, найденных мистером Лейардом в Бавиане, а также на некоторых монетах Тарса. Сюжетом, по-видимому, является встреча двух королей, главные фигуры которых достигают пяти футов в высоту. Две фигуры изображают что-то вроде двуглавого орла. мистер Гамильтон предположил сходство между ними и фигурами в Персеполисе, что тем более примечательно, что, когда работа мистера Гамильтона была опубликована в 1842 году, ассирийские раскопки еще не были начаты. Учитывая огромное влияние персов после основания империи Дария, сына Гистаспа, нет ничего невероятного в том, что резьба была работой какого-нибудь могущественного сатрапа, такого как Фарнабаз, который легко мог быть знаком со скульптурами в Бавии, Бехистане и Персеполе.

На городах в остальных провинциях Малой Азии, *Каппадокии*, *Понте*, *Пафлагонии* и *Вифинии*, нам нет необходимости задерживаться сколько-нибудь надолго; не потому, что в каждом из них мало интересных объектов, а потому, что останков, чисто греческих, сравнительно немного, а место, которое мы можем предоставить для их адекватного описания, чрезвычайно ограничено. Мы, однако, обратим внимание на некоторые из главных мест, либо греческого происхождения, либо непосредственно связанных с греками, обратившись к дневникам путешественников,

которые мы так часто цитировали; и особенно к мистеру Гамильтону, за более полным и подробным описанием их.

Возьмем, во-первых, *Каппадокию*, которая в этом смысле своеобразна тем, что ею веками управляли, во-первых, сатрапы, утверждавшие, что происходят от одного из семи заговорщиков, помогавших Дарию, и, во-вторых, коренная раса царей, пока она не стала римской провинцией. Великие равнины Каппадокии, расположенные на высоте редко менее 4000 футов над уровнем моря, славились породой лошадей, которых они разводили; кукуруза и множество превосходных фруктов также стали родиной этой провинции. Соль и различные виды хрусталя также в основном экспортировались из Каппадокии.

Из городов Каппадокии мы можем упомянуть Назианз, место, известное как место рождения ее знаменитого епископа Григория, великого церковного писателя, остроумца и поэта (см. Его юмористическое описание Сасины, церкви, в которую он был впервые назначен, *Orat.* xxv. стр. 435, которое мы хотели бы привести здесь). Его древнее положение было точно определено наблюдениями более чем одного современного путешественника (Гамильтон, ii. с. 228). *Мазака*, впоследствии названная Кесарией *ad Argæum*, на протяжении многих веков была столицей Каппадокии и до сих пор является довольно важным местом. Главной особенностью его пейзажа была гора Аргей (ныне Эрджиш Даг), считающаяся самой высокой горой Малой Азии, которая возвышается непосредственно над ним, покрытая вечными снегами. Сам город, хотя в конечном счете и столица, долгое время, по-видимому, был немногим больше лагеря; действительно, описание Горация, вероятно, говорит нам все, что действительно требовалось “Его величеству” Каппадокии: “*Mancipiis locuples, eget aris Cappadocum rex*” (“Хотя царь Каппадокии богат рабами, ему не хватает наличных денег”), (*Ep.* i. 6, 39). Каппадокийские рабы были в изобилии в Риме и имели высокую репутацию пекарей и кондитеров (*Plut.* Лукулл. *Athen.* i. 20 и далее). Одним из самых запоминающихся событий в истории города было его долгое и доблестное сопротивление сасанидскому императору в войне между Валерианом и Сапором. Во времена христианства он получил большую известность благодаря тому факту, что святой Василий родился там и впоследствии в течение многих лет был его епископом (*Сократ.* H. E. v. 8; *Иерокл.* стр. 698). Г-н Гамильтон (ii. стр. 274-281) дает интересный отчет о своем восхождении на большую гору неподалеку от него [высота которой, как он обнаружил, составляла около 13 000 футов], подвиг, который, как мы полагаем, он совершил первым.

Тиана, еще один каппадокийский город, известен главным образом как место рождения Аполлония Тианского, чья забавная жизнь была сохранена Филостратом. Судя по его расположению на ущельях, ведущих через Тавр в Киликию, это должно было быть какое-то важное место; отсюда, вероятно, и предание о том, что он был построен Семирамидой (*Strab.* xii. 537). В более поздние времена это была резиденция христианского епископства (греч. наз. *Epist.* 33). Гамильтон считает, что место под названием *Ифтян Каш* может обозначать это место. Рядом с ним находятся остатки прекрасного акведука, приписываемого туземцами Нимроду, но на самом деле римского происхождения.

Комана, единственное другое место в Каппадокии, на которое необходимо обратить внимание, на самом деле была главным городом подрайона под названием Катаония. Он был в основном знаменит своим собранием священников, прорицателей и им подобных, которые были посвящены поклонению Ма (Луне), или, как некоторые говорят, каппадокийской Беллоне. Страбон утверждает, что приверженцев этого священного института насчитывалось до 6000

человек обоего пола (xii. 535). Некоторые, с другой стороны, считают эту богиню персидской Анаитидой, Агдистидой или Кибелой фригийцев. Монеты Команы Антонина Пия показывают, что там была римская колония, существовавшая еще при Каракалле.

Понт, узкий пролив вдоль берегов Черного моря, запомнился главным образом своим большим изобилием фруктов, ныне столь распространенных в наших западных землях, таких как вишня (возможно, названная так по имени одного из ее городов, Церасуса), персики, миндаль и др. Он также был очень богат зерном, древесиной, медом и воском; о его минеральных богатствах красноречиво свидетельствует тот факт, что одно из его племен, халибы, прославившиеся еще во времена Ксенофонта своим мастерством обработки железа, дали свое название греческому слову, обозначающему закаленное железо или сталь.^[111] Трапезус (ныне Требизонде), его единственный значительный город, в древности считался колонией Синопе, основательницей нескольких других мест вдоль побережья Черного моря. Очевидно, это был известный город, когда Ксенофонт прибыл туда в 400 году до н.э. с остатками Десяти тысяч человек, поскольку его жители гостеприимно принимали греческое воинство под его командованием. Мы также находим его в большом расцвете, когда Арриан был наместником Понта при Адриане. В более поздние времена Трапезус был столицей небольшой империи, подчинявшейся ветви княжеского дома Комнинов, ее правители носили помпезный титул императоров Трапезунда и заявляли, хотя и не всегда обеспечивали, независимость Греческой империи. Это все еще место, имеющее коммерческое значение. Мы можем добавить, что недалеко от этого места, недалеко от города Зелы, Цезарь так быстро разгромил войска презренного предателя Фарнака, что объявил о своей победе в знаменитых словах “*Veni, Vidi, Vici*” (“Я пришел, я увидел, я победил”) (Hist. Белл. Алекс. с. 72; Плут. Вит. Cæs.; Sueton. Цезарь. с. 37). История Понта тесно переплетена с историей знаменитого Митрадата, но здесь у нас нет возможности вдаваться в подробности.

111. Æschylus, Pers., v. 715, speaks of οἱ σιδηροτέκτονες Χάλυβες.

Пафлагония известна главным образом обширными лесами, покрывающими южную и более холмистую части ее территории, и огромными стадами лошадей, мулов и т. Д. (первые из них упоминаются еще у Гомера (Ил. ii. 281 и 852)). Его единственными двумя сколько-нибудь примечательными городами были Амастрис, во времена Плиния Младшего красивое место с площадями и множеством общественных зданий, и Синопа; оба города, несомненно, имели отдаленную древность, причем последний, действительно, приписывался одними аргонавтам, а другими амазонкам. Во времена Ксенофонта Синопа была богатым и процветающим городом; и тогда, и в течение долгого времени впоследствии, военно-морской флот Синопы высоко выделялся среди военно-морских сил других морских городов Греции. Синопа, как и Византия, также славилась промыслом *пеламиды*, или тунца; кроме того, большая часть ее последующего богатства была обусловлена тем фактом, что понтийские цари выбрали ее своей королевской резиденцией. Сначала Лукулл, а впоследствии Цезарь, в войнах с Митрадатом и Фарнаком соответственно, относились к людям с большой добротой и оставили им большую часть скульптурных произведений, которыми понтийские монархи украсили их город. Синопа упоминается как цветущее место во времена Страбона, Траяна и Арриана, и оно не приходило в упадок, пока все остальные места подобным образом и по тем же причинам не пришли в упадок

с приходом варваров из Центральной Азии, под копытами лошадей которых, как гласит пословица, трава больше не растет.

Вифиния, последняя провинция Малой Азии, на которую нам придется обратить внимание, была, как мы отмечали ранее в случае с Мизией, населена преимущественно фракийцами. Впоследствии при Кире младшем ею правил ряд местных царей, последний из которых, Никомед II, завещал свою страну римлянам. Многие из этих правителей были людьми испытанной доблести; так, один победил полководца Александра Македонского, а другой сокрушил вторгшихся галлов. Плиний Младший в своих письмах дает интересный отчет о распространении христианства в этой провинции, в то же время показывая, что его суровый и выносливый учитель Траян был менее склонен к суровым действиям против них, чем его литературный и философский помощник. Города Вифинии, на которые мы предлагаем обратить внимание, - это Пруса, Никея и Никомедия.

Пруса, обычно отмечаемая эпитетом *ad Olympum*, более четко обозначающим ее местоположение, как говорят, была построена Ганнибалом (Plin. v. 2), но, вероятно, была намного старше, хотя Хризостом, уроженец города, не претендует на какую-либо высокую древность (Orat. xliii. c. 585). Он продолжал процветать при Римской империи (Plin. Epist. x. 35), а также был некоторое время ведущим городом Греческой империи; действительно, он до сих пор, под измененным названием Брус, является одним из главных городов турецкой Анатолии. Его название, несомненно, будет свежо в памяти многих наших читателей как давний дом доблестного Абд-эль-Кадера и более чем одного из венгерских лидеров, которых предательство Джорджи вынудило покинуть родную страну. Великий Олимп, нависающий над Бруссой, обычно называли Мизийским, чтобы отличить его от Олимпа Фессалии. Рядом с ним находился город Адриани (ныне Едренос), на монетах которого есть надпись ΑΔΡΙΑΝΕΩΝ ΠΡΟΣ ΟΛΥΜΠΙΟΝ.

Никея, названная Лисимахом так в честь своей жены, была настоящей столицей Вифинии и долгое время одним из важнейших городов Западной Азии. Плиний Младший, как губернатор провинции, взялся восстановить его, и в более поздний византийский период он постоянно захватывался греками и турками, соответственно. Лик и другие путешественники показывают, что здесь сохранилось множество остатков этого знаменитого старого города, ныне называемого Исник; не то чтобы при турках он был или когда-либо мог стать великим городом. В церковной истории Никея навсегда останется в памяти как место, где в 325 году нашей эры собралось великое собрание епископов, столь хорошо известное как *Никейский собор*, чтобы осудить арианскую ересь. Считается, что наша собственная Церковь обязана ему своим самым ценным “никейским” символом веры. Никейских монет предостаточно даже во времена Галлиена.

Никомедея, как следует из названия, главная резиденция вифинских царей по имени Никомед, была большим и процветающим городом, и, как можно заключить из писем Плиния к Траяну, долгое время оставалась таковой; действительно, в более поздние времена, когда она была занята парфянскими или другими восточными войнами, это была удобная и постоянная резиденция римских императоров (Niseph. Каллист. vii.). У нас есть любопытный отчет о разрушениях, нанесенных этому городу землетрясением, в одной из странных речей друга Юлиана, оратора Либания, озаглавленной *ρουνθία ἐπὶ νικονηδείᾳ*, в которой он оплакивает потерю его общественных бань, храмов, гимназий и т. Д.: Некоторые из них, однако, были

впоследствии восстановлены Юстинианом (Проскор. Иф. v. 1). Историк Арриан родился здесь, а Константин Великий умер на своей вилле Анкирон, неподалеку.

Сказав так много о ведущих греческих городах Малой Азии, или, скорее, о некоторых из них, мы обратим внимание, но как можно короче, на главные острова, прилегающие к ее берегам; и поскольку пространство, имеющееся в нашем распоряжении, вынуждает нас максимально ограничить наше повествование, мы упомянем только *Лесбос, Самос, Хиос, Родос и Кипр. Крит*, на самом деле, географически обычно привязан к греческому континенту, но в любом случае потребовался бы отдельный том, чтобы воздать должное его древней и современной истории.

Лесбос, действительно лежащий у берегов Мисии, примерно в семи милях от Ассоса, в древние времена славился высоким уровнем развития поэзии и музыки, а также множеством выдающихся литературных деятелей, которых он произвел на свет. Лесбосу мы обязаны Терпандром и Арионом из Метимны, Алкеем и Сафо; там же родились Питтак, Теофраст и Кратипп. Более одного отрывка из Гомера, и особенно Ил. хх. 544 и Одиссея. iv. 342, показывают, что во многих городах острова даже в отдаленные времена проживало большое количество людей, а также они владели значительной территорией на противоположном материке. Лесбосцы проявляли личную любовь к свободе, что хорошо контрастировало с их родственниками на континенте; ибо, хотя на некоторое время они были подавлены Поликратом Самосским и, возможно, мудро подчинились Гарпагу, военачальнику Кира, лесбиянки были одними из самых активных сторонников восстания Аристагора, жестоко пострадав в конце концов, как и Хиос и Тенедос, когда персы одержали победу. Точно так же при Саламине они решительно поддержали греческое дело. Их последующая история была историей большинства островов Эгейского моря. Иногда они были за, возможно, чаще против Афин; часто они достаточно дорого платили за свою любовь к свободе; и, в конце концов, находились в основном под властью Афин, которые, энергично защищая так называемое священное дело свободы, хорошо заботились о том, чтобы разделить их земли между своими собственными гражданами. Позже они боролись против усиления Рима, но, конечно, напрасно. Римляне, однако, похоже, не относились к острову сурово, и еще при Коммодe у нас есть монета с надписью *KOINON Λεσβίων*, что подразумевает некоторую степень самоуправления. Мы можем упомянуть, между прочим, что на Лесбосе Юлий Цезарь получил гражданскую корону за спасение жизни солдата (Ливий, Эпит. 87; Светон, с. 2); что в 802 году византийская императрица Ирина закончила здесь свою странную жизнь; и что четыре столетия спустя Иоанн Палеолог отдал Лесбос в качестве ее приданого своей сестре, когда собирался жениться на Франциске Гателузио, в руках которого остров оставался до захвата турками.

Самос, название, которое, как говорят, означает "высокогорный" и, несомненно, заслуживающее этого названия из-за своей гораздо большей высоты по сравнению с соседними островами, носил, как и Лесбос, много разных названий в древности, с сильно перемешанным населением, возникшим в результате последовательных поселений карийцев, легийцев и ионийцев. Последнему народу он в основном был обязан своей исторической славой, поскольку в очень ранние времена был активным членом Ионической конфедерации. Как островитяне, самойцы пользовались большим уважением за свое мастерство в судостроении; действительно, Фукидид (i. 13) заходит так далеко, что говорит, что они были первыми судостроителями, и это утверждение, очевидно, следует принимать с большой долей допущения. Однако представляется несомненным, что гражданин Самоса, некто Целий,

первым достиг Атлантики, миновав Геркулесовы столпы, и что Поликрат, друг Анакреонта, много сделал для увеличения военно-морской славы своего острова.

После заключения договоров с Амасисом Египетским и Камбизом Персидским (которые сами по себе свидетельствуют о возвышении, приписываемом Самосу в этот ранний период), мы знаем далее, что с Самоса, как своей штаб-квартиры, Датис отплыл в Марафон, отсюда следует вывод, что Самос в то время был менее греческим, чем, возможно, следовало быть; отсюда также, возможно, несколько позже, суровое наказание, наложенное на него Периклом и Софоклом. С начала римских войн на Востоке Самос, по-видимому, в целом перешел на сторону Рима, став, в конечном счете, частью провинции “Азия”. Отсюда, вероятно, и тот факт, что Август (или, скорее, как он тогда был, Октавиан) провел там зиму после битвы при Акциуме. В древности Самос был очень предан поклонению Юноне, и Геродот утверждает, что ее храм там был самым большим из всех, которые он видел. Однако он так и не был полностью достроен. Согласно Вергилию, Самос был вторым по привязанности к Юноне, и во времена Страбона, несмотря на разграбление, которому он подвергся во время Митридатовой войны, а впоследствии и при Верресе, ее храм представлял собой полноценную картинную галерею. Здесь, как и в других местах, Священный Путь вел из храма в город. Самос также был известен фаянсом “красного блестящего” цвета. Ее искусство в этом отношении было скопировано римлянами, а их обычную красную посуду в народе называли “саамской”. В большинстве музеев есть богатые и превосходные образцы (Марриат, “Керамика и фарфор”, 1850).

Хиос, ныне *Сцион*, в древности известный под названием Питиуса, что, несомненно, связано с его обильными сосновыми лесами, был почти так же близок к материковой части Малой Азии, как Лесбос, и по размерам более чем вдвое превосходил остров Уайт. По характеру он был особенно суровым, его эпитет у Гомера [местом рождения которого он утверждал], *παπταλοῦσσα* (“скалистый”), был буквально верен. В древние и современные времена он славился красотой своих женщин; в прежние времена также превосходством своих вин. На овальной площади, недалеко от главного города, стоял храм Кибелы, поклонение которой чиоты особенно почитали; и, чтобы все могло подойти должным образом, беспечный Покок, увидев там ее обезглавленную статую, которую он описывает как статую Гомера, с таким же благоразумием превратил львов, между которыми она сидит, в Муз! Говорят, что его нынешний главный город по своему положению напоминает Геную в миниатюре. Традиционно его древнейшим народом были пеласги; но Ион, местный писатель, с большим основанием относит их к Криту. Хиос мало пострадал от первого персидского завоевания, поскольку у персов, тогда как у Тимура, восемнадцать столетий спустя, не было флота; но впоследствии он был основательно разграблен за преступление, заключавшееся в том, что он послал сотню кораблей отбить Милет в помощь ионийцам (Herod. vi. 8, 32).

Во время Пелопоннесской войны Хиос сначала поддерживал афинян, но впоследствии был разорен ими, хотя им и не удалось взять его столицу. Итак, во время Митридатовой войны, хотя поначалу Хиос поддерживал понтийского царя, он попал под его немилость из-за того, что позволил римским “переговорщикам” часто бывать и селиться в своих портах, за что был вынужден заплатить 2000 талантов и подвергнуться еще более грубому обращению со стороны своего генерала Зенобия. В наше время Сцио пострадал, возможно, больше, чем любой другой греческий остров. В начале четырнадцатого века турки овладели им в результате всеобщей резни; в 1346 году он был отнят у них генуэзцами, которые удерживали его почти два с половиной столетия, пока он не был отбит турками. В 1822 году, будучи по глупости

переубежденным — хотя тогда остров был сравнительно процветающим — присоединиться к восстанию греков против турок, на него напал мощный османский флот, который, высадившись, вырезал направо и налево, поработил местных женщин и детей и превратил, по своему обыкновению, хорошо возделанный район в пустыню, уничтожив также огнем и мечом город с тридцатью тысячами жителей. Несомненно, пятьдесят четыре года - это очень долгий срок в глазах простых политиков; но от историков можно было ожидать, что они помнят “Сцио” и предвидят аналогичные результаты в “Батаке” или где-либо еще, где эти варвары способны повторить привычки и обычаи своих предков.

Следующим привлекает наше внимание Родус, остров примерно в десяти милях от юго-западной оконечности Ликии, как одно из важнейших греческих поселений древности, сохранившее еще кое-что от своего древнего великолепия. В отдаленные века Родос был обителью тельхинов, знаменитого братства художников, вероятно, финикийского происхождения, и вскоре прославился культивированием искусства, столь привнесенного извне, что, естественно, привело к цивилизации, намного опередившей окружающих их людей. Его ранняя история изобилует множеством легендарных рассказов, которые, к сожалению, мы не можем здесь вставить (но см. Пиндар, Глава vii.; *Hom. Il. ii. 653*). Родосцы, несомненно, благодаря своим ранним связям с финикийцами, были одними из величайших мореплавателей древности, и это тоже произошло раньше 776 года до н.э., когда, как говорят, были учреждены Олимпийские игры: отсюда основание ими очень отдаленных колоний на Сицилии, в Италии и Испании; в последней стране, особенно в *Росасе*, который, что достаточно примечательно, сохранил свое древнее название, но слегка видоизменился. Родосский кодекс военно-морских законов также стал, как хорошо известно, не только законом Средиземноморья, но и основой права гораздо более позднего времени. Жители этого острова, возможно, по соображениям благоразумия не участвовали ни в ионическом восстании, ни в персидской войне.

В Пелопоннесской войне они также не принимали активного участия, хотя и выступали (согласно Фукидиду), с неохотой, на стороне Афин против жителей Сиракуз и Гелы. В те дни они ценились главным образом как легкие войска, особенно как метатели дротиков и пращники. В деле Дария Кодоманна против Александра родосцы поддерживали Мемнона, самого способного адмирала того времени, чья смерть, возможно, больше, чем смерть любого другого отдельного человека, ускорила падение персидской монархии; и несколько позже их сопротивление Деметрию Полиоркету во время памятной осады, которой они подверглись, обеспечило им высочайший авторитет и восхищение их победителем. Действительно, они пользовались таким уважением среди своих соседей, что (как утверждает Полибий), когда их город был почти разрушен землетрясением, правители Сицилии, Малой Азии, Сирии и Египта соперничали друг с другом в щедрости припасов и подарков, которые они присылали для устранения этого бедствия. Для римлян их услуги имели наивысшую ценность, действительно, главным образом благодаря им морские операции Ливия, римского адмирала, были успешными в войнах против Филиппа и Антиоха (*Liv. xxxi. 14; xxxvii. 9 и др.*).

Но, пожалуй, самым интересным вопросом в связи с островом Родос является история исследований, недавно проведенных там господами Родосом. Билиотти и Зальцманн на месте Камира, одного из трех главных первоначальных городов этого острова, объединение которых примерно в 408 году до н.э. привело к созданию столицы Родоса. Поэтому было естественно ожидать, что какие-либо древности, обнаруженные в этих местах, будут более ранними, чем эта дата. Земля вокруг теперь покрыта сосновым лесом, на поляне которого старый некрополь был

обнаружен волом, упавшим в могилу. В 1853 году мистер Ньютон приобрел множество *терракотовых* ваз очень архаичного типа и других вымышленных ваз из крестьянских домов соседней деревни Калаверда. Некоторые из *пинаклеев*, или блюд, с геометрическими узорами, нанесенными коричневой краской на светлую поверхность, напоминали древнейшие предметы этого класса из гробниц Афин и Мелоса; похожие фрагменты также обнаружены в Микенах и Тиринфе.^[112] Встречались также другие амфоры и оинохо с черными фигурами на красном фоне или красными фигурами на черном.^[113]

112. Как было хорошо показано в недавних исследованиях доктора Шлимана.

113. Путешествия по Леванту, i. стр. 235.

Вскоре после этого из Константинополя был получен *фирман*, наделяющий полномочиями господ. Билиотти и Зальцманн провели тщательное исследование этого древнего места, результатом которого стало открытие по меньшей мере 275 гробниц. Из этих гробниц было извлечено много драгоценных произведений искусства из золота, бронзы и стекла, с фигурками из терракоты и известковых камней, а также вазами и алебастровыми кувшинами, возраст некоторых из которых, вероятно, датируется 650 годом до нашей эры. Все это можно сгруппировать под заголовками: (1) Азиатско-финикийский, или архаичный греческий; (2) Греческий лучшего и новейшего периодов; (3) египетский, или имитации египетского. Первый - самый важный, поскольку включает в себя большую часть золотых и серебряных украшений, с несколькими терракотовыми вставками. Предполагалось, что изготовителями этих предметов были финикийцы из Тира и Сидона; но, поскольку многие образцы обнаруживают заметный ассирийский характер и влияние, они, скорее всего, являются копиями из вторых рук произведений, изначально ассирийских.

При рассмотрении этих любопытных произведений искусства можно заметить, что большинство из них из золота использовались либо в качестве ожерелий, либо для прикрепления к другим материалам, вероятно, к коже, состоящим, как и они, по большей части из тонких кусочков или металлических пластинок, в среднем от одного до двух с половиной дюймов в длину, с нанесенными на них предметами, обработанными, как правило, сзади, по моде, которая сейчас называется *повторной* обработкой. Таким образом, мы встречаемся со стоящими женскими фигурами, задрапированными до ступней (которые расположены близко друг к другу), как на скульптурах из Бранхиды, с длинными и тщательно уложенными волосами, падающими на плечи, и обнаженной грудью, руки подняты в жесткой и официальной манере, а кисти частично сомкнуты. У другой фигуры большие крылья, почти похожие на *нимб*, руки скрещены, локти квадратные; а на теле этой фигуры изображено грубо выполненное животное. Третий держит в каждой руке по маленькому льву за хвост, как на некоторых скульптурах из Хорсабада. На четвертом изображении львы не удерживаются, а набрасываются на фигуру.

На другой табличке мы видим почти тот же тип, с той разницей, что львы выделяются очень высоким рельефом и, что достаточно любопытно, по стилю почти идентичны львам *намалоберцовой кости*, полученной из Черветри покойным мистером Блайдсом. Можно увидеть множество примеров *нарсинга*, или типа человека-льва - составной фигуры с головой, туловищем и ногами человека, но прикрепленной к этому телу или позади него и как бы вырастающей из него, тела животного с копытами. Эта чудовищная форма встречается также на вазе из Афин и на ассирийских цилиндрах. Есть также образцы крылатых львов с человеческими головами, их крылья откинута назад так, чтобы закрывать всю фигуру, точно так

же, как на ассирийских скульптурах. В некоторых случаях мы находим бронзу, покрытую золотом, причем последнее часто разрушалось из-за ржавчины и последующего расширения бронзы.

Помимо этих предметов, были найдены также небольшие стеклянные сосуды насыщенного фиолетового цвета с желтыми полосами, подобные сосудам из Кере и других старейших городов Италии, и гроб длиной 6 футов 4 дюйма и шириной 2 фута 1 дюйм, полностью сделанный из *терракоты*. Вся она покрыта следами коричневой и красной краски, а на одном конце изображены красные львы с цветочным орнаментом, а на другом - черный бык между двумя коричневыми львами. Было также найдено много больших терракотовых табличек с различными сюжетами; например, битва между Гектором и Менелаем из-за тела Эвфорба с написанными над ними именами сражавшихся, рисунок, представляющий особый интерес из-за архаичного типа надписанных персонажей: там также были голова Горгоны, сирены и другие странные животные, а также сфинкс и бык с нарисованными в перспективе рогами. Эти пластины, вероятно, были местного производства. Но, помимо этих любопытных античных памятников, раскопки в Камирусе выявили множество предметов очень тонкой работы, два из которых следует упомянуть. Один - маленький золотой сосуд необычайной красоты, около дюйма в диаметре, на одном конце которого изображен сидящий Эрос или Купидон; на другом - Фетида на дельфине со стрелами, которые Вулкан выковал для ее сына Ахиллеса. Другая - великолепная амфора с фигурами красного цвета на черном фоне, тема - "удивление Фетиды Пелеем"; фактически, такая же, как на одной стороне портлендской вазы; таким образом, самым неожиданным образом подтверждается интерпретация, первоначально предложенная много лет назад мистером Миллингеном. Эта ваза относится ко временам Александра Македонского, и на Архипелаге до сих пор найдено мало ваз, если вообще были найдены, с таким свободным и виртуозным рисунком, как эта из Камируса.

Остров Кипр, лежащий у южного побережья Малой Азии, был одним из самых знаменитых из тех, которые обычно называют греческими островами, хотя он, вероятно, меньше претендовал на это название и был более восточным, чем любой другой. Он был, как и следовало из его положения, рано заселен финикийцами, Геродот говорил о местных жителях как о очень смешанной расе. Невозможно определить, какой из нескольких его городов был самым древним; но в ранних еврейских Священных Писаниях мы читаем о "кораблях Читтима", вероятно, кораблях Ситиума, одного из его главных городов. Позднее Пафос, сам относящийся к глубокой древности, стал столицей острова и резиденцией, как мы узнаем из Деяний Апостолов, римского проконсула. Как центр поклонения Венере, на который обращают внимание еще Гомер, а также многие более поздние авторы, Пафос часто посещали чужеземцы, среди которых Тацит упоминает, в частности, императора Тита, когда тот направлялся на осаду Иерусалима (История ii. 3-4). Ее символ, или идол, был чисто азиатского типа и состоял всего лишь из вертикального, конического и не обработанного камня. История острова была очень пестрой, и были лишь сравнительно короткие промежутки времени, когда он действительно находился под властью своих собственных туземных правителей; чаще всего им владела та или иная из соседних с ним континентальных империй, которая в то время была самой могущественной. Таким образом, он обычно находился в руках персов до свержения этой власти Александром, когда он перешел в руки Птолемеев, в диадеме которых он был самым драгоценным украшением. В конце концов она, конечно, была захвачена римлянами, став сначала имперской провинцией, а затем, по договоренности Августа, непосредственно подчиненной Сенату. В более поздние времена это была резиденция епископства, одним из

самых известных епископов Пафоса был знаменитый Епифаний. Во время Крестовых походов Ричард Львиный Кер захватил остров и подарил его Ги де Лузиньяну, королю Иерусалима, откуда и произошел титул королей Кипра и Иерусалима, принятый до недавнего времени некоторыми монархами Западной Европы.

В последнее время остров Кипр оказался одним из самых богатых источников драгоценных остатков древности, раскопанных главным образом мистером Р. Х. Лангом и генералом Пальма ди Чезнолой. Бывший джентльмен опубликовал статью в "Нумизматической хронике" (том xi. Новая серия, 1870), рассказ о серебряных монетах, многие из которых были изготовлены местными киприотами, на которые он наткнулся во время раскопок древнего храма в Дали (Идалиум) в 1869 году. Монеты находили по две несколько раз, и, судя по тому, как некоторые из них были приклеены друг к другу, вероятно, они были вложены в мешок, хотя никаких следов этого обнаружено не было. Мистер Лэнг полагал, что по ним он может проследить существование шести или семи отдельных королевств, которые, как мы знаем из других источников, когда-то существовали на этом острове. Самой ранней из этих монет, возможно, столько же лет, сколько середине шестого века до нашей эры

Наиболее важные результаты раскопок г-на Ланга в этом храме сейчас находятся в Британском музее и были описаны им в докладе, прочитанном в Королевском литературном обществе (см. Transactions, Новая серия, том xi. pt. i. 1875). В этих мемуарах, которые были дополнены некоторыми тщательными наблюдениями мистера Р. С. Пула, мистер Лэнг сообщил много интересных подробностей о своих раскопках. Его первые раскопки были в 1868 году, когда его люди вскоре "наткнулись (так сказать) на шахту со статуями", некоторые из них были колоссальных размеров, и на двух больших желобах во внешнем дворе, возможно, когда-то использовавшихся для омовений, связанных с храмом, который был полностью "заполнен головами маленьких статуй, которые после того, как их отломили от туловищ, были сброшены в корыта скопом". Рядом с этими желобами стояли в три ряда статуи; некоторые из раскопанных камер также были полны скульптур, а в слое древесного угля были измельченные фрагменты костей и зубов нескольких животных, таких как быки, овцы, верблюды и свиньи. Здесь мы можем только добавить, что оформление бороды на некоторых головах удивительно ассирийское; что, действительно, можно было разумно ожидать, поскольку остров долгое время находился под властью этой империи, — и что, помимо монет и скульптур, мистер Лэнг раздобыл также несколько финикийских надписей, не очень ранних, однако, их иероглифы почти идентичны тем, что на хорошо известной надписи в Бодлианской библиотеке в Оксфорде, вместе с одной двуязычной надписью киприотским и финикийским письмом. Последнее оказалось очень ценным, поскольку позволило покойному доктору Брандису и мистеру Г. Смиту решить многие важные вопросы, связанные с кипрским алфавитом.

Почти одновременно с мистером Лангом генерал ди Чезнола, американский консул на Кипре, начал серию раскопок, последние результаты которых в некоторых отношениях намного превзошли все достижения мистера Лэнга. М. Чезнола начал раскопки, как мы полагаем, примерно в 1867 году; но его первые важные открытия были сделаны весной 1870 года, когда он обнаружил на Голгосе остатки двух храмов Венеры, почти на том месте, где некоторое время назад графу де Вогюэ повезло меньше. Именно здесь М. ди Чезнола сформировал свою первую коллекцию, которая сейчас по большей части находится в музее Нью-Йорка. Как и в случае с мистером Лэнгом, все статуи были сброшены и жестоко изуродованы руками "иконоборцев". Среди них, однако, было много таких, которые были просто сброшены со своих пьедесталов и,

следовательно, были почти такими же свежими, как и при первом изготовлении. Большой интерес к коллекции представляет то, что она почти полностью является произведением местных художников. Естественно, в нем было большое количество статуэток Венеры, ваз, ламп и предметов из стекла; последнее, как мы полагаем, в основном из Идалиума. Говорят, что всего там было около 10 000 предметов, и что Нью-Йорк приобрел их примерно по 1 фунту стерлингов за штуку. Мы не можем обсуждать здесь широко обсуждавшийся в то время вопрос о том, следовало ли английскому правительству покупать коллекцию; но если бы это и было так, мы не знаем, где она могла бы быть должным образом выставлена. Британский музей, кажется, полон, как всегда; и нет никакой видимой надежды на то, что уберут отвратительные черные навесы между колоннами перед ним, которые вот уже двадцать лет портили любую архитектурную красоту, которую можно было бы предположить.

Но, безусловно, самыми замечательными открытиями генерала ди Чезнолы являются его самые последние, замечательные результаты которых сейчас, как мы полагаем, находятся на пути в Нью-Йорк, поскольку американскому правительству хватило здравого смысла предоставить ему достаточные средства для продолжения его исследований наилучшим образом. Последние, начатые в 1873 году, преследовались в различных древних местах, таких как Голгос, Саламин, Палео-Пафос, Соли и Аматус; Куриум в конечном итоге оказался самым ценным хранилищем древностей. Помимо двух великолепных саркофагов, которые он добыл ранее, месье Сеснола обнаружил в Куриуме мозаичный настил в стиле, как он его называет, ассирийско-египетском, который уже был частично прорыт каким-то бывшим экскаватором, а под ним, на глубине двадцати футов, подземный ход в скале, ведущий в три камеры, сообщающиеся одна с другой. В первом из них он наткнулся на огромное количество мелких украшений, колец и т. Д. Из чистого золота; во втором - на значительную коллекцию позолоченных ваз, кубков и т. Д.; И в третьем - на бесчисленное множество разнообразных предметов, включая вазы из алебаstra, канделябры, металлические зеркала, кинжалы, нарукавники, маленькие статуэтки животных и т. Д. Наиболее ценными отдельными экземплярами, по-видимому, являются хрустальная ваза и пара золотых армилей с двойной кипрской надписью. Какова же тогда история этого драгоценного *трувая*? Мы рискуем предположить, что идея генерала ди Чезнолы по этому поводу, вероятно, верна: она представляет собой подношения в храме, ныне разрушенном и поспешно убранном, возможно, когда на него напали иконоборцы. На некоторых украшениях выгравированы имена владельцев и, вероятно, дарителей. Подобно реликвиям из Камеруса, эти кипriotские памятники представляют большую антикварную ценность, поскольку доказывают переход от восточного искусства к греческому.

[Для получения дополнительной информации см. Atti d. Reale Accad. di Torino, vol. x.; and Ceccaldi, Le ultime Scoperte nell' isola di Cipro, 1876.]

ГЛАВА V.

СВЯТОЙ ПАВЕЛ.

В предыдущих частях этой работы мы время от времени упоминали о присутствии святого Павла в различных местах, которые мы описали; однако интерес, который каждый испытывает к великому Апостолу язычников, побуждает нас объединить в одной главе краткое изложение его путешествий по Малой Азии; тем более, что для христианина, изучающего историю этой части Западной Азии, святой Павел выделяется особняком — “никто, кроме него самого, не может быть ему параллелен”.

Миссионерские труды Святого Павла начались с того периода, когда Святой Дух сказал: “Отделите мне Варнаву и Павла для дела, к которому Я призвал их” (Деяния xiii. 2); приказ, несомненно, отданный в Антиохии в Сирии, поскольку вскоре после этого они отправились из Селевкии, порта Антиохии, на Кипр, родину Варнавы. Антиохия была тогда столицей Северной Сирии и в такой же степени, если не в большей, чем Иерусалим, центром христианской евангелизации. Отсюда естественная причина, по которой в Антиохии мужчин “впервые называли христианами”. Селевкия, также расположенная в устье Оронта, примерно в двадцати милях ниже Антиохии, была “ключом Сирии” и недавно получила от Помпея титул “Вольного города”, честь, которую она долгое время сохраняла. Доктор Йейтс (долгое время проживавший по соседству) в интересных мемуарах об этом городе (в Музее классических древностей) упоминает, что названия причалов в устье его гавани до сих пор хранят свидетельства о путешествии Святого Павла, южный причал назван в его честь, а северный - в честь Святого Павла. Барнабас. Такие огромные сооружения, как эти, вполне могли сохраниться до наших дней, поскольку Пококк утверждает, что некоторые из камней “имеют двадцать футов в длину, пять в глубину и шесть в ширину и скреплены между собой железными скобами”. Путешествие из Селевкии на Кипр, как правило, короткое и легкое.

Первым местом, которое они посетили на острове, был Саламин,^[114] откуда они направились прямо через него в Пафос, резиденцию римского губернатора Сергия Павла, “благоразумного человека”. Здесь мы имеем замечательную историю об Элиме-колдуне и об обращении правителя, ставшего свидетелем чуда, совершенного рукой святого Павла. Кипр находился в то время, как можно понять из слов Диона Кассия, под непосредственным управлением римского императора, вместе с Сирией и Киликией; но немного позже этот историк добавляет, что Август вернул его Сенату. Следовательно, титул проконсула у святого Луки правильный, поскольку он неизменно присваивался правителям провинций, принадлежащих Сенату. Кипрская надпись в Бокхе подтверждает эту точку зрения. Появление человека, называемого “колдуном” при дворе римского правителя, вполне соответствует нравам того времени. Так, Ювенал саркастически говорит об “Оронте, впадающем в Тибр”.^[115]

114. Саламин находился на восточной стороне острова, почти напротив Сирии; и в прежние времена был столицей острова. Он был разрушен римлянами, но восстановлен с названием Констанция. Это было немного севернее Фамагусты, название которой, как ни странно, имеет не латинское происхождение, как можно было бы предположить, а является прямым потомком первоначального ассирийского аммохосты.

115. Ювен. Сб. iii. 60; ib. vi. 584, 589; Горат. Од. i. xi.; Сб. ii. 1; и Ювен. iii. 13, и vi. 542, указывают на количество еврейских самозванцев самого низкого пошиба, которыми тогда был наводнен Рим: Ювенал, vi. 553, указывает на влияние, которым там обладали так называемые халдейские астрологи.

Часто считалось, что чудом над Елимой датируется смена имени апостола с Савла на Павла, и несомненно, что впоследствии к словам “Тогда Савл (которого также называют Павлом)” (Деяния xiii. 9), первое имя больше не встречается; более того, в своих четырнадцати Посланиях апостол неизменно называет себя Павлом. Так было и раньше, когда Аврам превратился в Авраама. Далее предполагалось, что, поскольку Варнава был уроженцем Кипра, апостолов побудили сначала посетить этот остров; но для их перехода в Атталию в Памфилии, предпочтя какой-либо другой порт, причины не могут быть названы, хотя мы можем предположить, что они действовали на основе информации, полученной на Кипре. Общение, без сомнения, было легким и, вероятно, постоянным. Атталия, как мы указывали, была тогда, как и сейчас, довольно значительным местом и почти единственным портом южной Малой Азии: оттуда они поднялись по крутым и изрезанным ущельям Памфилийских гор в Пергу и, в конечном счете, в Антиохию в Писидии. Священный писатель не сообщает ни о каком событии на их пути туда, за исключением отделения Марка, которое, вероятно, произошло вскоре после того, как они высадились; он даже не указал причину, повлиявшую на Марка; но, возможно, это было так, как предположил Мэтью Генри: “Либо ему (Марку) не понравилась работа, либо он хотел пойти повидаться со своей матерью”. Святой Павел, мы знаем, остро переживал то, что он мог бы справедливо счесть чуть ли не дезертирством; действительно, это отделение привело, как мы увидим позже, к разделению между ним и Варнавой накануне воскресения. его второе миссионерское путешествие.

Каковы бы ни были причины Марка, несомненно, что он действительно уехал и что Святой Павел с характерной храбростью продвигался вперед по стране, природу которой мы описали, говоря о Кремне, Сагалассе и вероятном местоположении Перджа; и которая может быть понята во всей полноте теми, у кого есть время изучить ценные исследования Лика и Гамильтона, Спратта и Форбса, Аранделла и сэра Чарльза Феллоуза. Было обоснованно предположено, что, путешествуя, как он, вероятно, и делал незадолго до начала летней жары, святой Павел присоединил свой небольшой отряд к какой-то большой группе или каравану, двигавшемуся внутрь и на север в том же направлении. Многие путешественники, и особенно сэр Чарльз Феллоуз, указывали на ежегодный обычай, преобладающий среди жителей южных берегов Малой Азии, покидать свои дома с наступлением жаркой погоды и переселяться со своим скотом и домашним имуществом в более прохладные горные долины.

Что касается Антиохии в Писидии, мы уже показали, что мистер Аранделл был первым, кто указал на то, что некоторые руины, ныне называемые Ялобач, едва ли могут быть чем-то иным, кроме руин этой Антиохии. Поэтому нам нет необходимости больше останавливаться на этом моменте, просто добавив, что из-за его большого коммерческого значения святой Павел, должно быть, нашел там много постоянно проживающих евреев, в то время как мы знаем, что там была по крайней мере одна синагога.

Далее в повествовании Библии говорится, что по прибытии в Антиохию апостолы “вошли в синагогу в день субботний и сели”; затем, после чтения Закона, как это было и остается обычным обычаем, начальники синагоги пожелали, чтобы они выступили, и святой Павел

произнес одну из своих наиболее характерных речей, которая поначалу была хорошо принята его соотечественниками, и особенно теми людьми, которые, отказавшись от идолопоклонства, обычно были известны как прозелиты. Поэтому его пригласили проповедовать в следующую субботу, поскольку прошедшая неделя, без сомнения, была хорошо использована для постоянных встреч святого Павла с этими прозелитами, а также для серьезных обращений и увещаний. Следовательно, нам говорят, что в этот второй раз “почти весь город собрался вместе, чтобы услышать слово Божье”. Но это было больше, чем евреи могли вынести: поэтому они взбесили “главных мужей города”, и вскоре после этого апостолы были (нам не сообщается, как скоро) “изгнаны из своих пределов”, то есть им было приказано выйти за пределы римской колонии Антиохии; хотя, поскольку вскоре после этого они снова вернулись туда, вполне вероятно, что никакого официального указа об изгнании против них обнародовано не было. По этому поводу “они отряхнули от них пыль со своих ног”.^[116]

116. Действие, к которому прибегли Апостолы, было, как следует помнить, подчинено прямым словам нашего Господа: “Если кто, - сказал Он, - не примет вас и не услышит вас, то, когда вы выйдете оттуда, отряхните прах от ног ваших во свидетельство против них” (Мф. х. 14; Марк. vi. 11; Лк. ix. 5). Фактически, это был символический акт, подразумевающий, что город считался нечестивым. Можно предположить, что “благочестивые и благородные женщины” (Деяния xiii. 50) были прозелитами.

Речь апостола Павла во вторую субботу заслуживает внимания как та, в которой он впервые определенно изложил цель своей миссии; ибо, подвергшись таким нападкам со стороны своих соотечественников, он обратился к ним со словами: “Необходимо было, чтобы слово Божие было прежде возвещено вам; но, видя, что вы удаляете его от себя и считаете себя недостойными вечной жизни, мы обращаемся к язычникам” (Деяния xiii. 46). Страбон (vii. 3) указал, что “женское влияние” было замечательной характеристикой нравов Западной Азии в его время, и мы видим, что евреи воспользовались этим в данном случае. Итак, покинув Антиохию, апостолы повернули почти на юго-восток, к Иконию, которая, как мы уже говорили, была в те дни главным городом подрайона Ликаония. Обращение, которому подверглись апостолы в Иконию, не сильно отличалось от того, что они испытали в Антиохии. Здесь, как и там, “неверующие иудеи возбуждали язычников”, но в течение некоторого времени им не удавалось осуществить свои замыслы, поскольку апостолы могли оставаться там долгое время, “смело говоря в Господе”. На самом деле, как и в Эфесе, “множество города разделилось, и часть осталась с иудеями, а часть с апостолами” (xiv. 4). В конце концов, однако, иудеи одержали верх: так что апостолам пришлось спасаться от побивания камнями, спасаясь бегством “в Листру и Дервию, города Ликаонии и в область, лежащую вокруг” (ст. 6), “и там, - добавляется, - они проповедовали Евангелие”.

Мы уже показали, что существуют некоторые сомнения относительно расположения этих двух городов, но что мистер Фолкнер, вероятно, нашел Листру на склоне горы под названием Карадаг, в месте, называемом турками Бин-бир-Калесси, или Тысяча Церквей. Точно так же местоположение Дерба, конечно, еще не определено полностью; но, судя по сходству названий, оно может находиться в Дивле, как предположил Гамильтон.

Рассказ о том, что произошло в Листре, очень интересен. Сначала мы можем предположить, что святой Павел проповедовал случайным группам, собиравшимся вокруг него: однако через некоторое время он увидел бедного калеку, “который никогда не ходил”, и, “поняв, что у него

есть вера быть исцеленным”, сразу же исцелил его, сказав ему громким голосом: “Встань прямо на ноги”. Нужно ли удивляться, что изумление людей выразилось в естественном восклицании о том, что “боги пришли к нам в образе человеческом”. Повествование подразумевает существование перед стенами города храма Юпитера (Деяния xiv. 13), некоторые следы которого, возможно, все еще сохранились, и, если это так, впоследствии они послужат для идентификации этого места. Господа . Конибир и Хаусон указали, что красивая легенда о посещении Юпитером и Меркурием земли в рассказе Овидия о Бавкиде и Филимоне относится к этой части Малой Азии: следовательно, жители Листры были готовы признать в Варнаве и Павле Юпитера и Меркурия из своих собственных басен. Каким был “язык Ликаонии”, мы не можем сказать, поскольку, насколько нам известно, не сохранилось никаких несомненных слов этого диалекта.

Но ликаониане, хотя поначалу и были так легко убеждены в божественности апостолов, вскоре показали себя такими же непостоянными, как “неразумные галаты”. Святой Лука добавляет: “и пришли туда некоторые иудеи из Антиохии и Иконии, и убедили народ, и, побив Павла камнями, вывели его из города, полагая, что он мертв”, - настолько непродолжительным было впечатление, произведенное даже исцелением рожденного калеки. Несомненно, именно на это нападение на него впоследствии ссылается апостол Павел в словах: “Однажды я был побит камнями” (2 Кор. xi. 25). То, что он не был убит, подобно святому Стефану, как боялись Варнава и его друзья и на что надеялись евреи, само по себе является чудом. Как бы то ни было, он сразу же выздоровел, когда “встал и пришел в город”, а на следующий день отправился “с Варнавой в Дервию”. Именно в Листре святой Павел познакомился с Тимофеем (или Тимофеем), своим будущим постоянным спутником. На Дербе заканчивается все, что было записано о первом путешествии святого Павла. Однако по возвращении Павла и Варнавы мы узнаем, что они бесстрашно снова посетили все места, где ранее проповедовали, “утверждая души учеников и увещая их пребывать в вере”. В то же время они рукоположили “пресвитеров в каждой церкви”, молясь с постом и вверяя “их Господу, в которого они уверовали”.

Направление Второго миссионерского путешествия Святого Павла, большая часть которого укладывается в рамки этого тома, вероятно, было определено тем, когда Собор апостолов в Иерусалиме разослал письма “братьям из язычников в Антиохии, Сирии и Киликии” (xv. 23): очевидно, что это было и собственным желанием Святого Павла, ибо он говорит: “Давайте снова пойдем и посетим наших братьев во всех городах, где мы возвещали слово Господне, и посмотрим, как у них дела”. По предложению об этом втором путешествии, апостол Павел обратился к своим ученикам. что знаменитый спор произошел между святым Павлом и Варнавой, первый отказался взять с собой родственника Варнавы Марка, потому что тот уже повернул назад. Поэтому для этого путешествия (в Атталию) “Павел избрал Силу и отправился, будучи рекомендован братьями благодати Божией; и он прошел Сирию и Киликию, утверждая Церкви” (ст. 40). Мы не можем обсуждать здесь обстоятельства этой ссоры между двумя “слугами Господними”, но одним хорошим результатом этой ссоры, несомненно, стало гораздо более широкое проповедование Евангелия, чем могло бы произойти в противном случае; поскольку благодаря такому разделению были созданы два разных направления миссионерской работы вместо одного; Варнава выбрал островное направление, в то время как святой Павел выбрал континентальное.

Мы не знаем, каким путем святой Павел отправился из Антиохии, но, скорее всего, он проследовал в Киликию через “Сирийские ворота”, которые теперь называются Бейланским

перевалом, о характере которого можно полностью узнать от мистера Эйнсворта и других путешественников. По какой-то неизвестной причине Священная история не называет ни одного места, посещенного во время этого подтверждающего путешествия, пока апостолы не достигли Дервии и Листры; хотя мы можем быть уверены, особенно учитывая, что в послании апостолов упоминаются “язычники Киликии”, что святой Павел не преминул посетить свой родной город Тарс, “небезызвестный город”, упомянутый в его обращении к римскому правителю. В Тарсе, если вообще где-либо в Киликии, наверняка нашлись бы христиане, которые обрадовались бы “подтверждающим” словам Апостола. Из Тарса святой Павел, должно быть, перешел с юго-восточной на Северо-запад, через огромный горный барьер, отделяющий центральное плоскогорье Малой Азии от равнины, в которой находился Тарс. Здесь есть несколько перевалов; ближайший к Тарсу и самый прямой - это “Киликийские ворота”, замечательная расщелина длиной около восьмидесяти миль. Поднимаясь, вероятно, по этому перевалу, святой Павел достигнет равнин Ликаонии, расположенных на высоте около 4000 футов над уровнем моря, за четыре или пять дней. В Листре (вероятно) он снова встретил молодого ученика Тимофея, “о котором хорошо рассказывали в Листре и Иконию”, и который, по просьбе святого Павла, сразу же присоединился к нему: оттуда, “проходя по городам, они передавали им предписания соблюдать, которые были установлены апостолами и Пресвитерами, бывшими в Иерусалиме; и так церкви утверждались в вере и ежедневно увеличивались в числе”. Нам не говорят, что в этом случае святой Павел встретил какое-либо серьезное сопротивление.

Краткость описания этого путешествия весьма разочаровывает, поскольку мы не знаем, посещал ли святой Павел хотя бы Антиохию в Писидии: все, что мы узнаем, это то, что ему *приказали* “пройти через Фригию и область Галатия”, совершенно новую местность, представляющую районы, которые раньше не могли быть благовествованы. Однако даже здесь названия городов не записаны до тех пор, пока он не доберется до Мисии; с другой стороны, ему *не было* позволено проповедовать “слово” в Азии, то есть в пределах римской “Азии”, ни входить в Вифинию. Скорее всего, как предположили господа. Конибера и Хаусона, он следовал по великим римским коммуникационным линиям и проехал мимо Лаодикии, Филомелии и Синнады.

Из употребления им множественного числа “к церквам Галатии” в качестве заголовка своего Послания к этому народу можно сделать вывод, что там не было ни одной великой церкви, как в Эфесе или Коринфе; но нам это кажется излишним уточнением. Мы можем, однако, предположить, что никаких особых чудес в этом путешествии не было, или, во всяком случае, ничего такого, на что святой Лука счел необходимым обратить внимание. Мы узнаем от самого святого Павла (Галат. iv. 13), что именно из-за телесной болезни он проповедовал галатам в первую очередь, возможно, как и предполагалось, по пути в Понт, из отдаленной провинции которого, как мы знаем, некоторые иудейские прозелиты прибыли в Иерусалим и присутствовали в день Пятидесятницы (Деяния ii. 11): более того, из его Послания к Галатам несомненно, что он был хорошо принят этим непостоянным народом, большая и разношерстная толпа которого приняла христианство.

Как и во многих других случаях, нам не дается никаких указаний на дальнейший маршрут, которым апостолы на самом деле направлялись в Троаду, но из-за Божественного запрета им проповедовать в “Азии” мы можем предположить, что время для распространения Евангелия среди великих городов Эфеса, Смирны или Пергама еще не пришло. Следует заметить, что

апостолам не запрещено *входить* в Азию, как это было в случае с Вифинией, но только не для того, чтобы *проповедовать там*. Действительно, они не могли бы легко добраться до Троады, не пройдя через “Азию”.

Первым морским портом, которого достиг Святой Павел, должно быть, был Адрамиттиум, название которого, однако, здесь не указано, хотя оно упоминается впоследствии, во время путешествия в Рим. Об этом месте мы уже дали некоторый отчет; и отсюда, по—видимому, апостол направился далее в Ассос и Александрию Троадскую, где ему явилось замечательное видение, которое описывается следующим образом:

“И видение явилось Павлу ночью. Там стоял человек из Македонии и молился ему, говоря: приди в Македонию и помоги нам. И после того, как он увидел видение, мы немедленно попытались отправиться в Македонию, несомненно собрав то, к чему призвал нас Господь, чтобы проповедовать им Евангелие. Поэтому, выйдя из Троады, мы направились прямым курсом в Самофракию...” (Деяния XVI. 9, 10, 11).

Вынужденные здесь сжать как можно больше того, что должно быть сказано, мы неохотно отказываемся следовать за апостолом Павлом в Европу. Поэтому нам остается только констатировать, что по прошествии двух лет святой Павел вернулся в Сирийскую Антиохию и Иерусалим, проведя по пути достаточно времени в Эфесе, так что “он сам вошел в синагогу и беседовал с иудеями” (xviii. 19), пообещав, по просьбе собрания, что он вернется в Эфес, “если Бог пожелает”. “Поприветствовав Церковь” (вероятно, Иерусалимскую), он вернулся в Антиохию, а оттуда “отправился и обошел всю страну Галатию и Фригию по порядку, укрепляя всех учеников”,^[117] прибыв, в конечном счете, в Эфес, где он нашел Аполлоса, “мужа красноречивого и сильного в Писаниях” (xviii. 24).

117. Краткое изложение в Деяниях ничего не говорит нам о том, какой путь избрал святой Павел в этом случае; но поскольку он прошел “по всей стране Галатия и Фригия по порядку”, мы не можем сомневаться, что его посещение церквей было полным и что он посетил все или большинство мест, замеченных в предыдущих путешествиях.

Визит святого Павла в Ефес был периодом, когда Богу было угодно совершить для более поздних учеников то, что было совершено ранее, двенадцать или тринадцать лет назад, в день Пятидесятницы: “сошел на них Дух Святой, и они заговорили языками и пророчествовали”. В данном случае достаточно сослаться на слова повествования, приведенные в Деяниях XIX. 2: “Он” (святой Павел) “сказал им: получили ли вы Святого Духа с тех пор, как уверовали? И они сказали ему: мы даже не слышали, есть ли какой-нибудь Святой Дух” и проч.... “Когда они услышали это, они крестились во имя Господа Иисуса; и когда Павел возложил на них свои руки, Святой Дух сошел на них, и они заговорили языками и пророчествовали”.

В Ефесе святой Павел пробыл более двух лет, усердно проповедуя Евангелие и “ежедневно ведя диспуты в школе некоего Тирана”. Какое-то время, по-видимому, не возникало никакого сопротивления; более того, в течение трех месяцев ему разрешалось пользоваться даже синагогой; но, в конце концов, торговцы идолами почувствовали, что их ремесло находится под угрозой, и особенно мужчины, которые, подобно Деметрию, серебряному мастеру, делали “серебряные святыни для Дианы, что приносило немалую прибыль ремесленникам”.

Как и в Коринфе, святой Павел в Эфесе столкнулся лицом к лицу с азиатскими суевериями, противостоящими даже магическому искусству, как это сделали Моисей, Ианний и Иамврий, а

также "экзорцисты". Чем на самом деле была эта "магия", много спорилось. Как бы то ни было, Талмуд говорит нам, что "знание магии" требовалось как необходимое условие для получения места в Синедрионе, чтобы член совета мог судить обвиняемых в подобной практике, хотя некоторые из них необязательно имели злой умысел: однако из дела Сцевы (xix. 14) ясно, что многие "экзорцисты" плохо использовали любые высшие знания, которыми они обладали или притворялись, что обладают. Успех святого Павла, однако, в пресечении этого вида мошенничества был настолько полным, что большое количество экзорцистов подчинились ему и сожгли свои книги, которые ценились очень дорого. "Городской писарь", несомненно, был, как мы уже отмечали ранее, римским офицером и, как хранитель государственных архивов, одной из самых важных персон в городе. То, как он подавлял *эмигрантов* в театре, ясно показывает это; но, поскольку он явно ссылается на других, более могущественных, чем он сам, мы вряд ли думаем, как это делали некоторые, что он сам был одним из "асиархов", или, как говорится в нашем переводе, "вождей Азии". Его язык показывает, что он не был враждебен святому Павлу (хотя и не обязательно, что он сам был христианином); и, кроме того, что он хорошо знал, как обращаться с толпой, "большая часть которой не знала почему". они пришли вместе".

Теперь мы почти закончили краткий очерк, который сочли необходимым дать о путешествии святого Павла по Малой Азии. Вероятно, вскоре после беспорядков на театре он уехал в Македонию; так что остальную часть его связей с Малой Азией или греческими островами можно суммировать в нескольких словах. Проведя некоторое время в Македонии, с возможным путешествием через Иллирию и Западную Грецию, которое заняло у него три месяца (xx. 3), святой Павел вернулся на север и, миновав Филиппы и Неаполис, пересек Эгейскую до Александрии Трояды. Этот второй визит в Трояду примечателен главным образом историей о мальчике Евтихе, которого одолел сон, когда святой Павел продолжал свою речь до полуночи, он упал на землю и был убит. Следует заметить, что в чуде своего возвращения к жизни святой Павел подразумевал использование тех самых слов нашего Спасителя, обращенных к молодой девушке: "Она не умерла, но спит". Оттуда он в одиночку прошел пешком двадцать миль до Ассоса, через местность, тогда, как и сейчас, густо поросшую лесом, но с хорошей римской дорогой, давно пришедшей в полное упадок. Тогда великий Апостол шел пешком в одиночестве, но иногда требуется уединение, чтобы придать больше сил.

Из Ассоса святой Павел сел на корабль в Митилену, откуда направился на Хиос, Самос, Трогиллий и Милет. В этом последнем месте он созвал старейшин из Эфеса и торжественно попрощался с азиатскими христианами, среди которых он так долго и плодотворно трудился; и, пройдя оттуда через Кус и Родос в Патару, наконец сел там на корабль и отплыл в Финикию (xxi. 1). В Трогиллиуме на карте Адмиралтейства изображена гавань, которая до сих пор носит название порта Святого Павла. Насколько нам известно, за исключением посещения Книда во время своего последнего путешествия в Рим, святой Павел больше не имел связи с Малой Азией.

- Примечания переписчика:
 - Запись для [Указателя](#) была добавлена в [оглавление](#).
 - Некоторые сноски не имели разборчивого номера и были перенумерованы до номера, наиболее соответствующего ссылочному в тексте.
 - Неправильный греческий акцент и знаки дыхания были беззвучно исправлены.
 - В случаях, когда автор неправильно писал слова в очень известных и хорошо документированных отрывках из классических произведений, неправильное написание было исправлено
 - Типографские ошибки были исправлены автоматически.